

ПОЭМА
О СКРЫТОМ СМЫСЛЕ

РУМИ

РУМИ

ПОЭМА
О СКРЫТОМ
СМЫСЛЕ

РУМИ

ПОЭМА
О СКРЫТОМ
СМЫСЛЕ

Джалаладдин РУМИ

ПОЭМА
О СКРЫТОМ
СМЫСЛЕ

Избранные притчи

Перевод с персидского
НАУМА ГРЕБНЕВА

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва
1986

ББК 84.4(0)9
Р86

*Составление,
подстрочный перевод,
послесловие и комментарии*
О. Ф. АКИМУШКИНА

Ответственный редактор
М. -Н. О. ОСМАНОВ

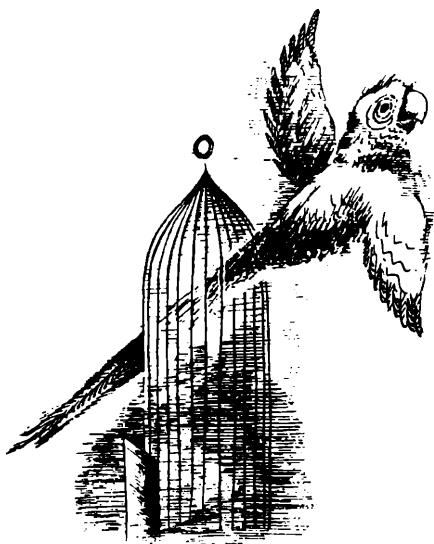
Художник
В. Б. Переберин

Р 4703000000-098
013(02)-86 Без объявления

ББК 84.4(0)9

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ИЗ КНИГИ
ПЕРВОЙ

**ВСТУПЛЕНИЕ
ПЕСНЬ
СВИРЕЛИ**

Вы слышите свирели скорбный звук?
Она, как мы, страдает от разлук.

О чем грустит, о чем поет она?
«Я со своим стволом разлучена.

Не потому ль вы плачете от боли,
Заслышав песню о моей доле.

Я — сопечальница всех, кто вдали
От корня своего, своей земли.

Я принимаю в судьбах тех участие,
Кто счастье знал, и тех, кто знал несчастье.

Я потому, наверно, и близка
Тем, в чьей душе и горе, и тоска.

Хоть не постичь вам моего страданья:
Душа чужая — тайна для познания.

Плоть наша от души отделена,
Меж ними пелена, она темна.

Мой звук не ветер, но огонь, и всякий раз
Не холодит он — обжигает нас.

И если друг далек, а я близка,
То я ваш друг — свирель из тростника.

Мне устранять дано посредством пеня
Меж господом и вами средостенье.

Коль духом слабые в меня дудят,
Я не противоядие, но яд.

Лишь тем, кто следует стезей неложной,
Могу я быть опорой надежной.

Я плачу, чтобы вы постичь могли,
Сколь истинно любил Маджнун Лейли.

Не разуму доступно откровенье:
Людское сердце — вот ценитель пеня».

Будь безответною моя тоска,
Кто оценил бы сладость тростника?

А ныне стали скорби и тревоги
Попутчиками и в моей дороге.

Ушла пора моих счастливых лет,
И благодарно я гляжу им вслед.

В воде рыбешки пропитанья ищут,
А нам на суше долгодень без пищи.

Но жизни для того на свете нет,
Кто ищет пищу в суете сует,

Кто лишь для плоти ищет пропитанья,
Пренебрегая пищею познания.

Не очень сходны меж собою тот,
Кто суть познал, и тот, кто познает.

Порвите ж цепь, свободу обретая,
Хоть, может, эта цепь и золотая.

И ты умерь свою, стяжатель, прыть:
Ведь всей реки в кувшин не перелить.

И жадных глаз невежды и скупца
Ничем нельзя наполнить до конца.

Лишь раб любви, что рвет одежды в клочья,
Чужд и корысти, и пороков прочих.

Любовь честна, и потому она
Для исцеления души дана.

Вернее Эфлатуна и Лукмана
Она врачует дух и лечит раны.

Ее дыхание земную плоть
Возносит в небо, где царит господь.

Любовью движим, и Муса из дали
Принес и грешным людям дал скрижали.

Любовь способна даровать нам речь,
Заставить петь и немоте обречь.

Со слухом друга ты свои уста
Соедини, чтоб песнь была чиста.

Кого навеки покидает друг,
Тот, как ни голосист, смолкает вдруг.

Хотя напевов знает он немало,
Нем соловей в саду, где роз не стало.

Влюбленный — прах, но излучает свет
Невидимый его любви предмет.

И всякий, светом тем не озаренный,
Как бедный сокол, крыл своих лишенный.

Темно вокруг и холодно в груди,—
Как знать, что позади, что впереди?

Для истины иного нет зеркала —
Лишь сердце, что любовью воспылало.

А нет там отраженья — поспеши,
Очисти зеркало своей души.

И то постигни, что свирель пропела,
Чтоб твой отринул дух оковы тела.

**ПРИТЧА О БАКАЛЕЙЩИКЕ
И ПОПУГАЕ, ПРОЛИВШЕМ
БЛАГОВОННОЕ
МАСЛО**

Тем некий лавочник любил хвалиться,
Что у него диковинная птица,

Что попугай и лавку сторожил
В тот час, когда хозяин уходил,

И забавлял своим словесным даром
Входивших в заведение за товаром.

И в этот раз хозяин под призор
Ему оставил все, как до тех пор.

Сел попугай привычно на прилавок
Между мешков, кулей и всяких травок.

Но где-то кошка пробежала вдруг,
И попугаем овладел испуг.

Случилась неприятность с ним, ученым:
Бутыль разлил он с маслом благовонным,

Меж тем хозяин в лавку возвратился,
Учуял аромат и рассердился.

И так отделал птицу он со зла,
Что та лишилась своего хохла.

Сказать точнее — птица облысела,
От горя не пила она, не ела.

И, что гораздо хуже, замолчала,
О чем хозяин горевал немало:

«О солнце моего благополучья,
Стать лысым самому мне было б лучше!

Уж лучше бы сломать мне руку ту,
Что обрекла тебя на немоту!»

О том он дервишей просил молиться,
Чтоб к птице речь могла бы возвратиться.

Власы он рвал, стenal: «О, горе мне,
Умолкла птица по моей вине!»

Он редкие показывал ей вещи,
Но лысый попугай молчал зловеще.

Три темных ночи, три печальных дня
Промчались, ничего не изменя.

И надо ж было дервишу случиться,
Чье тело прикрывала власяница.

На голове его зияла плешь.
И крикнул попугай: «Меня утешь!»

Скажи, что и тебя, брат, оголили
За то, что масло пролил из бутылки!»

Всем показалось шуткою смешной,
Что счел он дервиша себе ровней.

Есть много слов, чье сходно написание,
Хоть и совсем различно содержание.

И кто-то в заблуждении глубоком
Себя считать готов под стать пророкам.

Мы тоже, мол, сродни мужам святым;
Мы, как они, едим, и пьем, и спим.

Сии слепцы не чувствуют различья,
Равняя все: ничтожность и величье.

Что делать, с одного цветка берет
Змея свой горький яд, пчела — свой мед.

Две кабарги в долине обитали,
Одни и те же травы их питали,

Но мускуса одна дала немало,
И лишь навоз вторая даровала.

Двух тростников так схожа красота,
Но сахар в том, а в этом — пустота.

Таких примеров тьма, и человек
Все постигает, доживая век.

**РАССКАЗ
О МАСТЕРЕ
И КОСОГЛАЗОМ
ПОДМАСТЕРЬЕ**

Сказал однажды мастер подмастерью:
«Возьми сосуд, что в комнате за дверью».

Был мальчик косоглаз, и он, — о чудо —
Вошедши в дом, увидел два сосуда.

Косой вернулся, попросил сказать,
Какой ему из двух сосудов взять?

Хозяин рек: «Один сосуд у нас,
Его на два с косых ты множишь глаз!»

Сказал косой: «Я видел два сосуда,
Какой из них мне принести оттуда?»

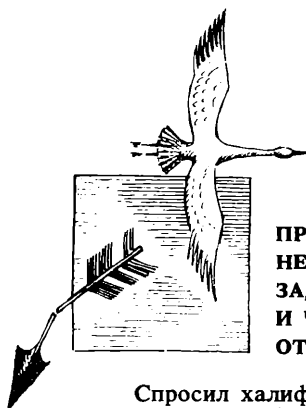
Был мастер стоек в правилах своих:
«Когда их два, разбей один из них!»

Послушал подмастерье и тотчас
Разбил один — другой сокрылся с глаз.

Пороки, коим «зло» и «похоть» имя,
Людей нередко делают косыми.

Пороки эти наш туманят взгляд,
В одном предмете видеть два велят.

А если и корыстью мы грешим,
То нам и вовсе мучиться слепым.

**ПРИТЧА О ТОМ, КАК
НЕКИЙ ХАЛИФ
ЗАДАЛ ВОПРОС ЛЕЙЛЕ
И ЧТО ОНА ЕМУ
ОТВЕТИЛА**

Спросил халиф: «Так ты и есть Лейла,
Что Кайса бедного с ума свела?»

Но я в тебе красоты не нахожу,
Как ни гляжу, с ума я не схожу!»

И прошептали губы девы юной:
«Чтоб зреть красу, ты должен быть Маджнуном,

И свет его нести в своих глазах,
И верным мне в обоих быть мирах,

Пьянеть от моего прикосновенья
И почитать несчастьем отрезвленье.

Душа того, кто бдит, усыплена,
И это бденье много хуже сна.

Меж тем безумье нам дарует плен
Благоразумью трезвому взамен.

И все же Истина к тому, кто верит,
Стучит, как путник в запертые двери.

А если ты в душе своей таишь
Лишь мысли, где убыток, где барыш,

Мне жаль тебя: на тропах к высям вечным
Блаженства людям не познать беспечным.

Там всяк проигрывает неизменно,
Кто связан с тем, что призрачно и тленно.

Порой летит высоко в небе птица,
Лишь тень по полю, по дороге мчится.

И ты, глупец, бежишь за ней весь день,
Но как поймать то, что всего лишь тень?

Ты видишь не предмет, а тень предмета,
А где же сам предмет? Он в небе где-то.

Свершает птица в небесах паренье,
А на земле всего лишь отраженье.

И эту тень пронзает вновь стрела,
Которую пускаешь ты со зла.

Что тени этой от летящих стрел?
А жизнь прошла, колчан твой опустел».

**РАССКАЗ
ОБ ОСЛИЦЕ
И КОЛЮЧКЕ**

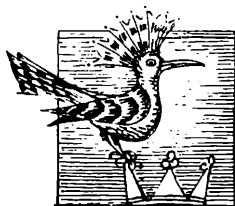
Попал репей под хвост одной ослице,
Как бедной от него освободиться?

Кого просить, чтобы репей извлек,
Который и колол ее и жег?

Она лягалась, по земле каталась,—
Колючка только глубже в зад вонзалась,

Ослица так ревела, что пинок
Ей кто-то дал под зад, и он помог.

Хвала пинку, который в трудный час
Освобождает от колючки нас.

**РАССКАЗ
О ЦАРЕ СОЛЕЙМАНЕ
И УДОДЕ**

Царь Солейман проснулся поутру,
И птицы подошли к его шатру.

Владыка знал небесных птиц язык,
Хоть и не только этим был велик.

И вообще душа душе близка
Не только понимаем языка.

Порою понимает, как ни странно,
И турок уроженца Индостана,

И может турка не понять вовек
В его краю рожденный человек.

Ведь кроме речи есть язык доверья,
Которым люди связаны и звери.

Поэтому все твари шли, как други,
Чтоб предложить царю свои услуги.

Пред Солейманом каждый в меру сил
Свое уменье славил и хвалил.

Вот очередь дошла и до удода:
«Я даром наделен такого рода:

Из всех пернатых я могу один
Учуть воду среди земных глубин.

И как бы ни был мой полет высок,
В земле я вижу русло и исток,

Да буду, Солейман, тебе отныне
Полезен я в походах по пустыне!»

«Ну что ж,— промолвил царь,— в степях безводных
Ты будешь среди друзей для нас угодных

И влагу, без которой жизни нету,
Определишь по запаху и цвету».

Но ворон, позавидовав удоду,
Прокаркал: «Врет он, что находит воду,

Будь столь его таланты велики,
Не попадал бы сам удод в силки.

Меж тем известно всем, что птицы эти,
Подобно прочим, попадают в сети!»

Подумал царь и молвил: «Мой удод,
Похоже, ворон в этот раз не врет.

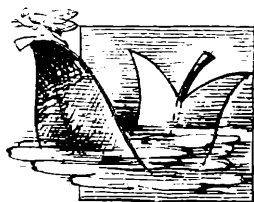
Хоть, может статься, твой напиток сладок,
Но все ж и в первой пиале осадок!»

«Мой царь, во имя всех на свете благ
Не слушай ты, что каркает мой враг.

Поверь мне: то, что я сказал,— не ложно:
Я вижу с неба все, что видеть можно.

Открыто сверху взору моему
Лишь то, что не грозит мне самому.

Но если в западню судьба попасть мне,
Мне очи застит мрак, и солнце гаснет!»

**ПРИТЧА О ТОМ,
КАК ПОМОЙНАЯ МУХА
МНИЛА СЕБЯ
КОРМЧИМ**

То, что прочтешь ты в этой небылице,
Пусть никогда с тобою не случится.

Однажды муха стала вдруг хмельна,
Хотя она и не пила вина.

Она по морю-океану смело
Плыла и, словно кормчий, вдаль глядела.

Сказать верней — на листике плыла
По луже, что осталась от осла.

За век свой муха всякого немало
О кораблях и о морях слышала.

Итак, в тот час она, не зная горя,
Как кормчий и моряк, плыла по морю.

Хоть это море сотворил в саду
Осел, что справил малую нужду.

Иной, толкующий ученье сухо,
Не более мудрец, чем кормчий — муха.

И речь его, что сходит с языка,
Зловонна более, чем глубока.

**ПРИТЧА
О ГЛУПЦЕ,
КОТОРЫЙ УБЕГАЛ
ОТ СМЕРТИ**

Один глупец однажды утром рано
Предстал перед очами Солеймана.

«Что ты, несчастный, хочешь?» — царь спросил.
«Ко мне, о шах, являлся Азраил.

Со мною он стоял почти что рядом
И на меня взирал недобрым взглядом!»

«Чем я могу помочь тебе, скажи?»
«О мой владыка, ветру прикажи,

Пусть в Индостан умчит меня, как птица,
Чтоб там от Азраила мне сокрыться!»

И Солейман тотчас же приказал,
Чтоб ветер в Индостан глупца умчал.

И вскоре, встретив Азраила где-то,
Царь попросил у агнела ответа:

«Ты для чего глядел, посланец бога,
На этого несчастного так строго,

Не для того ль, чтоб от семьи вдали
Скитался он в полях чужой земли?»

Ответил ангел: «Самому мне странно,—
Но бог велел в просторах Индостана

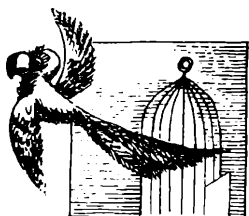
Мне душу эту взять и в ад унести,
И удивлен я был, что грешник здесь.

Но он туда умчался во мгновенье,
И я исполнил божье повеленье,

Хоть для того в своем служеньи богу
Я одолел нелегкую дорогу!»

И нам бы думать стоило всегда:
Мы от кого бежим, бежим куда?

Сокрыться от себя не в нашей воле,
От бога убежать нельзя тем боле.

**ИСТОРИЯ О КУПЦЕ,
КОТОРЫЙ ОТПРАВИЛСЯ
В ИНДОСТАН,
И О ПОРУЧЕНИИ,
КОТОРОЕ ДАЛ ЕМУ
ПОПУГАЙ**

За то купец один был уважаем,
Что он владел ученым попугаем.

Однажды, собираясь в дальний путь,
Купец из Индостана что-нибудь

В дар по желанию и по заслугам
Замыслил привезти родным и слугам.

Он домочадцев спросил и чад,
Чему особо был бы каждый рад?

И каждый высказал свое желанье
Хозяину в печальный час прощанья,

Желанье высказал и попугай:
«Когда приедешь ты в мой отчий край,

Скажи всем индостанским попугаям,
Что я разлукой нашею терзаем.

Что, думая о них в своей неволе,
От горя я страдаю и от боли.

Скажи, что я от них совета жду,
Как пересилить мне свою беду?»

«Ты передай им,— продолжала птица,—
В неволе может всякое случиться.

Судьба не равно одарила нас,
И попугаи в свой счастливый час

Пусть, как о преждевременной утрате,
Вспоминают о своем собрате.

О тех, кто страдает, вспоминает друг,
Им облегчает бремя бед и мук.

Особо если друга звать Лейлою,
Что о Маджнуне думает порою.

Там где-то и кумир мой пестрокрылый,
Она, кого я звал своею милой.

Я, вспоминая о ее любви,
Пью чашу полную своей же крови.

Пусть, обещаю данному верна,
Меня вспоминает и она.

Пусть в час веселья в память обо мне
Она слезу обронит в тишине».

Купец исполнить просьбу попугая
Поклялся, отчий край свой покидая.

И вот, когда тяжелый караван
Путь одолел и прибыл в Индостан,

Купец увидел птиц счастливых стаю
И вспомнил то, в чем клялся попугаю.

И от того им передал привет,
Кто их не видел много-много лет.

Одна из птиц, исторгнув крик из горла,
Упала вдруг и крылья распростерла.

Решил купец: «В том есть моя вина —
У них два тела, а душа одна.

Во мне несчастья этого причина,
Хоть в том мое незнание повинно.

Зачем никто не вразумил меня,
Что птица павшая — моей родня.

Напрасно я исполнил порученье,
Принес невинным птицам огорченье».

Язык людей — железо, слово — камень,
От их касанья возникает пламень.

Меж ними нам нельзя вносить раздора
Бахвальства ради или ради спора.

Пусть слово — благо, все же иногда
От слова меньше пользы, чем вреда.

Хоть в поле хлопковом темно, а все ж
Не зажигай огня, иль все сожжешь.

Речь не обдумывают лишь тираны,
Словами подданным наносят раны.

Ведь слово может мертвых оживить
И целый мир в пустыню превратить.

Бывает, что одно и то же слово
Терзает одного, целит другого.

Чем путь земной твой ни был бы отмечен,
Воздержан будь во всем, тем боле в речи...

Меж тем торговлю завершил купец
И в отчий край вернулся наконец.

Припомнил он пред тем, как возвращаться,
Желания всех чад и домочадцев.

«Свершил ли то, что я тебя просил?» --
Так попугай хозяина спросил.

Сказал хозяин: «Что просил, свершилось,
Хоть ваша тайна мне и не открылась.

А сам я каюсь, что дурную весть
В край индостанский взялся я принесть.

О том, как сердце у тебя томится,
Тебе подобным рассказал я птицам.

И, сострада боли и неволе,
Одна из птиц, упав, не встала боле.

Как бы о птице я ни сожалел,
Что мог я сделать, глуп и неумел?

Пустивши слово, как стрелу из лука,
Ни смысла нам не возвратить, ни звука.

Нам удастся обуздать обвал
В горах, пока он силы не набрал».

Рассказ услышав, попугай ученый
Поник внезапно в клетке золоченой.

Он задрожал, упал и замер странно,
Как родственник его из Индостана.

Узрев, что птице наступил конец,
Чалму поспешно размотал купец.

И, потеряв последнюю надежду,
Он с горя начал раздирать одежду

И причитать: «Ты был сладкоголос,
Зачем же нынче горе мне принес?

Ужель теперь вовек мне не случится
Твое услышать пение, о птица?

О мой любимец, о мой райский сад,
Ужель, уйдя, ты не придешь назад?

Таких, как ты, созданий без изъяна
Быть не могло и в рощах Солеймана.

Хоть я тебя задешево купил,
Ты был и дорог мне и сердцу мил.

Недаром говорят: у дурака
Нет горя больше, как от языка.

О мой язык, страдаю каждый день я,
Но исполняю все твои веленья.

Ты — и добро, что дом мой наполняет,
И кара, что огнем его сжигает.

Ты иногда мой самый первый друг,
А иногда — беда моя, недуг.

Губящий и спасающий меня
Сам и добыча ты и западня.

Порой посредник ты, стена порою
Меж истиною и моей душою.

Ты, натянувши ненависти лук,
Мне в грудь свою стрелу направил вдруг,

Когда в саду разлуки и насилья
У бедной птицы опустились крылья!

Иль скрылась птица на пути далеком
От завершенья странствия к истокам?

Она отвергла совершенства путь,
Где познается жизни смысл и суть.

Я понимаю: в том моя вина,
Зашла за тучи ясная луна.

А возжелавший крови лев разлуки,
Ее забрав, меня обрек на муки».

Купец, лия потоки горьких слез,
Немало слов невнятных произнес.

Бывает: чтоб на дне не очутиться,
За щепку тонущий готов схватиться.

Он тщится руки из воды тянуть,
Надеясь, что поможет кто-нибудь.

И правда, лучше биться безнадежно,
Чем с тем смириться, что принять невозможно.

Весь день слезами исходил купец,
Но все ж угомонился наконец.

От мертвой птицы он очистил клетку,
А та возьми да и вспорхни на ветку!

Так высоко, что солнце в изумленье
Вдруг замерло, прервав круговращенье.

И сам купец остолбенел в тот миг,
Но гайны попугая не постиг.

Спросил купец: «Скажи, какою ловкой
Ты ныне ослепил меня уловкой?»

Какой тебе, затмив пред нами свет,
Собрат из Индостана дал совет,

Что сам принес я, сто стерпев невзгод,
Себе в убыток, а тебе в доход?»

«Мне весть из дальних стран прислали братья,
Чтоб перестал вас пеньем услаждать я.

Закон для попугаев с давних пор:
Чем звонче голос, тем прочней запор.

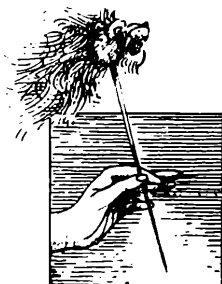
И, мертвым притворившись, может быть,
Дал знак мне брат, как должно поступить.

Прощай, хозяин мой, твоя забота
Меня от пут избавила и гнета».

Сказал купец: «И ты передо мной
Открыл своим поступком путь иной.

За то храни тебя господня милость,
Что предо мною Истина открылась.

Ты дал урок мне, а теперь прощай,
Мой в Индостан летящий попугай!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК НЕКИЙ ЖИТЕЛЬ
ГОРОДА КАЗВИНА ЗАХОТЕЛ
УКРАСИТЬ СЕБЕ СПИНУ
ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛЬВА**

Послушайте, я расскажу вам ныне,
Что за повадки у людей в Казвине,

У коих на плечах и вдоль спины
И львы и барсы изображены.

Казвинцы их наносят без опаски
Посредством игл, а также синей краски.

Однажды перед банщиком умелым
Казвинец лег, сказал: «Займись-ка делом!»

Спросил казвинца банщик: «Что колоть?»
«Изображеньем льва укрась мне плоть!

Чтоб сам во льва отныне превратился
Я, тот, кто под созвездьем льва родился,

Не пожалей, любезный, краски синей,
Чтоб удивились все у нас в Казвине!»

«В какой колоть мы будем стороне?»
«Коли,— сказал казвинец,— на спине.

Чтоб прям я был, не ведал колебанья
Ни в час застолья, ни на поле брани!»

Искусный банщик, верный ремеслу,
Вонзил в казвинца первую иглу.

Казвинец вздрогнул, закричал от боли:
«Что на моей спине ты, банщик, колешь?»

Ответил тот: «Я в ремесле умел,
Изображаю льва, как ты велел!»

Казвинец, дух перевода едва,
Спросил: «С какой ты начал части льва?»

Ответил банщик: «Начал я с хвоста!»
Сказал казвинец: «Прочие места

Накалывай иглой своей бывалой,
Лев обойдется без хвоста, пожалуй!»

И банщик снова проявил усердье,
Которое не знает милосердия.

«Что ты творишь?» — спросил казвинец глухо.
«Я львиное изображаю ухо!»

Казвинец молвил: «Льву не нужен слух,
Пусть лучше будет глух он и безух!»

В казвинца банщик вновь иглу вонзил,
И взвыл бедняга из последних сил:

«Какую колешь часть его ты тела,
Что так мое изрядно заболело?»

«Колю живот, готова половина», —
Ответил банщик жителю Казвина.

Казвинец простонал: «К чему живот
Тому, чей синей краски полон рот!»

Опешил банщик: верная игла
Ему впервые стала немила.

«Где видел ты царя зверей без уха,
Не то что без хвоста, но и без брюха?»

Великий бог не сотворял вовек
Подобных львов, почтенный человек.

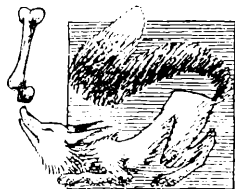
И, нанося узор, не в нашей воле
Тебя, почтенный, убережь от боли!»

Всем, чтобы нас гордыня миновала,
Стерпеть уколов предстоит немало.

Зато пред тем, кто плоть смирил, должны
Склониться солнца лик и лик луны.

Кто умертвил в себе соблазн гордыни,
Тот царь земли и царь небесной сини.

И пламень Знанием зажженных свеч
Лишь Истина и может уберечь.

**ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК ВОЛК И ЛИСИЦА
ОТПРАВИЛИСЬ НА ОХОТУ
ВМЕСТЕ СО ЛЬВОМ**

С собою лев охотиться в лесу
Позвал однажды волка и лису,

Чтоб помогли они ему нести
Добычу на обратном их пути.

С собой он взял их вопреки обычью,
Хоть этим умалил свое величье.

Но ведь порою блещет и луна,
Толпою малых звезд окружена.

Ловитва слишком долгой не была,
Поймали зубра, зайца и козла.

Известно: плотью тот не отощает,
Кто на охоте льва сопровождает.

Великою была владыки милость —
Алела кровь добычи и дымилась.

Лиса и волк, опьянены поживой,
Дележки ожидали справедливой.

И видел лев, столь опытный в ловитвах,
Голодный блеск желаний их нехитрых.

Цари людей, цари зверей лесных
Нам не прощают помыслов кривых.

И лев решил: «Я, попрошайки, вам
За вашу алчность жалкую воздам!»

Он зарычал, в подручных страх вселив:
«Ты мыслишь, волк, что я несправедлив.

Так стань частицей моего величья
И раздели по-своему добычу».

Затрясся волк: «Ты заслужил всех боле,
Мясистый зубр — твоя, владыка, доля.

Козел, он потощей, он мне сгодится,
А зайца пусть возьмет себе лисица!»

«О жалкий зверь, не волк ты, а дворняга,
Когда совет свой глупый счел за благо!» —

Так лев сказал и, думая не долго,
Ударил лапой, и не стало волка.

Лев рек лисе: «Свежатину сама
Дели, коль не лишилась ты ума!»

«Ну что ж, — лиса с почтением сказала, —
На завтрак скушай зубра для начала.

Козел тебе пусть будет на обед.
Да проживешь ты, шах мой, двести лет.

А зайца, повелитель, съешь на ужин,
Обильный ужин на ночь и не нужен!»

Воскликнул лев, меняя гнев на милость:
«Где ты, лисица, мудрости училась?»

Как умудрилась ты не дать оплошки?»
«О повелитель мира, в миг дележки

Мне мудрость прибавляло тихомолком
Сознание того, что стало с волком!»

Слывет лисица хитрою не зря,
Ответ лисицы ублажил царя.

Он ей сказал: «Ты мне мила, лисица,
За то, что так сумела исхитриться!»

А хитрость и в былые времена
Была с умом и доблестью сходна.

...Да, те блаженны, кто учиться властен
На чем-то счастье или же несчастье.

Судьбу лиса за то благословляла,
Что обратился к волку лев сначала,

Ведь обратись он к ней, она бы сдуру
Дележкой свою сгубила б шкуру.

**РАССКАЗ О ТОМ,
ЧТО ПРОИЗОШЛО НА СУДНЕ
МЕЖДУ ЕГО КОРМЧИМ
И УЧЕНЫМ ГРАММАТИСТОМ**

Ученый грамматист ступил на судно
И сразу кормчего спросил занудно:

«Учил ли ты, с кем я отправлюсь в путь,
Закон грамматики когда-нибудь?»

Ответил кормчий: «Не читал я книг
И тайн твоей науки не постиг!»

Сказал ученый: «Да, ты знаешь мало,
Считай — полжизни у тебя пропало».

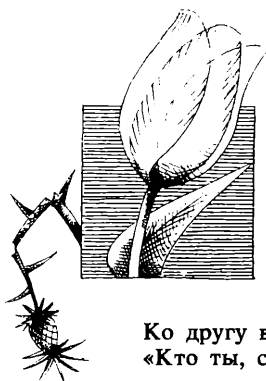
Они пустились в дальний путь и вот
Попали в бурю и в водоворот.

Сказал моряк: «Посудине конец,
Учился ли ты плавать, о мудрец?»

«Нет, мне занятие это не пристало!» —
«Считай, мудрец, вся жизнь твоя пропала!»

Порой, когда бушует все вокруг,
Готовность смерть принять — нужней наук.

Пучина тянет всех живых на дно,
Плыть по волнам лишь мертвым суждено.

**ПРИТЧА
О «МОЕМ»
И «ТВОЕМ»**

Ко другу в двери друг стучал чуть свет.
«Кто ты, стучащий в двери, дай ответ?»

«Да это я»,— сказал за дверью друг.
«Ступай, мне быть с тобою недосуг!»

Приветить друга друг не захотел:
«Я не толкую с теми, кто незрел.

Пойдешь в далекий путь, займешься делом,
Даст бог, и ты, незрелый, станешь зрелым!

Ступай скорее в дальние края,
Чтоб сжечь свое в огне разлуки «Я»!»

И друг ушел во скорби и тревоге,
И жег его огонь тоски в дороге,

Но, воротясь лет этак через пять,
Он в двери друга постучал опять.

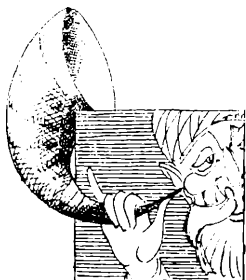
Снедаемый любовью и виною,
Он робко потянул кольцо дверное.

Спросил хозяин: «Кто стучится в дверь?»
«Твой друг, что сам тобою стал теперь!»

Хозяин встретил гостя добрым словом.
«Двум „Я“ нет места под единым кровом!

Теперь едино наше бытие,
„Твое“ отныне то же, что „мое“.

Отныне мы не будем, видит бог,
Разниться, как колючка и цветок!»

**О ТОМ, КАК НЕКИЙ
ГЛУХОЙ ОТПРАВИЛСЯ
НАВЕСТИТЬ БОЛЬНОГО
СОСЕДА**

Один глухой по множеству примет
Определил, что заболел сосед.

И сам себе такое молвил слово:
«Мой долг священный навестить больного!»

Так порешил он, но подумал вдруг:
«Больной ведь слаб, а на уши я туг...

А впрочем, мне не надо опасаться:
Что скажет он, нетрудно догадаться.

С любым больным немудрена беседа.
«Как чувствуешь себя?» — спрошу соседа.

Ответит он: «Легчает понемногу!»
И я одобрю: «Ну и слава богу!»

«Что ешь?» — спрошу и, чтоб он ни изрек,
Скажу: «Пойдет пусть эта пища впрок».

«Кто пользует тебя?» — спрошу больного.
Он молвит имя лекаря любого.

Скажу я: «Лекаря сего уменье
В свой час мне принесло выздоровленье!»

Доверься ты искусству мудреца,
Что начал он, доводит до конца!»

И вот, обдумав все, глухой из дому
Пошел к соседу своему больному.

«Как чувствуешь себя?» — спросил он друга,
Лежащего в объятиях недуга.

«Смерть,— простонал больной,— зовет в дорогу». Кивнул глухой: «Ну что ж, и слава богу!»

Больной сосед подумал не без страха:
«За смерть лишь враг благодарит Аллаха!»

Меж тем глухой спросил: «Что ешь ты, брат?»
«Еда моя,— больной ответил,— яд!»

«Ну что ж,— сказал глухой сосед,— даст бог,
Пойдет тебе такая пища впрок!»

Больной немало удивился снова.
«Кто лекарь твой?» — спросил глухой больного.

«Сам Азраил!» — больной ответил, плача.
Сказал глухой: «Да ждет его удача.

Мне введома искусность мудреца,
Что начал он, доводит до конца!

Я обращаюсь к нему, скажу с почтеньем,
Чтобы не медлил он с твоим леченьем».

С тем и ушел глухой и мыслил долго
О святости исполненного долга.

А между тем не расценил как благо
Приход соседа страждущий бедняга.

Он размышлял: «Кому б на ум пришло,
Что на меня таит сосед мой зло!»

И долго он, бессильный, исхудалый,
Честил соседа бранью запоздалой.

Кто что-то съел несвежее, тот ищет
Возможности извергнуть эту пищу.

Порой во гневе сказанное слово —
Успокоенья нашего основа.

Не мог больной с обидою смириться,
Твердил: «Сосед мой хуже, чем блудница.

Ему я не ответил, ослабев,
Но злыдня пусть сожжет его же гнев.

Нет большего на свете святотатства,
Чем, видя чью-то боль, являть злорадство.

Ведь более других грешащих грешен
Тот, кто чужим страданием утешен!»

Шептал больной: «Слепец, лишь в день недуга
Врага узрел я под личиной друга!»

...Порою мы своим деяньям рады,
Считая благом их, мы ждем награды.

Не замечая, что, по мнению всех,
Сокрыт в поступках наших тяжкий грех.

Мы видели во притче о глухом,
Как милость может обернуться злом.

Глухой живет поныне с верой детской,
Что свой благой исполнил долг соседский.

Глухому и сегодня невдомек,
На что соседа он в тот день обрек.

**РАССКАЗ
О РАБЕ ЛУКМАНЕ,
О ДРУГИХ РАБАХ
И ИХ ВЛАДЕЛЬЦЕ**

Угрюмый раб, Лукман носивший имя,
Был нерадив в сравнении с другими.

Ждал и хозяин от него беды,
Послав рабов срывать в саду плоды.

Рабы смеялись над своим собратом,
Его считали чуть дураковатым,

А сами из плодов большую часть
Они съедали, наедались всласть

И говорили: «Это съел Лукман!»
И был хозяин гневом обуян.

Лукмана он тотчас призвал к ответу,
Лукман сказал: «Я ложь низвергну эту!

Ты знаешь: лживый раб, грешащий много,
Не может уповать на милость бога!

Всех нас, рабов, ты в силах испытать,
Узнать, кто клеветник, кто вправду тать.

Всех напои, наш господин ученый,
Водой горячей, но не кипяченной.

Потом вели бежать им всем и мне,
А сам скачи за нами на коне.

Тебе, хозяин, это испытанье
Откроет наши тайные деянья!»

И вот хозяин пир устроил странный:
Велел рабам воды напиться банной

И по ухабам в довершение бед
Бежать заставил, сам скакал вослед.

И то, что было съедено с утра,
У них назад изверглось из нутра.

Из их утробы вышло все наружу.
И тот, кто ел плоды, был обнаружен.

А изо рта Лукманова тогда
Изверглась только чистая вода.

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК СПОРИЛИ
РУМИЙЦЫ
С КИТАЙЦАМИ**

Рекли китайцы: «Ведомо заране,
Соперников нам нет в живописанье».

Румийцы внятно отвечали им:
«И мы владем ремеслом своим!»

«Ну что ж,— сказал султан мужам умелым,—
Кто лучше, пусть докажет каждый делом!»

И согласились, чтоб пресечь раздор,
С китайцами вступить румийцы в спор.

В покое поместили их просторном
И разделили занавесом черным.

Китайцы, лишь ступив под этот кров,
Потребовали красок и холстов.

И щедро отпустил немало злата
Казнохранитель, чья казна богата,

Чтоб принесли без лишней суеты
Рабы китайцам краски и холсты,

Меж тем как Рума гордые сыны
Ответили: «Нам краски не нужны!»

И, запершись в дому, сильны и ловки,
Они подвергли стену полировке,

К прозрачности они торили путь,
Постигнув красоты закон и суть.

Прозрачность как луна, что в небе светит,
Но облака являют многоцветье,

Хоть краски, что на облаках видны,
Лишь отраженье солнца и луны.

Китайцы, труд свой завершив, султана
Призвали громким боем барабана.

И расписной причудливый узор
Пленил вошедшего владыки взор.

Затем к румийцам он направил путь,
Чтоб и на их умение взглянуть.

И те султана ввергли в изумленье,
Покровы сняв со своего творенья,

Ибо в мгновенье это в тишине
На гладко полированной стене

Султан того увидел отраженье,
Что создало чужое вдохновенье.

Так людям сердце — чистое зеркало —
Дано, чтоб беспредельность отражало.

ПОЖАР

В одном краю во времена Омара
Народ не мог остановить пожара.

Огонь пылал, в своем остервененье
Он каменные пожирал строения.

И ввысь и вглубь огонь свой жар простер —
До птичьих гнезд и до звериных нор.

Вода и та в испуге отступала,
Огню вреда не причинив нимало.

И струи уксуса из бурдюков
Его не унимали языков.

Не знал огонь ни удержу, ни страха,
Как будто в нем был промысел Аллаха.

И вот пришли старейшие к Омару:
«Что делать? Не видать конца пожару!»

Властитель отвечал: «Огонь силен,
Поскольку вашей скупостью рожден.

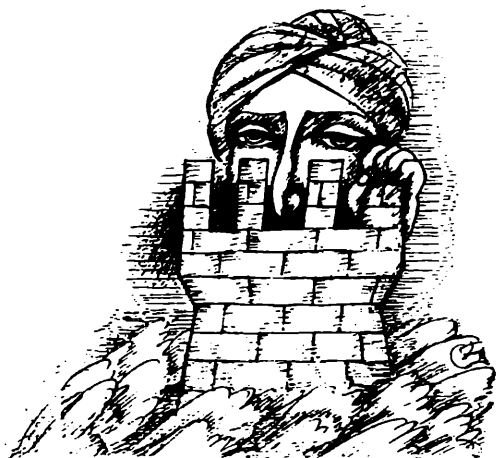
Откройте двери, дайте бедным хлеба,
И вас услышит, вам поможет небо!»

Сказали горожане: «Мы давали
Свой хлеб, мы двери в дома раскрывали!»

«Вы хлеб давали,— отвечал халиф,—
Своей гордыни в сердце не смирил.

Давали вы несчастным хлеб и воду —
Не им, а гордости своей в угоду!»

ИЗ КНИГИ
ВТОРОЙ

**О ТОМ, КАК НА ПОСТОЯЛОМ
ДВОРЕ НЕКИЙ СУФИЙ
НАСТАВЛЯЛ СЛУГУ
ПО ЧАСТИ УХОДА
ЗА ЕГО ОСЛОМ**

Однажды суфий, путник запоздалый,
На некий двор заехал постоялый.

И старого осла, свое владенье,
Оставил он слуге на попеченье,

А сам расположился в общем зале,
Где путники питья и пищи ждали.

Там в созерцанье суфий погрузился
Пред тем, как напился и напился.

Нам всем известно: книги — кладезь знанья,
Но книги суфиев — лишь созерцанье.

Те книги — белый снег — оплот ислама
Сотворены без помощи калама.

Иных в тех мудрых книгах знаков нет —
Лишь созерцанья свет да странствий след.

Но блюдо с пловом внес служитель в зал,
И суфий созерцание прервал.

И перед тем как взять немного плова,
Он вспомнил про осла и молвил слово:

«Слуга любезный, ты уважь меня,
Задай ослу побольше ячменя».

Слуга ответил: «Смею вам сказать я,
Что это нам привычное занятие!»

Приезжий продолжал: «Осел немолод,
Корм должен быть размочен и размолот!

Да жгут скрути и разотри бока
Скотине, чья поклажа нелегка!»

Слуга ответил: «Мы почти с рожденья
В странноприимном служим заведении,

И верьте, мудрый, что известно нам,
Как угождать приезжим и ослам!»

Но суфий продолжал: «Налей воды,
Да подогрей, чтоб не стряслось беды!»

«Мудрейший суфий,— прошептал служитель,—
Усердьем наша славится обитель!»

«Так вот — очисти стойло от камней
И принеси песка, не пожалей!»

«Отец,— вскричал служитель,— ради бога,
Не наставляйте знающих так строго!»

Но суфий рек: «Почисть осла скребницей!»
Слуга ответил: «Рад я потрудиться!»

«Да отпусти подхвостную шлею,
Щадя скотину бедную мою!»

Сказал слуга, смиря раздраженье:
«Нам ведомо с ослами обращенье».

Но поучал хозяин непреклонный:
«Ночь холодна, покрой осла попоной!»

Сказал служитель: «От пустых речей
Не обнаружишь в молоке костей.

Хоть и учены вы, но я умелей,
Ибо состарился на этом деле.

Ослов за век свой повидал я много,
Всем услужал с благословенья бога.

Позвольте же уйти мне, чтоб и ныне,
Как дорогой родне, служить скотине!»

Слуга с почтеньем голову склонил,
Ушел и во мгновенье позабыл

О всех ослах на свете и конюшнях,
Как о вещах никчемных и ненужных.

Смеясь, пошел он прочь, чтобы повсюду
Рассказывать про путника-зануду.

А суфий наш, словам поверив ложным,
Забылся сном, коротким и тревожным.

Что виделось во сне ему недолгом?
Лежал осел несчастный, задран волком.

Потом осел хромал и оступался,
И суфий то стонал, то просыпался.

Но вот стряхнул он вовсе сон проклятый
И стал шептать священные аяты.

Молил во власти горя и забот:
«Кто в черный час на помощь мне придет?»

Слуга, кому я выказал почтенье,
К ослу не проявил ли небреженья?

У ненависти быть должна основа,
А что слуге содеял я плохого?

Так просто сын Адама никогда
И дьяволу не причинит вреда.

Ведь только для змеи и скорпиона
Нет ничего святого, нет закона,

И человеку эти твари яд
Вогнать безвинно в тело норовят.

Без повода лишь волк несет несчастье
Тем людям, чью скотину рвет на части.

Но человек — не волк, не гад ползучий,
Он без причины никого не мучит.

И я напраслину возвел на брата,—
А это все раскаяньем чревато».

Покуда суфий пребывал в тревоге,
Осел лежал некормленный с дороги.

Был голоден несчастный, и седло
Ему под брюхо, бедному, сползло.

И думал он, продрогнувший насквозь:
«И горсти ячменя мне не нашлось?»

Ужели должно мне сто тысяч мук
Терпеть от нераденья здешних слуг?»

Что там ячмень? Задай ему солому,
Он был бы счастлив лакомству такому.

Но, слава богу, вот и ночь прошла,
Недобрая для нашего осла.

Пришел слуга, он бедную скотину
Поставил на ноги пинками в спину.

Потом поправил он, ругаясь зло,
Ослу под брюхо сползшее седло.

К несчастью, бессловесные создания
Не могут описать свои страданья.

Наутро суфий в путь пустился снова
Из своего прибежища ночного.

Но вдруг его осел в изнеможенье
Шататься стал и падать на колени.

Все те, кто помогал поднять его,
Болезнь старались распознать его.

Один отыскивал в копыте камень,
Другой нащупал рану за ушами.

А третий, суетившийся вокруг,
Припомнил суфию: «Не ты ли, друг,

Еще вчера, пред тем как спать ложиться,
Не мог своей скотиной нахвалиться?»

«Слуга был плутом,— шейх сказал на это,—
И мой осел до самого рассвета

Вкушал лишь божью милость, и сейчас
Он, может, падает, творя намаз!»

...Умей коварство различить, мудрец,
В словах красавиц, в том, что шепчет лстец,

Ведь даже дьявол, свой скрывая лик,
Порою говорит: «Аллах велик!»

Он льстит или сулит нам благодать,
А сам мечтает шкуру с нас содрать.

Стократ беда вдыхающим терьяк
Из уст того, кто нам не друг, но враг.

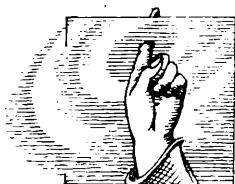
Бывают люди добрые и злые,—
Да различит Адам Иблиса в змие!

Иной тебе, что ты велик, твердит,
А сам, как на овцу мясник, глядит.

Мы уловить врагов должны стремиться,
Чтоб нам самим в силки не уловиться.

Ты на примере этого слуги
То, чем владеешь, сам обереги.

Не лезь в дела чужие и не строй
Счастливый дом свой на беде чужой.

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК НЕКОМУ ЧЕЛОВЕКУ
ВО ВРЕМЕНА ОМАРА
ПРИВИДЕЛСЯ НА НЕБЕ
МОЛОДОЙ МЕСЯЦ**

Мудрец, способный зреть вещей основу,
Внемли, о друг, бесхитроственному слову.

Во времена Омара неспроста
Собрались люди в первый день поста —

Нет лучше дня, чем этот, для гаданья,
Предвиденья судьбы и прорицанья.

Промолвил некто: «В небе над собой
Сейчас я вижу месяц молодой!»

Поверив подданному своему,
Стал вглядываться и Омар во тьму.

Он спросил: «Где ж месяц, иль исчез?..»
Ответил некто: «Девяти небес,

Быть может, мой и не увидит глаз,
Но месяц в небе вижу я сейчас!»

Омар сказал: «Дай бог тебе здоровья,
Но влажным пальцем проведи по брови!»

И некто сделал, как Омар сказал,
И вправду месяц в небесах пропал.

Омар изрек: «От брови волосок
Загнулся вниз и взгляд твой пересек.

И луком стал для твоего он зренья
И ввысь пустил стрелу воображенья.

Но если, искривившись, волосок
Твое смутить воображенье мог,

То и подумать страшно, что случится,
Когда не только волос искривится!»

**О ТОМ, КАК КРЕСТЬЯНИН
ГЛАДИЛ ЛЬВА
В ТЕМНОТЕ,
ПОЛАГАЯ, ЧТО
ЭТО БЫК**

Исполнил некто свой дневной урок
И в хлев быка поставил под замок.

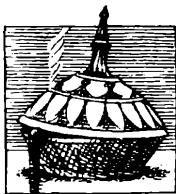
А ночью лев, засова не задев,
Сожрал быка, проникнув с крыши в хлев.

Он сытый лег на месте, где привык
Валяться по ночам покойный бык.

Пошел хозяин, чем-то озабочен,
Свою проверить собственность среди ночи.

Во тьме он гладил львиные бока,
Считая, будто гладит он быка.

И думал лев: «Благодари Аллаха,
Что здесь темно, а то хлебнул бы страха!»

**ПРИТЧА О ТОМ, КАК
СУФИИ ПРОДАЛИ ОСЛА,
ПРИНАДЛЕЖАВШЕГО ИХ
СОБРАТУ, ЧТОБЫ ОДНАЖДЫ
НАЕСТЬСЯ ВСЛАСТЬ**

На эту притчу обрати вниманье,
Она о том, как вредно подражанье.

Почтенный суфий, истины носитель,
Пришел в странноприимную обитель.

Он знал о злключениях собрата,
Чей не ухожен был осел когда-то.

И потому, чтоб не случилось зла,
Сам накормил и напоил осла.

Лишь после этого свое владенье
Оставил он слуге на попеченье.

Но что провидеть можем мы — рабы
Недоброй или доброй к нам судьбы?

Где путник до утра обрел жилище,
Теснились суфии, что были нищи.

Нам ведомо: людская бедность всех
Вести способна и в соблазн и в грех.

И не тебе судить, о богатей,
Изнеможенных нищетой людей,

Которые, чтобы достать съестного,
Задумали продать осла чужого.

Ведь говорят, когда припрет беда,
Годна и оскверненная еда.

Итак, свершилось зло, осла не стало,
Но было снеди куплено немало.

И в доме суматоха поднялась:
«Уж нынче-то мы попируем всласть!

Три дня не нарушали мы поста,
Зато теперь душа у нас чиста:

Хоть и бедны, мы все ж творенья божьи,
И долее поститься мы не можем».

Твердили суфии, едва не плача:
«Сегодня ночью и у нас удача!»

По слепоте и с голоду полову
Они сочли зерном (скажу я к слову).

С улыбкой суфий, хоть устал с дороги,
Взирал на тех, что были столь убоги.

Все воздавали суфию по чести,
Его сажали на почетном месте.

Касались их уста его руки,
Ему давались лучшие куски.

Но вот наелись все до пресыщенья,
И началось всеобщее раденье.

И думал суфий наш, впадая в раж:
«Не нынче веселиться, то когда ж?»

Плясали все, стучали в пол ногами,
Сметали пыль с лежанок бородами.

Взвивался дым из кухни в потолок,
Вздымалась пыль клубами из-под ног.

В том нет греха, что за один присест
Иной голодный суфий много ест.

Бывает часто в этой жизни нищей
Свет истины единственной их пищей.

Но суфиев таких наперечет,
Кто только светом истины живет.

Все остальные к плотскому стремятся,
Хоть праведными братьями гордятся.

А между тем раденья продолжались,
Припасы, всем на радость, не кончались.

И кто-то взял тамбур и песнь завел,
Запел: «Пропал осел, пропал осел!»

Бия ногами в пол, все танцевали,
«Пропал осел! Пропал осел»,— кричали.

И странник наш, пируя среди ночи,
«Пропал осел!» — кричал не хуже прочих.

Он пел, плясал, покуда не устал,
Со всеми повторял: «Осел пропал!»

Уже рождался новый день, когда
Все разошлись поспешно кто куда.

Осталось постояльцев маловато,
И пыль наш странник выбил из халата.

Свои пожитки поспешил свернуть,
Чтобы навьючить на осла — и в путь.

Но своего в хлеву — о наказанье! —
Не обнаружил суфий достоянья.

Решил он: «Может, дальнею тропой
Повел слуга осла на водопой».

Но вскоре без осла слуга пришел,
И суфий спросил: «Где мой осел?»

Сказал слуга: «Сам рассуди по чести —
Ведь ты проел осла со всеми вместе!»

«Но этого осла, свое владенье,
Я на твое оставил попеченье!»

Не мне, а досточтимому кади
Свой довод в оправданье приведи,

Ибо осла, что мне служил с любовью,
Твое мне не заменит пустословье.

Сказал еще Пророк: „То, что дано,
Да будет в должный срок возвращено!“

Пойдем, слуга, чтоб плату за утрату
Мне присудил судья по шарияту!»

Сказал слуга: «В усилиях бесплодных
Что мог я сделать пред толпой голодных?»

Котам голодным брось съестного малость
И отними попробуй, что осталось.

Я сладким был куском в когтях котов,
Я был одной лепешкой на сто ртов».

«Но почему потом ты не пришел
Дать знать о том, что мой пропал осел?»

Сказал бы я судье: „С воров взыщи“.
А где они теперь? Ищи-свищи!

Они бы по велению закона
Мне возместили бы хоть часть урона!»

Сказал слуга: «Ты сам кричал безбожно,
Тебя дозваться было невозможно.

Тебя я звал, но ты не услышал.
Ты сам плясал, кричал: „Осел пропал!“

И порешил, в конюшню возвратясь, я:
Осел был продан с твоего согласия!

Как мог я знать, что, истину познавший,
Не знаешь ты, где твой осел пропавший?»

Сказал скотины собственник былой:
«Мне наваждение ум застлало мглой.

Я разорен доверием поспешным,
Бездумным подражаньем людям грешным,

Продать готовым, чтобы всласть поесть,
Чужую вещь и собственную честь.

Я тяжким наказаньем поражен,
Но поздним пониманьем награжден!»

**ИСТОРИЯ
О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОМ
ДОЛЖНИКЕ, КОТОРЫЙ,
СИДЯ В ТЕМНИЦЕ,
ОБЪЕДАЛ ВСЕХ
ДРУГИХ УЗНИКОВ**

Один должник, не возвративший долга,
Был заключен в узилище надолго.

И, поедая все за семерых,
Он стал бедой для узников других.

Иные славились едою скорой,
Но где угнаться им за тем обжорой!

Всяк тот, чей путь не озарен Кораном,
Жрет, словно нищий, даже став султаном.

Тюрьма, что и была не райским садом,
С тем объедалой стала сущим адом.

Когда покою мы спешим навстречу,
Беда, как волк, нам прыгает на плечи.

А где покой? В которой стороне?
Там, где мы с Истиной наедине!

И каждый чем-то должен поплатиться
За то, что в мир пришел — в сию темницу.

Для тех, кто в нору мыши попадет,
Становится опасным каждый кот.

От своего союзника-обжоры
Страдали и грабители и воры.

Они через помощника судьи
Судье послали жалобы свои.

«И так нещедрый нам кусок положен,
Но и того теперь мы съесть не можем.

Сосед нас объедает день за днем
Так, что мы скоро с голоду померем.

Он отнимает пропитанье наше,
Усугубляет наказанье наше!

А станем мы роптать, так этот тать
Твердит, мол, нам господь велел вкушать.

Там, где острожники едят и пьют,
Незванный, он, как муха, тут как тут.

Что нам дают, он все сожрать готов,
Так, будто у него пятнадцать ртов.

Не откажи, судья, нам в благостыне,
Лишь на тебя у нас надежда ныне.

Судья, благое дело соверши,
Хоть для спасения своей души:

Возьми его от нас, и превратится
В небесный рай зловонная темница.

Иль кто-нибудь пускай на свой доход
Его на содержание возьмет».

Помощник передал судье прошение,
Пересказал несчастных злоключенья.

И тот призвал обжору и ему
Сказал: «Позоришь ты мою тюрьму.

И потому ступай-ка из-под сих
Хотя и смрадных сводов, но благих!»

Взмолился узник, плача и стеная:
«Твоя тюрьма мне вожденной рая,

С таким моим пристрастием к съестному
Не приживусь я ни к какому дому.

До Страшного суда не то что мне,
Аллах отсрочку дал и Сатане».

«Мне ведомо,— сказал судья в ответ,—
Мошенникам на воле места нет,

Но обитатели моей темницы
Мечтают от тебя освободиться.

И кто нам согласится подтвердить,
Что долга ты не можешь уплатить?

Всяк, кто с тобой сидит, правдив едва ли,
Поскольку хочет, чтоб тебя убрали.

Так пусть тебя повсюду проведут,
Объявят, что мошенник ты и плут,

Чтоб знали все, твой видя мерзкий лик,
Что ты несостоятельный должник.

Тебе торговый и другой народ
Пусть в долг и малости не продает,

Ибо я впредь ни по какому иску
Тебя к тюрьме не подпущу и близко.

Что ж до деяний гнусных Сатаны,—
В Коране все они объяснены».

И чтоб тому, что порешили, быть,
Велел судья верблюда раздобыть.

Верблюда привели: за ним шагал
Хозяин, что дровами торговал.

Судья его утешил: «Нам нужна
Твоя скотина только дотемна!»

И силой водружен был на верблюда
Тот, кто собой являл обжорства чудо.

Того, чей грех чернее даже кражи,
Весь день возили в окруженье стражи

Мимо базаров, площадей и бань,
Где был и благородный люд, и рвань,

Чтоб людям всем был облик плута ведом...
А тот, чей был верблюд, тащился следом.

Глашатаи кричали и по-тюркски,
И даже по-румийски и по-курдски:

«Сей человек, чей непригляден вид,—
Источник всех обманов и обид.

Пусть с ним, чьему обжорству нет предела,
Никто отныне не имеет дела.

Его слова хоть сладки, но обманны,
Его одежды крадены и рваны.

Сей злоумышленник в один присест
Всех правоверных города объест.

Коль впредь вы иск предъявите ему,
Не будет брошен он, злодей, в тюрьму!»

И так, чтоб плута видели воочью,
Его возили, отпустив лишь ночью,

Ссадив с чужой скотины в час, когда
Взошла на небе первая звезда.

Сказал владелец бедного верблюда:
«Ночлег мой слишком далеко отсюда,

И ты, о чьих делах читали в свитке,
Мне должен возместить мои убытки!

Я за тобою бегал, словно тень,
И мой верблюд возил тебя весь день».

Тот, кто был изгнан даже из острога,
Сказал: «Мне кажется, ты глуп премного!

Что нет ни денег у меня, ни хлеба,
Клич возносился до седьмого неба.

Что я злодей, кричали здесь до ночи,
Иль то не слышишь ты, чего не хочешь?

Иль разумение твое темно
От мыслей, коим сбыться не дано!»

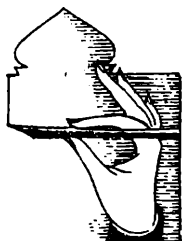
Всегда лежит господняя печать
На даре видеть или же внимать.

Лишь бог и уху нашему, и глазу
Дарует слух и зренья, хоть не сразу.

Но истину, что озаряет нас,
Бог открывает не во всякий час.

Сказал еще Пророк: «В земной юдоли
Лекарство создал бог для каждой боли.

Но всякого лекарства назначенье
Нам не постичь без божьего веленья!»

**РАССКАЗ
О ТОМ,
КАК НЕКИЙ ЧЕЛОВЕК
ИСКАЛ
ЖИЛИЩЕ**

Тому, кто дом искал, чтоб взять внаем,
Друг показал разрушившийся дом.

«Будь крыша здесь, где ныне крыши нет,
Ты б нанял дом, я был бы твой сосед!

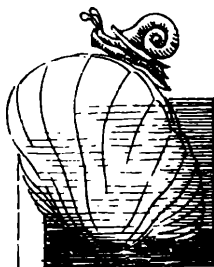
Когда была б здесь комната вторая,
Семья жила б твоя, забот не зная!

И если был бы возле дома сад,
К тебе прийти я в гости был бы рад.

Когда в порядке было бы строенье,
Его внаем ты взял бы без сомненья».

Ответил друг: «Ты мне желаешь благ,
Со всей душой мы взяли б дом и так,

Но я боюсь, что будем мы рабы
Домовладельцев: «если б» да «кабы»!

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК НЕКИЙ ХОЗЯИН
ВЫЯСНЯЛ ДОСТОИНСТВА
КУПЛЕННЫХ ИМ
РАБОВ**

Один хозяин от богатств своих
Двух приобрел рабов недорогих.

И речью, что дается всем нам в дар,
Стал купленный испытывать товар.

Известно: наша речь на первый взгляд
Иль сахарный сироп, иль горький яд.

Слова, что плохи или хороши,—
Лишь занавес пред сводами души.

Людская речь — завеса, а за ней
Порою клад, порою жало змей.

Скажу точнее: за каждым словом — клад,
Но клад, который змеи сторожат.

Был первый раб с повадкой златоуста.
Словами выражал он мысль и чувство.

Казалось, речь его без берегов
Морская ширь, где много жемчугов.

Не прям наш путь, нам свойственны грехи,
Как отделить нам суть от шелухи?

Определяет лишь Корана свет,
Где истина, где суета сует.

Скосив глаза, мы зреть обречены
На полуночном небе две луны.

И две луны нам кажутся при этом
Как бы вопросом нашим и ответом.

Но двух на небе лун — мы знаем — нет,
А есть одна, и в ней сокрыт ответ.

Ты взгляда не коси, чтобы видна
Была на небе лишь одна луна.

Когда перед тобою собеседник,
Твой слух — не судия, а лишь посредник.

Туманна может быть и лжива речь,
И от обмана чтоб себя сберечь,

Доверься лишь тому, что видно глазу...
Но возвратимся к моему рассказу.

Хозяин понял: получил он в дом
Раба, что быстрым обладал умом.

Хозяин, подозвав раба второго,
Поморщился от запаха дурного.

Шел от раба такой тяжелый смрад,
Что покупатель покупке был не рад.

Он, морща нос, промолвил: «Ради бога,
Сядь или стань подальше немного.

Сказать по чести, лекарям бы надо
Лечить твой рот от гнили и от смрада.

Так, говоришь, ты раньше был писцом
И каллиграфа труд тебе знаком.

Ну что ж, хоть от тебя исходит смрад,
Тебе, рабу, я и такому рад.

Ибо сжигать не стоит одеяла,
Коль под него одна блоха попала!»

Сказал хозяин: «Первый мой гулям,
Ты сходишь в баню и вернешься к нам!»

А сам остался он с рабом вторым,
Сказал ему: «Давай поговорим!

Ты так чистосердечен и толков,
Что стоишь ста иль тысячи рабов.

Я вижу: ты — слуга хороших правил,
А не такой, как друг тебя представил.

Он мне сказал, что ты — мой раб второй —
Нечестный, лживый и такой-сякой».

Ответил раб: «Мой друг душой вовек
Не покривит; он — честный человек.

Правдив он, и душа его чиста,
В нем выше чести только доброта.

Правдивость свойственна ему отроду,
Я за него готов в огонь и в воду.

Его слова не могут быть обманны,
Наверно, правда, есть во мне изъяны.

Своих изъянов зреть мы не вольны,
Любой изъян видней со стороны.

Когда б порочный видел свой порок,
Он с легкостью его б исправить мог.

Я, например, не вижу черт своих,
Меж тем как вижу лица всех других.

Не всякий из Аллахом сотворенных
Сильней своих пороков затаенных».

«Постой, мне мыслей не постичь твоих!» —
Хозяин приказал, и раб затих.

Хозяин продолжал: «Чтоб стало ясно,
Что приобрел тебя я не напрасно,

Ты Расскажи про друга своего,
О всех изъянах и грехах его!»

«Ну что ж, хозяин, грех того гуляма,
Что слишком прост, все говорит он прямо.

Второй порок, вернее, благодать,
Что он за правду жизнь готов отдать.

Порой мы промышляем добротой,
Боясь суда в преддверье жизни той.

И нам, чтоб истины постигнуть суть,
Хоть раз туда б хотелось заглянуть.

Так и вода истока там, на взгорье,
Мечтает стать рекой, текущей в море.

Сказал Пророк: „Узнает всяк из вас,
Что суждено ему, лишь в судный час,

Когда за зло и за добро ему
Воздастся мерой — десять к одному!“

Порою и щедры мы в ожиданье,
Что нам за щедрость будет воздаянье.

Но ведь жемчужин блеск не награждение
Искателю дает, а утешенье.

И потому грешит дающий тот,
Кто за даянье щедрой платы ждет.

Даянье, коему ты знаешь цену,
Сродни не благостыне, но обмену.

И потому даяние подчас
Не столько рук деянье, сколько глаз».

Раб продолжал: «Я назову, пожалуй,
Собрата моего порок немалый.

Он не в других порок заметить рад —
В себе изъяны ищет мой собрат.

В нем ты изъян еще такой найдешь:
К себе он плох, ко всем другим хорош!»

Прервал раба хозяин: «Ты теперь,
Хваля деянья друга, пыл умерь,

Когда я сам увижу в нем изъяны,
Твои хвалы, пожалуй, будут странны!»

Ответил раб: «Клянусь я словом верным,
Клянусь Аллахом нашим милосердным,

Что ниспослал пророков в светлый час
Не по своей нужде, а лишь для нас,

Клянусь великим именем Аллаха,
Который создал из воды и праха

Рабов и повелителей держав,
Что я в реченье о собрате прав!»

Тем временем гулям, что в бане мылся,
В дом своего владельца возвратился.

Хозяин отослал раба второго
И первого призвал, чтоб молвить слово.

Спросил хозяин, рядом усадив
Раба, который был сладкоречив:

«Скажи мне честно, мой слуга послушный,
Сладкоречивый раб и добродушный,

Насколько справедлив, насколько прав
Мой раб второй, тебе оценку дав?»

«Что ж говорил он обо мне плохого,
Что в страх тебя его повергло слово?

Подай хотя бы знак или намек,
Что наболтать, наклеветать он мог?»

«Тот мой никчемный раб сказал про друга:
Ты — как лекарство, что страшней недуга.

Он рассказал мне про твое неверье,
Про вероломство, алчность, лицемерье».

От этих слов взъярился раб мгновенно,
От гнева на губах вскипела пена.

Он закричал: «Тот раб — презренный пес,
Что с голодухи жрать готов навоз.

Честь, дружба, долг — ничто ему не свято!»
Так, распаляясь, раб честил собрата.

Опровергал он бранью клевету.
Хозяин палец приложил ко рту

И молвил: «Из твоих я понял слов:
Не твой собрат ничтожен — ты таков!

Хоть чист твой рот и твой приятен вид,
Но все ж отсядь, душа твоя смердит».

Недаром говорят: «Лишь тот велик,
Кто может свой обуздывать язык!»

Известно нам, когда темна душа,
То красота не стоит и гроша.

Иной хоть некрасив, но все ж приятен
Тем, что душою чист, хоть и не статен.

Пусть чаша хороша, но ведь важней
Не красота ее, а то, что в ней.

На красоту приятно нам взглянуть,
Но все ж не красота важна, а суть.

Что красота? Она, увы, мгновенна.
Лишь наша сущность вечна и нетленна.

Немало раковин на дне морском,
Но лишь в немногих жемчуг мы найдем.

Ракушки схожи все, но неспроста
В той — жемчуг, в этой — только пустота.

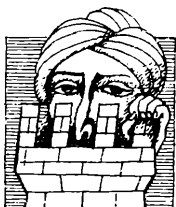
Мы люди — раковины, и отнюдь
Не всех сходна с жемчужинами суть.

И облик наш подчас не так уж важен:
Кирпич крупнее, чем алмаз, и глаже.

Быть может, в сто, быть может, в двести раз
Твоя рука твоих сильнее глаз,

Но ты рукою схватишь то, что рядом,
Меж тем как целый мир охватишь взглядом.

И мыслью, что рождается в сердцах,
Повергнуть можно сто миров во прах.

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ЧЕЛОВЕК,
МУЧИМЫЙ ЖАЖДОЙ,
БРОСАЛ С ВЫСОКОЙ СТЕНЫ
КИРПИЧИ В ТЕКУЩИЙ ПОТОК**

Почти на самом берегу потока
Стена стояла, вознесясь высоко.

Почтенный муж на той стене однажды
В тоске сидел и пропадал от жажды.

Глядел он вожаденно на поток,
Но со стены достать его не мог.

Нечаянно он бросил вниз кирпич,
В ответ поток издал призывный клич.

И показалось: всплеск глухой и краткий
Похожим был на голос друга сладкий.

Чтобы услышать этот звук опять,
Стал в воду камни жаждущий бросать.

Ему казалось, спрашивал поток:
«Какой тебе в твоём деянье прок?»

«В моем поступке,— думал муж усталый,—
Две несомненных выгоды, пожалуй.

И первая их этих выгод двух,
Что плеск желанный мне ласкает слух.

Тот звук подобен зову Эсрафила
Для душ усопших, чей удел — могила.

Мне шум напоминает дальний гром
В тот день, когда иссохло все кругом.

Тот звук желанен, как грошей бренчанье
Для бедняков, что просят подаянье.

На звон ключей похож он, как ни странно,
Сулящий волю узникам зиндана.

Когда я со стены кирпич бросаю,
Корысть мне в этом деле и другая:

Становится стена намного ниже,
А значит, я к воде желанной ближе!»

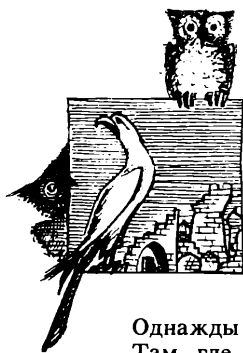
Плоть есть стена, ты плоть смири однажды,
Когда и вправду жаждешь ты и страждешь.

Чем мы надменней, шея чем длинней,
Тем нам свою главу склонять трудней.

Мы каменные стены разрушаем,
Когда, молясь, колена преклоняем.

Мы рушим все преграды меж собой
И благодатною живой водой.

И чем стена соблазнов наших ниже,
Тем мы к прозрачному потоку ближе.

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК СОКОЛ ПОПАЛ
В РАЗВАЛИНЫ
И ОКАЗАЛСЯ
ПЛЕННИКОМ СОВ**

Однажды сокол очутился вдруг
Там, где одни развалины вокруг.

Быть может, пыль беднягу ослепила
И с правильной его дороги сбила.

Но совы окружили пришлеца
Со злобой, коей не было конца.

Одoleвало этих птиц волнение:
«Не наше ль хочет он занять владенье?»

Сказал ученый сокол: «Путь мой дален,
И ваших мне не надобно развалин,

Я не останусь в этой стороне,
А полечу туда, где место мне.

Не бойтесь, совы, я не здешний житель,
Мне эта ваша не нужна обитель,

И место мне отсюда вдалеке —
Во свите шаха, на его руке!»

Одна сова сказала: «Может быть,
Он строит козни, чтоб нас разорить,

И нас своим смущает словом странным,
Чтобы изгнать из наших гнезд обманом.

Достоинств нету в этом простаке,
Чтоб он на шахской сиживал руке.

Взгляните: есть ли шахская порода
В обличье мрачном этого урода?

Болтает он о шахе и о свите,
Какая им корысть в нем, объясните?

Иль мелет он все эти пустяки,
Чтоб тех, кто глуп, завлечь в свои силки?

Его повергнет наземь и сова,
До слабых крыл дотронувшись едва».

Промолвил сокол: «На охоте шаха
За дичью я гонюсь, не зная страха.

Почтителен со мною знатный люд,
Меня сокольничие берегут.

Порой за дичью путь лишь мне и ведом,
Со свитой шах за мною скачет следом.

Случается, что даже и во сне
Властитель думает лишь обо мне.

Порой, подобен светлому лучу,
Я за добычею своей лечу,

Пересекая все пути небес,
Прорвав завесы девяти небес.

Быть может, мне завидует сама
Царица птиц по имени Хума.

Вам улыбнется счастье, коль найдете
Разгадку тайны вы в моем полете.

Любимец шаха и его гонец,
Я вам не враг, хотя я здесь пришлец.

Владыка даст в обиду вам едва ли
Меня, что лечит все его печали.

И пусть во мне природы шахской нет,
Где б ни был я, несу его я свет!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК НЕКИЙ ЧЕЛОВЕК
ПОСАДИЛ НА ДОРОГЕ
КОЛЮЧИЙ КУСТАРНИК**

Кусты колючек некто на дороге
Взрастил, и люди обдирали ноги.

Его просили: «Срежь ты их с земли»,
Но он не слушал, и кусты росли.

Кустарник выростал под небом божьим,
Бедой он стал для всех людей прохожих.

Шипы впивались в дервишей босых,
Одежды рвали юных и седых.

Узнав об этом, приказал правитель,
Чтоб перед ним предстал кустов садитель,

И так сказал: «Колючки уничтожь!»
Кто насадил их, отвечал: «Ну что ж,

Я с корнем вырву их на той неделе!»
Но все ж кусты росли, и дни летели.

Ослушник вновь предстал перед владыкой,
И тот сказал в печали превеликой:

«Пойми, несчастный, то, что возвращено,
В конце концов ты вырвешь все равно!

Но чем ты мне противишься упорней,
Тем глубже в почву проникают корни.

Становятся, увы, с течением дней,
Слабее люди, дерева сильней.

Вот и за это время — видит бог —
Кусты набрали сил, а ты усох.

Пойми: чем больше ты упустишь дней,
Тем корни будет вырывать трудней.

И говорю я ныне от души:
Покуда сила в теле — поспеши,

Ибо кроваят проходящим ноги
Не только те колючки на дороге,

Но каждый твой изъян и твой порок,
Что ты взрастил, а выдернуть не мог!»

**ПРАВИТЕЛЬ
И НАСТАВНИК**

В какой-то день одной земли правитель
Спросил того, кто был его учитель:

«Не терпишь ли, о шейх, какой нужды
По части платья или же еды?»

Сказал учитель: «О великий шах,
Я неразумье зрю в твоих словах.

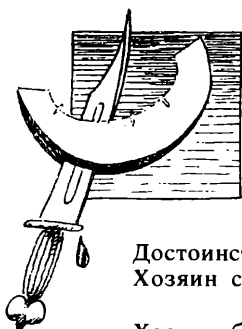
Ведь я владею сам двумя рабами
Из тех, что правят на земле царями!»

Шах спросил: «Кто ж эти два раба,
Служить которым и моя судьба?»

Промолвил шейх, почтительность презрев:
«Те два раба — желание и гнев.

Властитель истинный лишь тот, кто, к счастью,
Не упивается своею властью.

Ведь светит солнце из-за облаков
Равно и для владык, и для рабов!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ПРОЯВИЛИСЬ
МУДРОСТЬ
И СОВЕРШЕНСТВО
ЛУКМАНА**

Достоинства раба узнав получше,
Хозяин стал с Лукманом неразлучен,

Хозяин без раба не пил, не ел
И не вершил иных серьезных дел.

Порой купец куски, что были сладки,
Давал рабу, а сам съедал остатки.

То, что не ел Лукман, не ел он сам,
Бросая пищу на съеденье псам.

Когда же без Лукмана есть случалось,
Еда купцу безвкусною казалась.

Купцу прислали дыню как-то раз,
Раба призвали к трапезе тотчас.

Хозяин резал дыню на куски,
И раб ломоть с хозяйской взял руки

И так его охотно сунул в рот,
Как будто дыня сладостней, чем мед.

Пока Лукман жевал, купец богатый
Ему совал второй кусок и пятый.

Лукмана долго потчевал купец,
Покуда не промолвил наконец:

«Ты, верно, сыт, Лукман, пришел черед
Полакомить и мне свой грешный рот!

Ведь, глядя на тебя, наверняка
Сказать о дыне можно, что сладка!»

Хозяин откусил от дыни малость,
И жизнь ему страданьем показалась.

В его нутре возникла горечь вмиг,
Покрыли волдыри его язык.

На целый час он потерял сознание
И, пробудясь, сказал: «О наказанье,

Скажи, мой верный раб, моя отрада,
Как молча мог принять ты столько яда?

Зачем глотал ты за куском кусок
И слова не сказал мне поперек?

Иль ты не мог придумать отговорок?
Сказал бы правду — я ж тебе не ворог!»

Лукман ответил: «Знаю, ты мне друг,
Лишь сладость из твоих вкушал я рук,

В твоём дому мое, хозяин, тело
Набрало силу и отяжелело.

И то не смел я горем посчитать,
Что горечь мне пришлось твою вкушать.

Хоть дыня эта и была горька,
Добра была дающая рука.

Имеет ли значенье горечь дыни,
Коль доброта спокон веков поныне

Чудесно в золото превращает медь
И горе помогает нам терпеть.

На свете только добротой нашей
Осадок удаляется из чаши

И уксус превращается в вино,
Колючкам нас колоть не суждено.

Когда сочувствуют приговоренным,
Им плаха может показаться треном.

Людским добром овевая, вмиг
Темница превращается в цветник.

И гуль, сбивающий с пути в ущелье,
Путь указывает нам, ведущий к цели.

Становится порой нектаром яд
В саду, где зла на гостя не таят.

А нет в тебе добра — и кущи сада
Покажутся в раю мрачнее ада.

Лишь добротой движем, как ни слаб,
Себя владыкой чувствует и раб.

Зло — суета сует, и неспроста
От Знания происходит доброта!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ЕХАВШИЙ ВЕРХОМ ЭМИР
ПРИВЕЛ В ЯРОСТЬ СПЯЩЕГО,
КОТОРОМУ В РОТ
ЗАПОЛЗЛА ЗМЕЯ**

Случилось это все в былые дни.
Увидел всадник спящего в тени.

Заметил этот всадник, что ползет
Тому, кто спал, змея в открытый рот.

Рванулся мудрый спящего спасти,
Которого увидел на пути.

Но не успел схватить шипящей твари
И спящего камчою он ударил.

Тот пробудился и увидел, сонный,
Проезжего с камчою занесенной.

Несчастный напугался человек,
Но прыти бьющего он не пресек,

А побежал куда глаза глядят,
Попал в соседний яблоневый сад.

Но всадник настигал его, крича:
«Ешь паданцы, коль невкусна камча!»

И стал бедняга есть плоды, что были
Чуть тронуты уже печатью гнили.

Глотать ему их было так отвратно,
Что исторгалось многое обратно.

Пред всадником несчастный пал с мольбой:
«Скажи, в чем я виновен пред тобой?»

Убей иль уготовь другую участь,
Но для чего меня напрасно мучить?»

Он продолжал: «Будь проклят черный час,
Когда судьба свела с тобою нас.

Ведь даже нечестивцы стран иных
Так не терзают пленников своих,

Так не карают правоверных строго
И грешники, не верящие в бога!»

Но бьющий продолжал свое занятие:
Стегал того, кто извергал проклятья.

Избитый падал, поднимался снова,
Боясь ударов всадника лихого,

И, убегая из последних сил,
То извергал, что прежде проглотил.

Исторг он, проклиная жизнь свою,
И гниль, и в горло вползшую змею.

Увидя тело гнусное змеи,
Забыл несчастный горести свои.

Упал он со слезами на глазах
Пред благодетелем своим во прах.

«Кто ты такой,— спасенный спросил,—
Не ты ль господний вестник Джабраил?»

Благословен тот миг, когда меня
Заметил ты со своего коня.

Пусть шахом чувствует себя и нищий,
Увидев лик твой иль твое жилище!

Как мать сына, ты меня нашел,
А я бежал, упрямый, как осел.

Осел по глупости бежит, бедняга,
Хозяин вслед спешит ему во благо,

Поскольку хочет уберечь осла
От зверя, ямы иль иного зла.

Ты, чья душа превыше всех похвал,
Прости, что от тебя я убежал.

Ты, что сберег и жизнь мне, и здоровье,
Прости меня за брань и пустословье.

Прости, что взор мой ослепила тьма,
Что глупость разговорчивей ума.

Когда б ты намекнул мне, что случилось,
Твое битье я принял бы как милость.

Ему б я не противился, как злу,
Я изрекал бы не хулу — хвалу.

Ты ж бил меня, не говоря ни слова,
И я не понял смысл битья такого.

Хоть бил по голове, ты был мне другом,
Но голова моя ходила кругом.

Будь милостив, прошу о снисхожденье,
Забудь все, что сказал я в помраченье...»

Ответил всадник: «Да, я был жесток,
Но что в тот миг тебе открыть я мог?

Сказав тебе про страшную змею,
Я душу б страхом умертвил твою».

Воистину удары мудреца
Намного лучше милости глупца.

Яд мудрецов нередко нас спасает,
А мед глупцов подчас и убивает.

О добродетельном глупце в свой час
И будет немудреный мой рассказ.

**О ТОМ, КАК НЕКИЙ
ВЛАДЕЛЕЦ САДА
ВНЕС РАЗЛАД
МЕЖДУ СУФИЕМ, ФАКИХОМ
И ПОТОМКОМ АЛИ**

Придя в свой сад, садовник, на беду,
Увидел: рыскали в его саду

Три собирателя плодов чужих:
Сейид, почтенный суфий и факих.

Решил хозяин: в лад гостей немилых
Внесу разлад, коль их прогнать не в силах.

Ведь довод, что втроем они сильны,
Весомей ста свидетельств их вины.

Смекнул он так: я хитростью возьму,
Чтоб одолеть троих по одному.

Сказал садовник суфию с ухмылкой:
«Сходи, почтенный, в дом мой за подстилкой.

Вернись с паласом или же ковром,
Чтоб мирно посидеть нам вчетвером!»

Поплелся суфий, а владевший садом
Шепнул его друзьям, что были рядом:

«Почтеннейшие, должен я сказать,
Что вам пройдоха суфий не под стать.

Не знаю, как его отвратный вид
Ты терпишь, о факих, и ты, сейид?

Все чтят факиха,— рек владелец сада,—
Тебя, сейид, из рода Мухаммада.

Мы с вашего согласия хлеб едим,
Клянемся вашим именем святым.

Как вы не опасаетесь позора
И с тем общаетесь, кто хуже вора?

Его, когда придет с подстилкой нашей,
Гоните прочь, почтеннейшие, взашей.

Я вам признаюсь, что любой из вас
Дороже мне, чем собственный мой глаз.

И садом пользуйтесь, и лугом нашим,
Душа моя и та к услугам вашим!»

Был столь горяч садовника глагол,
Что суфий был не рад, когда пришел.

Вернувшегося те прогнали сами,
Что были только что его друзьями.

И суфия со злобой беспричинной
Догнал садовник и огрел дубиной.

Хозяин сада был неумолим:
«Не надó шастать по садам чужим!

Джунайд иль Байазид тебя наставил
Красть и не почитать известных правил?..»

Избитый суфий наземь пал без сил,
Сказал: «Свое сполна я получил,

Так пусть и те получают в полной мере,
Кто за добро воздал мне недоверьем.

Им не простит Аллах моих обид.
Что я вкусил, вкусить им предстоит.

Поймет, я знаю, скоро эта пара,
Как тяжела за легковёрность кара!»

Наш мир подобен скалам и горам,
Что сказано — вернется эхом к нам!

Вот с суфием садовник расплатился
И к тем, в саду сидевшим, возвратился.

Промолвил он праправнуку Али:
«Лепешки в доме только испекли,

Вели моей прислужнице Каймаз,
Чтобы она их принесла для нас».

Сейид ушел: садовник хитровато
Сказал факиху: «Солнце шарията,

Признаюсь я: ты для меня, факих,
Превыше праведников всех иных.

А тот, чья мать грешна, кто сам грешит,—
Случайный выродок, а не сейид.

И вообще сейчас любой пройдоха
Готов назвать себя родней Пророка.

Порой себя считает всех святей
И тот, чей был отец прелюбодей.

Чья голова кружится с перепоею,
Считает: мир кружится сам собою!»

Лесть всем приятна, и, раскрывши рот,
Внимал факих садовнику, но тот

К праправнуку Али пошел навстречу,
Стал бить его, твердить такие речи:

«Тебя, наверно, предок твой Пророк
Не научил, что воровство — порок.

На льва походит лев, на ветку ветка,
Чем ты на своего походишь предка?

Кто звал тебя в чужой, невежда, сад?»
Садовник пнул ногой сейида в зад.

И так его отделал, сбивши с ног,
Как хариджит и тот едва ли смог.

Йазид и Шимр и те бы не смогли
Так зло избить праправнука Али.

Кричал сейид: «Факих, меня ты предал,
Черед твой то узнать, что я изведаль.

Пусть барабан смирится с тем, что бьет
Глашатай палкою его в живот.

Я, может быть, не лучший из людей,
Но лучше я, чем садовод-злодей.

Меня ты предал, хоть и был я другом,
Сейчас и ты получишь по заслугам!»

Меж тем, с сейидом рассчитавшись лихо,
И впрямь садовник взялся за факиха:

«Какой законник ты, какой факих?
Что в толстых книгах ты прочел своих?

Ужели эти книги говорят,
Что можно лезть в чужой плодовый сад?

Ты на руку нечист и глуп к тому же,
Воров с отрубленной рукой ты хуже!»

И палкой стал того тузить садовник,
Кто также был утрат его виновник.

Стонал несчастный: «Ты, садовник, прав,
Все заслужил я сам, друзей предавал.

Я дружбою святой, законом чести —
Всем пренебрег, поверив лжи и лести.

Сильнее бей меня, я знаю сам,
Не много это по моим грехам!»

Садовник бил факиха, а потом
Из сада вышвырнул его пинком.

Мы знаем: с теми так всегда бывает,
Кто предаёт друзей иль покидает.

**РАССКАЗ О ГЛУПЦЕ,
КОТОРЫЙ БЫЛ ОСЛЕПЛЕН
ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬСТВОМ
МЕДВЕДЯ**

Дракон медведя повалил однажды,
Но шел, на счастье, человек отважный.

Хвалы достоин только тот из нас,
Кто слабым помогает в трудный час.

Кто слышит вопль несчастных и не может
К ним не спешить, как милосердье божье.

Таких не портит себялюбья грех,
Что оскверняет нас почти что всех.

Они, на коих этой нет вины,
Из чистой доброты сотворены.

К тем, кто в беде, они приходят в срок,
Находят тех, кто наг и одинок.

Они — подмога всех, кто обездолен,
Лекарство, ищущее тех, кто болен,

Кто терпит боль, кого сковал недуг,
Тот, кто несчастен, им и брат и друг.

Итак, достойный муж во время оно
Медведя спас из страшных лап дракона.

Храбрец того дракона поборол,
Что был причиной многих бед и зол.

Медведь освободился невредим,
Склонился пред спасителем своим.

Усердно он, спасенный, стал служить
Тому, кто смог дракона победить.

И если засыпал его спаситель,
Медведь был верный сторож и хранитель.

Сей дружбой как-то человек прохожий
Был удивлен, он прошептал: «О боже!»

И рассказал отважный, что дракон
Был побежден, что был медведь спасен.

Изрек прохожий: «Ждет тебя беда,
С глупцами дружба хуже, чем вражда!»

Храбрец сказал прохожему: «Быть может,
Тебе, о странник, зависть сердце гложет.

И посему не видишь ты величья
Того, чья преданность важней обличья!»

Сказал прохожий: «Можешь мне поверить,
Людская зависть лучше дружбы зверя!

Будь спутником моим, не обессудь,
Отправимся скорее вместе в путь!»

Сказал храбрец: «Своим займись ты делом,
Медведь мне предан и душой и телом!»

«Но у меня важнее дела нет,
Как ныне дать тебе благой совет!

Давай вдвоем пойдем мы иль поедем:
Быть с человеком лучше, чем с медведем!»

Но сердце храбреца осталось глухо,
Хоть речь благая и достигла слуха.

«Ну что ж,— решил прохожий,— я уйду,
Коль не могу предотвратить беду!»

Сказал храбрец: «Ступай своей дорогой,
Случайный встречный, мой советчик строгий!»

Вновь повторил прохожий: «Я не враг,
Пойдем со мной, и путь твой будет благ!

Не обольщайся верою обманной
И дружбой той, что кажется столь странной!»

Храбрец решил: «Не сделал бы мне худа
Он, появившийся бог весть откуда.

Зачем так хочет этот прилипала,
Чтоб я с ним был во что бы то ни стало.

Иль с кем-то он побился об заклад,
Что в нашу дружбу он внесет разлад?

Иль хочет, чтоб за ним пошел я следом,
Завидуя, что слепо друг мне предан?»

Бывает в жизни так: не всяк храбрец
К тому ж еще добряк, еще мудрец.

И наш храбрец был мужем простоватым,
Когда медведя другом счел и братом.

Когда лесного зверя предпочел
Тому, кто мог его спасти от зол.

Дорогою своей шагал прохожий,
Шептал: «Спаси сего глупца, о боже!»

А тот храбрец, что воевал с драконом,
Беспечно спал под жарким небосклоном.

Смотрел медведь, сидевший в изголовье,
На своего спасителя с любовью.

Покой его храня, медведь был строг
Ко всем, кто друга потревожить мог.

Над спящим между тем кружилась муха,
На лоб садилась, заползала в ухо.

И хоть медведь от друга дорогого
Тварь отгонял, та прилетала снова,

Тогда ее решил убить медведь,
Чтоб спящего не донимала впредь.

Он лапами для этой доброй цели
Тяжелый камень поднял еле-еле.

А в это время муха, дочь зла,
Как раз по лбу уснувшего ползла.

Чтоб впредь спокойно спал товарищ милый,
Медведь ее со всей ударил силой.

Все это рассказал я не напрасно,
А чтоб вам знать: любовь глупцов опасна.

Пусть даже клятва глупого — не ложь,
Но он глупец, что с дурака возьмешь?

Его любовь пуста, а клятва ложна,
Хоть ты поверил ей неосторожно.

Себя опасной дружбой не заботь
С глупцом, чей пленник ум, наставник — плоть.

Все, в чем он и Кораном поклянется,
В конце концов обманом обернется.

Клянется он, но клятве грош цена,
Хоть сам он верит, что она верна.

И пусть Аллах, что славен милосердьем,
Не одаряет дурака усердьем.

**О ТОМ,
КАК ШУТ
ОБЪЯСНЯЛ
СУЛТАНУ
СВОЮ ЖЕНИТЬБУ**

Склонясь к шуту, султан шепнул на ухо:
«Ты женишься, а ведь невеста — шлюха.

Меж тем тебе я мог бы дать совет,
Где взять жену, греха на коей нет!»

Шут отвечал: «Безгрешная девица
И та со мною в шлюху превратится.

Беру я шлюху, может быть, она
С годами будет верная жена.

Она блудила всласть, и это дело,
Надеюсь я, уже ей надоело!»

**СОБАКА
И СЛЕПЕЦ**

На нищего слепца нещадно ляя,
Бежала вслед ему собака злая.

Слепой кричал и палкой отбивался,
Но он устал и ей на милость сдался,

Он старый, он больной, лишенный сил,
Поклон земной собаке сотворил:

«О леопард охоты, муфтий дичи,
Не делай ты меня своей добычей.

В степи иной собрат твой дичи ищет,
А ты охотишься на бедных нищих.

Опасности не знает зверь лесной,
Пока ты здесь гоняешься за мной!»

**О ТОМ, КАК ВОР
НЕ ПОПАЛ В РУКИ ХОЗЯИНА,
ПОТОМУ ЧТО КАКОЙ-ТО ЧЕЛОВЕК
СВОИМ КРИКОМ СБИЛ
ДОГОНЯВШЕГО С ТОЛКУ**

Один владелец дома у забора
Крадущегося заметил вора.

«Что ты здесь делаешь, ищадые бед?»
Пустился вор бежать, хозяин вслед

Помчался без дороги, без пути.
И вор почти попался, лишь схвати.

Но в этот миг хозяин позади
Услышал крик: «Бегущий, погоди!

И я тебе такое обозначу,
Что много облегчит твою задачу!»

Хозяин призадумался: «Быть может,
Тот, кто кричит, и правда мне поможет?

Быть может, в это время вор иной
Мой грабит дом, грешит с моей женой?

Возможно, худшая беда случится,
Когда кричащему не подчиниться!»

И догоняющий свой бег пресек:
«Что ты мне скажешь, добрый человек?

Что хочешь ты, твои что значат крики?»
Тот отвечал: «Есть верные улики.

Смотри: следы сокрывшегося вора,
Спеши — и ты его настигнешь скоро!»

К кричавшему хозяин обернулся:
«Тебя я честным счел, да обманулся,

Уже я вора взял за воротник,
Когда услышал твой истошный крик.

Вор был почти что у меня в руках —
Зачем же мне следов неверный прах!»

Но ловкий плут, на ухищренья падкий,
Твердил: «Я указую путь к разгадке!»

Сказал хозяин: «Ты пособник вора,
Коль мог нагородить такого вздора.

Когда в руках мы держим сам предмет,
Зачем искать его неясный след?»

**РАССКАЗ
О ЧЕТЫРЕХ ИНДОСТАНЦАХ,
КОТОРЫЕ ПЕРЕССОРИЛИСЬ
МЕЖДУ СОБОЙ**

Четыре индостанца как-то раз
Вошли в мечеть, чтоб сотворить намаз.

Аллаха ублажить мольбой посильной,
Просить его о милости обильной.

Но вот сказал из четырех один:
«Уже пора, кричи: о муаззин!»

Второй заметил первому сурово:
«Ты осквернил молитву, молвив слово!»

Сказал второму третий: «Ты в свой час
За грех себя судил бы, а не нас!»

Четвертый прошептал: «По крайней мере,
Как трое вы, я не погряз в безверье!»

Кто грех чужой выискивает, тех
Бог судит строже, чем творящих грех.

И потому от этих четверых
Аллах не принял их молитв святых.

Блажен лишь тот, кто понял свой порок,
Кто осудил свой грех, извлек урок.

Людской души туманна половина,
Другая — в прегрешениях повинна.

Но если ссадина тебя тревожит,
Ты пластырь сам накладывай на кожу.

И пусть не дразнит безбородых тот,
Который от природы безбород.

**РАССКАЗ
О СТАРОМ ЧЕЛОВЕКЕ,
КОТОРЫЙ ЖАЛОВАЛСЯ
НА СВОИ БОЛЕЗНИ**

Однажды к лекарю старик пришел,
Сказал: «Я стал на голову тяжел!»

Ответил лекарь: «Что ж, твои года
Тому причина, что пришла беда!»

Больной заголосил: «Мой меркнет свет!»
Врач объяснил: «Все от преклонных лет».

Сказал старик: «Я согнут, словно лук!»
«От возраста и этот твой недуг!»

Старик стонал: «Моя горька еда!»
«Что делать,— лекарь отвечал,— года».

«Вздыхнуть мне трудно. Все вокруг темно!»
«Так в возрасте твоём и быть должно».

Старик заохал: «Ослабела похоть!»
Ответил врач: «Ты стар, чего же охать!»

Сказал болящий: «Что со мною случилось!»
Сказал целящий: «От годов усталость».

Разгневавшись, больной немного ожил:
«Ты словно швец, что шьёт одно и то же».

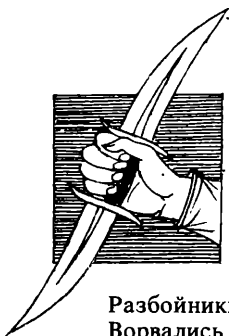
Года, года — заладил мне на горе,
Меж тем есть снадобье от всякой хвори.

Не можешь одолеть болезней зло,
Так избери другое ремесло!»

«Что ж,— врач сказал,— мне наблюдать случилось,
Как гнев напрасный порождала старость».

От старости твое не только тело,
Но и душа изрядно одряхла.

Кто, гневаясь, себя сдержать не может,
Тем никакое зелье не поможет!»

**О ТОМ, КАК
РАЗБОЙНИКИ-ОГУЗЫ
СОБРАЛИСЬ УБИТЬ
ОДНОГО СТАРИКА,
ЧТОБ ИСПУГАТЬ ДРУГОГО**

Разбойники, замыслив ограбление,
Ворвались как-то в некое селенье

И, чтобы поживиться там немало,
Двух стариков схватили для начала.

Вот над одним из них, верша грабеж,
Уже занес разбойник острый нож.

Но тот взмолился: «О столпы державы,
Меня убив, не будете вы правы!

Что за корысть вам и какой вам прок
Казнить меня, что нищ и одинок?»

Сказал огуз: «Проткнем твои бока
Мы на глазах второго старика.

К тебе мы не питаем чувства злого,
Но испугаем мы того, другого.

Когда поймет он, что постигло друга,
Богатство принесет нам с перепуга!»

Старик взмолился, плача и бледнея:
«Но тот второй старик меня беднее.

Вот и прикончите того сначала,
Чтоб смерть его меня бы испугала».

**ИСТОРИЯ
ОБ ОТРОКЕ,
КОТОРЫЙ РЫДАЛ
НАД МЕРТВЫМ ОТЦОМ**

Был отроком разумным и достойным
Рыдавший над отцом своим покойным:

«Зачем, отец, тебя несут под кров,
Где нету ни циновок, ни ковров?

Зачем несут тебя в такое место,
Где будет вечно и темно и тесно?

Там все вокруг земля, там даже крошки
Не то что плова нет, но и лепешки.

Светильник тьму не озаряет в нем,
Там ни окна, ни света за окном.

Сосед тебя в том доме не услышит,
Там двери нет, нет притолки, нет крыши.

В том доме нет воды, чтобы напиться,
Там красота твоя не сохранится.

В убогий дом тебя несут сейчас,—
Сын причитал и слезы лил из глаз.

Джухи, что был на этом погребенье,
Услышал плач и ощутил волненье.

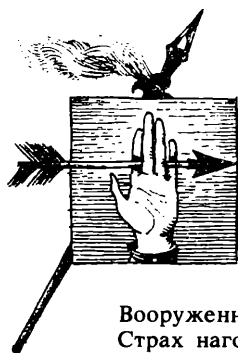
Он своему отцу сказал со страхом:
«Его в наш дом несут, клянусь Аллахом!»

Сказал отец Джухи: «Молчи, глупец!»
«Но все приметы сходятся, отец!

К нам понесут его сейчас под кров,
Где нету ни циновок, ни ковров.

Возьмут его к нам в дом, где даже крошки
Не то что плова нет, но и лепешки...

Приметы сходятся,— сказал Джухи,—
То плата нам за наши все грехи!»

**ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК НЕКИЙ ЛУЧНИК
ИСПУГАЛСЯ
ГРОЗНОГО ВИДА
ВСАДНИКА**

Вооруженный всадник на коне
Страх нагонял на всех в одной стране.

Повсюду он скакал средь бела дня,
Оружьем и доспехами звеня.

И некий лучник, испугавшись вдруг,
Ему навстречу вышел, взявши лук.

Взмолился всадник: «Лучник благородный,
Бессильный я, хоть телом и дородный.

Меня ты, о храбрейший, пожалей,
Старухи я пугливей и слабей!»

«Ну что ж,— сказал стрелок,— молись Аллаху,
Что не пустил стрелу в тебя со страху,

Но если слаб ты и пуглив, то зря
Решил надеть доспех богатыря,

Ибо лишь грозным видом ты, пожалуй,
Подверг себя опасности немалой».

РАССКАЗ О ТОМ,
КАК БЕДУИН
НАПОЛНЯЛ
ПЕРЕМЕТНУЮ СУМУ
ПЕСКОМ

Один араб навьючил на верблюда
Мешок зерна — три иль четыре пуда.

А чтоб не пустовал второй мешок,
В него насыпал бедуин песок.

На горб и сам тотчас он взгромоздился,
Но здесь как раз мудрец один случился.

Он спросил: «Что ты везешь в мешках,
О человек, храни тебя Аллах?»

Рек бедуин: «Зерно навесил здесь я.
А там — мешок с песком для равновесья

И для того, чтоб не был пуст мешок!»
Мудрец спросил: «Зачем тебе песок?»

Он продолжал: «Ты раздели пшеницу,
Чтоб в двух мешках ей равно уместиться.

От этой станет легче благодетели
Тебе, мешкам обоим и скотине!»

Вскричал араб в слезах от восхищенья:
«Как просто мудрое твое сужденье!

Но почему же сам идешь пешком
Ты, о мудрец, что мне едва знаком?

Хождение пешком тебе ль по чести?
Поедем на моем верблюде вместе!»

Соседством с мудрым спутником счастливый
Спросил араб: «Кто ты, красноречивый?

С таким умом и с языком таким
Ты, может быть, везир или хахим?

Дай мне совет, глупцу и малOVERУ
Как дни прожить по твоему примеру?»

Сказал мудрец: «Ужель мой жалкий вид
О низком звании не говорит?»

«Тогда скажи, мудрейший из достойных,
Сколь у тебя овец, верблюдиц дойных?»

Изрек мудрец: «Нет у меня и стада,
О любопытный более чем надо!»

«Владеешь ты — прости вопрос мой праздный,—
Наверно, лавкой, где товарец красный?»

«Нет у меня товара никакого,
Не то что лавки, нету даже крова!»

Араб промолвил: «Как не жить богато
Тому, чье слово драгоценней злата?»

Иль, может быть, ты сам живешь, как птица,
А злато в тайниках твоих хранится?»

Сказал мудрец: «Поверь мне, бедуин,
И бос и гол я и, как перст, один.

Нет у меня, что с нищетою дружен,
Не то что злата — и гроша на ужин!

От мудрости моей мне, право слово,
Нет блага, нет прибýtка никакого!»

Сказал араб: «О человек бездомный,
Что мне от мудрости твоей никчемной?»

Ступай,— добавил он, дрожа от гнева,—
Коль твой направо путь, так мой — налево!

Без твоего совета я бы мог
В своем втором мешке везти песок.

Ты, может, и умен, но ты — бродяга.
Я глуп, но глупость мне идет во благо.

Пускай я немудрен, а все же сыт,
И божьей милости мне путь открыт!»

**О ТОМ,
КАК МЫШЬ
УКРАЛА
ВЕРБЛЮЖИЙ ПОВОД**

Решила мышь, украв верблюжий повод,
Что это — слыть ровней верблюду повод.

Взяв повод в зубы, мышь бежать пустилась,
Верблюд за ней, она и возгордилась.

Подумала: «Верблюду я ровня,
Бежит он даже позади меня!»

Мышь похвальбы не скрывает от верблюда.
«Ну что ж, — подумал он, — гордись покуда!»

Но вот река случилась на дороге,
Остановилась мышь пред ней в тревоге.

Верблюд ей крикнул: «Что же замерла,
Ты, что моей вожатой была?»

О спутница моя, ужель нимало
Тебя преграда эта испугала?»

Сказала мышь: «Но здесь река такая,
Что нет ей дна, теченью нету края!»

«Проверить глубину велик ли труд?
Полезем в воду! — возразил верблюд.—

Гляди: река хоть и быстра и пенна,
Не глубока, всего-то по колено!»

Мышь запищала: «Не подумал ты —
У нас колени разной высоты.

По разным мы с тобой живем законам —
Ты чтишь мурашкой то, что я — драконом.

Что по колено милости твоей,
То мне поверх макушки сто локтей».

Сказал верблюд: «Так вот, в своей гордыне
Ты другорядь не заносись, как ныне.

А если нрав свой хочешь показать —
Тягайся с теми, кто тебе под стать.

Не то гляди, как бы твое же тело
От пламени гордыни не сгорело!»

Призналась мышь: «Я зарвалась немного,
Но гнев смени на милость, ради бога.

Без помощи твоей, о падишах,
Мне гибель в этих суждена волнах!»

«Ну что ж, — сказал верблюд, свой гнев смягчая, —
Садись на горб, перенесу тебя я.

Таких, как ты, когда нам по пути,
Я тысяч сто могу перенести!»

**РАССКАЗ
О ПОИСКАХ ДЕРЕВА,
ЧЬИ ПЛОДЫ
ДАРУЮТ
БЕССМЕРТИЕ**

Поэт какой-то написал в дастане:
«Есть дерево бессмертья в Индостане.

И кто его чудесный вкусит плод,
Тот не состарится и не умрет».

Услышав эти строки, падишах
Поверил: «Правда есть в таких словах!»

И в Индостан посланца он отправил
Из тех, кто мудростью себя прославил.

Почтенный, многоопытный мудрец
Весь край изъездил из конца в конец.

Скитался он, чтобы достигнуть цели,
По Индостану многие недели.

Иные, что встречали ходока,
Его считали тронутым слегка,

Другие, хоть внимали терпеливо,
Трепали по плечу его шутливо.

И, улыбаясь, говорили: «Что ж,
Ты ищешь столь усердно, что найдешь!

Не может статься, чтоб напрасны были
Все многотрудные твои усилья!»

Он шел и шел — посол чужого края,
Глумленье над собой претерпевая.

Он слышал клятвы: «Видели мы сами
То дерево с тенистыми ветвями,

Обхвата в три его широкий ствол»,—
Так люди врали, а посланец шел.

Он брел в слезах, претерпевал страданья,
Слал деньги шах ему на пропитанье.

А между тем мелькал за годом год,
Гонец устал от тягот и невзгод.

Он думал: «Я потратил столько лет,
О древе толки есть, а древа нет.

Оборвалась моей надежды нить,
Хоть страшно неудачником прослыть,

Я все же обречен на возвращенье,
Дай силы, боже, мне принять решенье!»

Он думал: «Нет надежды на успех,
Но где-то есть мудрец мудрее всех.

Своей беды ему открою суть
И лишь потом пушусь в нелегкий путь.

Чтобы с молитвой шейха благодатной
Мне одолеть далекий путь обратный».

С глазами, воспаленными от слез,
Он к мудрецу пришел и произнес:

«Сюда пришед с другого края света,
Ищу я сострадания и совета!»

Промолвил шейх, что мудростью велик:
«Скажи, куда ты обращал свой лик?»

Гонец сказал: «Меня послал мой шах
Искать такое древо в сих краях,

Чей нас бессмертьем одаряет плод,
Но не нашел я, где оно растет?

Искал я древо это много лет,
И встречные смеялись мне вослед!»

Мудрец ответил: «Есть всему названье,
То, что ты ищешь, это древо знания!

Ветвям его нет ни конца ни края.
Где это дерево растет, я знаю.

А ты себя заране — видит бог —
На неудачу в поисках обрек.

Ища, ты брал в расчет лишь очертанья,
Ты не вникал ни в суть, ни в содержанье.

Ты, сбившись с ног, бродил туда-сюда,
Но сладостного не вкусил плода.

То дерево рождает тьму деяний.
Бессмертье — капля из его даяний.

Оно единое на целый свет,
Хотя его названьям счету нет.

Так может некто, будучи единым,
Быть одному отцом, другому — сыном.

Быть для кого-то средоточьем благ,
А для другого злей, чем кровный враг.

Порою человек и сам не знает
Тех свойств своих, какими обладает.

Что имя? Лишь название предмета,
Подумай, что таит название это?

„Где это древо?“ — повторял ты, плача,
Но лишь к постигшим смысл спешит удача.

Что облик чей-то иль чего-нибудь?
Коль ты мудрец, старайся вникнуть в суть.

Ничтожно все: и званье и прозванье,
Существенны лишь смысл и пониманье.

Порой причина бедствия иного
Различное истолкованье слова.

Непониманье сути сплошь и рядом
Враждой чревато или же разладом!

...Значенье этой речи просвещенной
Вам поясню я притчей немудреной.

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ИЗ-ЗА ВИНОГРАДА
ПЕРЕССОРИЛИСЬ
ЧЕТЫРЕ ЧЕЛОВЕКА,
ПОСКОЛЬКУ НЕ ПОНИМАЛИ
ЯЗЫКА ДРУГ ДРУГА**

Шли вместе турок, перс, араб и грек.
Им дал дирхем какой-то человек.

Случилось так, что дармовой дирхем
Им четверым принес несчастье всем.

Промолвил перс: «Я был бы очень рад
Купить ангур!», что значит виноград.

«Аллах нас сохрани,— сказал араб,—
Зачем ангур, приобретем зйнаб».

Вмешался турок: «Прекратите шум,
Зачем ангур, айнаб — возьмем узум!»

Сказал четвертый, тот, что греком был:
«Коль покупать, так покупать стафил!»

Кричали зло, и спор их был таков,
Что дело вмиг дошло до кулаков.

Они тузили, знанья лишены,
Друг друга без причины, без вины.

О, если б повстречать им знатока,
Что знал бы все четыре языка.

Сказал бы он, что можно на дирхем
То приобрести, что им желанно всем,

Поскольку каждый думал об одном,
Что выражал на языке своем.

Слова «ангур», «эйнаб», «узум», «стафил»
Суть виноград, что им желанен был.

Быть может, тот знаток в одно мгновенье
Их озарил бы светом разуменья,

Чтоб четверо, что дрались и бранились,
В единомышленников превратились.

Так мудрость знанья может всем на счастье
Вражду и распрю превратить в согласие.

**О ТОМ,
КАК СУДЬЯ ЖАЛОВАЛСЯ
НА СВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ,
СЧИТАЯ ЭТО БОЛЬШИМ
НЕСЧАСТЬЕМ**

Почтенный муж назначен был судьей.
Он возопил, взроптал на жребий свой.

Тогда писец его и заместитель
Сказал: «Стенать, о кадий, погодите!

Вам принимать бы надо поздравленья,
А не роптать на это назначенье!»

Судья сказал: «Я глуп, я не готов
Судить ответчиков, судить истцов.

Они свое ведь лучше знают дело,
Я осужден судить их неумело.

Нашупав нити тонкий волосок,
Смогу ли размотать я весь клубок?»

Писец заметил: «Даже мудрецы
Корыстны в час, когда они истцы.

Хоть, может быть, ясней, чем кто-нибудь,
Они той тяжбы понимают суть.

Но зло, что тяжущихся ослепило,
Для всякой справедливости могила.

И вот судья, чьи помыслы чисты,
Своей пусть не боится простоты.

Пока корысть не застит ваших глаз,
Судьи не будет справедливей вас!»

ИЗ КНИГИ
ТРЕТЬЕЙ

**ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК НЕКИЙ СЕЛЯНИН
ОБМАНУЛ ГОРОЖАНИНА,
НАСТОЯТЕЛЬНО ПРИГЛАШАЯ
ЕГО ПОГОСТИТЬ**

В каком-то городе в кругу родни
Один торговец жил в былые дни.

Он, горожанин, всем на удивленье,
Был связан дружбой с тем, кто жил в селенье.

Встречал с почетом гостя горожанин,
Когда б к нему не приезжал селянин.

А тот являлся каждый год опять,
Чтобы у друга в доме гостевать.

Хоть горожанин и не слыл богатым,
Конечно, за постой не брал он платы.

И частый гость, слезу стирая с глаз,
Молил: «Приехал бы ко мне хоть раз!

Возьми детей, чтоб под моею сенью
Природой любоваться им весенней.

И в пору созревания плодов
Я, как невольник, вам служить готов.

Возьми всех чад своих и домочадцев,
Чтоб сельской жизнью им понаслаждаться.

Ведь так прекрасно — что ни говори —
Пожить в деревне месяц, два и три.

Вам, горожанам, наблюдать желанно
Цветенье древа, злака и тюльпана».

Чтоб разговор сей в сторону свернуть,
Твердил хозяин: «Что ж, когда-нибудь!»

Лет восемь промелькнуло как мгновенье,
Все повторял селянин приглашенье.

А горожанин, с правдой не в ладу,
То говорил, мол, нынче брата жду,

То уезжаю по делам торговым,
То чувствую себя я нездоровым.

То, мол, приедем мы, да не сейчас...
А между тем селянин всякий раз

В дом горожанина спешил с любовью,
Как птица к прошлогоднему гнездовью.

И добрый горожанин каждый год
Для гостя не жалел своих щедрот.

Селянин этот гостем был желанным,
Он ел и пил и сиживал с кальяном.

Твердил он, руку положа на грудь:
«Ты б к нам, ходжа, приехал как-нибудь!»

Хозяин отвечал: «Всему свой срок,
О друг мой верный, нам хозяин бог!»

Мы, люди,— корабли под парусами,
Лишь Он, дающий ветер, правит нами».

И снова, как все эти восемь лет,
Давал ходжа селянину обет.

И целое прошло десятилетье.
Большими стали у торговца дети.

Они сказали: «Ветр и даже тень —
Все путешествует во всякий день.

Отец, гостеприимством благодатным
Связал ты друга долгом неоплатным.

Тебе он этот долг без лишних слов,
Как честный человек, вернуть готов.

И нам шептал он: время, мол, приспело,
Тебя на доброе подвигнуть дело!»

Хоть им не возражал отец, любя,
Но все ж, мудрец, он думал про себя:

«Увы, походит дружба на зерно:
Ему иль сгнить, иль прорасти дано».

Ведь говорят издревле: «Бойся тех,
Кому добро содеял, как на грех».

Привязанность иная для друзей
Опасней, чем пустынный суховей.

Хоть и бывает иногда добра
И сладостна, как вешняя пора.

Предусмотрительность дороже злата,
Хоть подозрительностью и чревата.

Недаром сказано такое слово:
«Повсюду людям западня готова».

Не потому ль, хоть степи широки,
Туда спешим мы, где нас ждут силки?

Хоть ты и зорек, проглядишь засаду,
Что лишь душе заметна, а не взгляду.

Не будь нигде опасности вокруг,
Так не лежал бы на виду курдюк.

Как было ранее? Среди могил
Ты побродил бы, мертвых расспросил,

Чтоб стала истина тебе ясна:
Бывало так в любые времена.

И в яму своего высокомерья
Равно и люди падали и звери.

Когда ты зряч, будь прозорлив с людьми,
А слеп, так посох поскорей возьми!

Покуда разум есть и есть возможность,
Как посох ты используй осторожность.

А если ты и посох держишь зря,
В путь не пускайся без поводыря.

...Но мы, пожалуй, отвлеклись немного,
А горожанина ждала дорога.

Селянин звал его немало лет,
И горожанин не предвидел бед.

И птица давнего его решенья
Взяла к деревне друга направленья.

Припас грузила на волов семья,
И мнили дочери и сыновья:

«Лишь плод надежд вкушавшие доселе,
Вкусим с ветвей плоды мы, что созрели.

Чтоб нас зазвать, потратив столько сил,
Селянин древо щедрости взрастил.

Откроет он, в любви на все готовый,
И душу нам, не то что сад плодовый.

И в город от него с собою мы
Возьмем еще припасы для зимы».

И все-таки, пускаясь в путь-дорогу,
Они невольно чуяли тревогу.

Но ветер странствий окрыляет нас,
И пели песню путники подчас.

Себя они подбадривали словом:
«В краю чужом легко прослыть Хосровом.

И может стать иной бедняк царем,
А пешка шахом или же ферзем!»

Их в полдень солнце жгло, а ночью поздней
Стремленье к цели их вело по звездам.

И хоть дорога тяжкою была,
Она им не казалась тяжелой.

Сладка и горечь из желанных уст,
И розой видится колючий куст.

О, как нам лгут, как манят нас желанья,
Хоть из-за них и ждут нас испытанья.

За тяжкий груз, зовущийся любовью,
Влюбленный платит собственной кровью.

По наковальне бьет кузнец умелый,
Весь черный, чтоб коснуться ручки белой.

Не спит торговец сутки напролет,
Торгуя ради той, кого он ждет.

Купец и море бороздит и сушу —
Все ради той, кому он отдал душу.

И плотник трудится во имя той,
Чьей он пленен великой красотой...

Идущим к другу золотом казалось
То, что потом медяшкой оказалось.

Они по мере приближенья к цели
И танцевали радостней и пели,

Они и пыли вопреки и зною
Как колесо кружились водяное.

Завидуя и птицам, что вдали
Неслись быстрее, чем горожане шли.

Из тех краев летевший ветерок
Уставшим возвратить им силы мог.

И всех они прохожих целовали,
Что, может статься, друга их встречали:

«Видали вы его в краю далеком
И сами как бы стали нашим оком».

Покуда путники достигли цели,
Они припасы все, конечно, съели.

Но к ним не вышел деревенский друг,
Ему их встретить было недосуг.

Он от пришельцев спрятался заране,
Хоть так не поступают мусульмане.

И путники усталые с трудом
Все ж, расспросив, нашли искомый дом.

Но были крепко заперты ворота,
Чтоб не проникнул посторонний кто-то.

Приезжие у запертых дверей
Сидели долгих пять ночей и дней.

Пришлось ходже изведать вероломство
Того, с кем столько лет водил знакомство.

Что делать? Если в яму угодил,
Не трать на ругань понапрасну сил.

Ходжа семью в обратный путь не вел
Не потому, что был упрямым и зол,—

Ведь для того чтоб в путь пуститься снова,
Не оставалось ничего съестного.

Случается порой, что даже лев
Ест падаль, с голодухи ослабев.

Ходжа, селянина увидев все же,
Промолвил: «Так вести себя негоже.

Хоть и беспамятный ты человек,
Припомни все ж, я — друг твой имярек».

Селянин отвечал: «Весьма возможно,
Свое прозвание ты назвал не ложно,

Хоть зваться именем таким и честь,
Но я откуда знаю, кто ты есть?

Мне о себе-то ведомо немного:
Мой занят ум лишь прославленьем бога».

Но горожанин вновь воззвал к нему:
«Я тот ходжа, в чьем ты живал дому.

Я — старый друг, тебе служивший верно,
В чьем доме плов ты пожирал усердно!

Ужели ты не ведаешь стыда
Пред тем, чью доброту вкушал всегда?..

О нашей долгой дружбе знают люди.
За вероломство бог тебя осудит!»

Селянин отвечал: «О человек,
Досель тебя я не встречал вовек.

Ты мне не докучай печалью многой
И прочь скорей ступай своей дорогой,

Я не могу тебе ничем помочь!»
Обильный дождь пролился в ту же ночь.

И горожанин, вымокший до нитки,
В дом постучал опять кольцом калитки.

Не открывал селянин долго дверь.
Ходжа сказал: «Я все забыл, поверь,

Хоть за пять дней пришлось мне испытать
Обид, что мне хватило б лет на пять.

Поверь, твоей любви я не ищу,
За то, что испытать пришлось, не мщу.

Но где-то нам обсохнуть разреши,
Хоть для спасения своей души!

И отведи хоть тесный уголок
Всем нам, кто обессилел и промок».

Сказал селянин: «Есть в саду строенье,
Жил там старик, стерег мое владенье.

Ты там недолго можешь обитать,
Чтобы мой сад от волка охранять!»

Ходжа ответил: «Дай мне лук и стрелы,
Исполнить я готов любое дело.

Не то что волка, даже комара
Не допущу до твоего добра.

Но дай нам кров, чтобы жене и детям
Не мокнуть до утра под ливнем этим!»

Они вошли, не спавшие давно,
В шалаш, где было грязно и темно.

Теснясь друг к другу, словно саранча,
Легли, слова такие лопоча:

«О боже, мы несчастье пожинаем
За то, что знали с этим негодяем,

Что дом покинули свой обжитой
В погоне за несбыточной мечтой.

За то, что мы, услышав зов шайтана,
Пустились в путь уверенно и рьяно!»

В тот час ночной ходжа, сжимая лук,
Сад сторожил, вокруг ходил сам-друг.

Крепки ворота были и ограда,
Но грызла, словно волк, его досада.

Стенал торговец, ничему не рад,
И охранял чужой плодовый сад.

В кромешной тьме, от холода дрожа,
Под проливным дождем ходил ходжа.

И вдруг среди ночи уследил он волка,
Стрелу пустил, не размышляя долго.

И зверь, упавши, из последних сил
Из брюха смрадный ветер испустил.

Селянин прибежал и хмур и зол:
«Что ты наделал, это ж мой осел!

Твоей семье отвел я кров прекрасный,
А ты мне вот чем платишь, о несчастный!»

Сказал ходжа, досель стоявший молча:
«Я в существо стрелял с повадкой волчьей.

Во тьме кромешной зверя злобный вид
О том, что это хищник, говорит!»

Селянин плакал: «То моя скотина,
Я своего осла любил, как сына.

И смрадный дух его, хоть ночь темна,
Я отличу, как воду от вина».

Сказал ходжа: «Все, что темно, то зыбко,
Во тьме возможна всякая ошибка.

Неясен ночью нам предмет любой,
Ибо во тьме все схоже меж собой.

Сейчас и ночь, и дождь, и тьма, и тучи,
Чтобы судить, дождемся утра лучше».

Вопил селянин: «Своего осла
По духу я узнал, хоть тьма и зла.

Во всякий раз я различу тотчас
Тот запах, словно путник — свой припас!»

И тут ходжа приятеля бывшего
Схватил за воротник и молвил слово:

«Мне кажется, ты накурился так,
Что память помутил тебе терьяк.

По запаху осла ты распознал
И не узнал меня, чей хлеб вкушал!

Чем лучше по сравнению со мной
Осел твой, испутивший дух срамной?

Осла узнал ты, человек бесчестный,
И позабыл мой кров, тебе известный.

Ты много раз готов твердить о том,
Что и о нас, и о себе самом

Ты, правоверный, ведаешь немного,
Твой занят ум лишь прославленьем бога.

Ты смеешь думать, что постигнул суть.
Но для чего? Чтоб друга обмануть?

„Не отличаю я земли от неба“, —
Твердишь ты, пожалев мне корку хлеба.

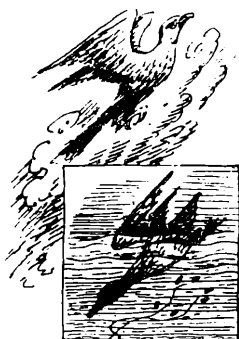
Но в ярость между тем тебя привел
Дух, что из брюха выпустил осел.

Осел был тем хорош, что дал возможность
Всем людям уяснить твою ничтожность.

Пусть за швеца себя не выдает
Тот, кто простой рубахи не сошьет.

Когда ты швец, так чем кричать без толка,
Возьми иглу и шей халат из шелка.

Легко прослыть Рустамом на словах.
Но делом проверяет нас Аллах!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК СОКОЛ
УГОВАРИВАЛ УТОК
ПОКИНУТЬ ПРУД
И УЛЕТЕТЬ В СТЕПЬ**

Однажды сокол уткам говорил:
«У вас, несчастных, разве нету крыл?»

Что ж вы сидите на своем болоте,
В степь не летите по своей охоте?»

Сказали утки: «Нас не искушай,
Вода нам — крепость, нам болото — рай.

И вообще отнюдь не всякой птице
То подобает, что тебе годится.

Пусть не зовет ни сокол, ни Иблис
Нас прочь оттуда, где мы прижились.

Отведены судьбою навсегда
Одним простор степей, другим — вода!»

РАССКАЗ О ТОМ,
КАК МАДЖНУН
ЛАСКАЛ СОБАКУ,
КОТОРАЯ ОБИТАЛА
НА УЛИЦЕ ЛЕЙЛИ

В глаза собаке глядя умиленно,
Маджнун то гладил шерсть ее влюбленно,

То обходил, как будто бы она —
Святой мазар, а сам он диванá.

Маджнун благословлял ее породу,
Давал ей сласти, розовую воду.

Сказал Маджнуну кто-то из прохожих:
«Что ты творишь, венец созданий божьих?»

Ты морду целовать собаке рад,
Которую она свой чешет зад!»

И начал речью обличать горячей
Прохожий весь поганый род собачий.

Отметим к слову: тем, кто недалек,
Заметен только видимый порок.

Сказал Маджнун: «Когда, почтенный, сами
Сумели б мир моими зреть глазами,

То вы собаку с улицы Лейли
Увидеть по-другому бы могли.

Вы поняли б: у милого жилища
Мне пыль дороже, чем собаке — пища.

И я готов — любви ничтожный раб —
Пыль целовать из-под собачьих лап.

Не должно мудрецам являть поспешность,
Судить не свойства скрытые, а внешность».

Когда душа предмета вам важна,
Любая станет раем сторона.

**О ТОМ, КАК НЕКТО
СМАЗЫВАЛ ГУБЫ
КУРДЮЧНОЙ КОРКОЙ,
ЧТОБЫ ДУМАЛИ,
БУДТО ОН СЫТНО ЕСТ**

Был хлеб бедняги скуден, жизнь горька,
Но тер он губы коркой курдюка

И говорил соседям то и дело:
«Я салом сыт, оно мне надоело!»

Он губы вытирал как бы в намек
На истинность того, что он изрек.

Глядите, мол, что выставить могу
Свидетельством того, что я не лгу.

От этой лжи стонал его желудок:
«Наш обладатель потерял рассудок,

Ему, когда б не врал, как часто врет,
Поесть иной и дал бы доброхот.

Ему не говорить бы лживых слов,
Позвали б, может быть, его на плов.

Свое он не скрывал бы положенье,
Беде его нашлось бы исцеленье!»

Живущим тяжело не станет лучше
От хвастовства своим благополучьем.

Гордец, не говори обманных слов,
Не мажь курдючной коркою усов.

И если даже впрямь нашел ты злато,
Не надо хвастать, что живешь богато!..

Корил желудок своего владельца,
Меж тем случилось вот какое дельце:

Унес бродячий кот исподтишка
Припрятанную корку курдюка.

И юный сын хозяина в волненье
Бежал вослед, кричал на все селенье:

«Украл он корку курдюка, шельмец,
Которой мазал губы мой отец».

Гордец едва не умер от печали.
Его усы лосниться перестали.

И спал с лица, и присмирел он вдруг,
И хвастать перестал, что ест курдюк.

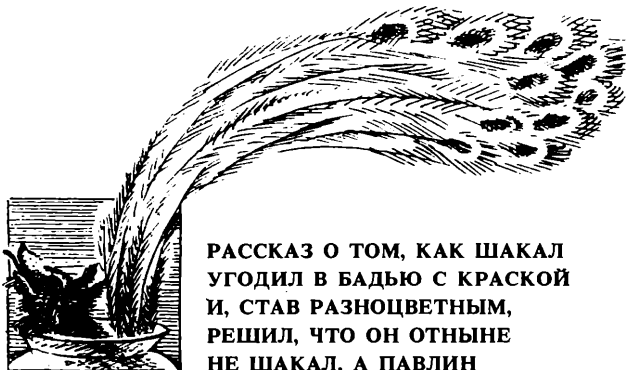
Потешились соседи, и немало,
Но состраданье в их сердцах взыграло.

Соседа привечали и жалели
И приглашали, если пили-ели.

И там вкушал он, проявив усердье,
Не столько пищу, сколько милосердье.

И вопреки былой своей гордыне
Он стал рабом правдивости отныне...

Когда неправды нет в твоих словах,
Достоин ты блаженства в двух мирах.

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК ШАКАЛ
УГОДИЛ В БАДЬЮ С КРАСКОЙ
И, СТАВ РАЗНОЦВЕТНЫМ,
РЕШИЛ, ЧТО ОН ОТНЫНЕ
НЕ ШАКАЛ, А ПАВЛИН**

Однажды некий молодой шакал
В бадью со свежей краскою попал.

И, выбравшись наружу, стал гордиться,
Кричать: «Я райская отныне птица!

Среди шакалов я такой один,
Да не шакал я вовсе, я павлин!»

И впрямь, на том, чья шкура пестрой стала,
Чудесно солнце жаркое играло.

И был он не в пример другим шакалам
И голубым, и розовым, и алым.

Шакалье племя очень удивилось:
«Ответь, собрат наш, что с тобой случилось?»

Скажи, чем возгордился ты сейчас,
Что свысока теперь глядишь на нас?»

Был друг шакала удивлен немало.
«Скажи,— спросил он,— что с тобою стало?»

Ведь ты готов взобраться на мимбар
И поучать всех нас, кто юн и стар,

И с высоты своей гордыни ложной
Всех болтовней смущать пустопорожней.

Но что слова и пестрой шкуры цвет,
Когда в тебе святого пыла нет?

Раскрасить краской шкуру — слишком мало,
Чтобы господня святость свойством стала.

Какую бы ты шкуру ни надел,
Весь век купаться в скверне — твой удел!»

Но гордый пестротой своей шакал
Так отвечал тому, кто порицал:

«Взгляни на облик мой, на яркий цвет,
Таких божков и у шамана нет.

Еще недавно был я незаметным,
Как райский сад теперь я стал стоцветным.

Склонитесь пред венцом моих красот,
Я — гордость веры, божий я оплот.

Господня благодать — Аллаха милость
Так, как во мне, ни в ком не проявилась.

Хочу я, чтоб отныне всякий знал:
Я средь шакалов боле не шакал!»

«Но кто же ты такой, наш господин?»
Шакал ответил: «Райский я павлин!»

Его спросили: «Райские долины
Ты украшаешь ли, как все павлины?»

Ты излучаешь ли небесный свет?»
Шакал подумал и ответил: «Нет!»

«Скажи еще, оплот наш и твердыня,
Умеешь ли кричать ты по-павлиньи?»

«Нет, не могу!» — сказал шакала сын.
«Тогда ты лишь хвастун, а не павлин.

Ибо никто, бывавший лишь в пустыне,
Нам не расскажет о святой Медине.

Ты жалкий зверь, который в краску влез,
Меж тем краса павлинов — дар небес!»

**О ТОМ, КАК ГОРНЫЙ КОЗЕЛ
ТЕРЯЕТ РАССУДОК, ЗАВИДЯ КОЗУ,
КАК ОН ПРЫГАЕТ ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ
И КАК СТАНОВИТСЯ ПОРОЙ
ЛЕГКОЙ ДОБЫЧЕЮ ОХОТНИКОВ**

Козел в горах пасется высоко,
Меж скал, что от вершин недалеко.

Он осторожен, ибо и стрелки,
И звери хищные недалеки.

Ему и подобает осторожно
Судить: опасность истинна иль ложна?

Но вот он видит горную козу
За пропастью на склоне, там, внизу.

И тотчас меркнет свет в его глазах,
И корм ему — пустяк, опасность — прах.

Летит он через пропасть, слеп и глуп,
Как будто пропасть — это лишь уступ.

Но лучники умны, неторопливы,
Козлиный знают нрав и ждут поживы.

Им ведомо, что все забудет он,
Внезапным вождельнем ослеплен.

И зверь, чей глас любви подруги кличет,
Становится нетрудною добычей.

Ведь и герою собственная страсть
Страшней порой, чем прочая напасть.

**ДЕРЕВО
И НЕЗРЕЛЫЕ
ПЛОДЫ**

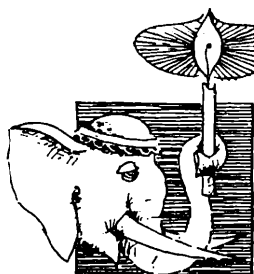
Сей мир подобен дереву, а нам
Уподобляться суждено плодам.

Пока незрелы на ветвах плоды,
Они висят, не ведая беды.

Но держатся на ветках еле-еле
Плоды, которые уже созрели.

Всяк норовит сорвать созревший плод,
Пока на землю сам не упадет.

Вот так же созреванье человека
И означает окончанье века.

**ПРИТЧА
О СПОРАХ
ПО ПОВОДУ
ОБЛИКА
СЛОНА**

Был приведен для обозрения слон
И в некое строенье помещен.

Чтоб подивиться на такое чудо,
Немало праздного сбежалось люда.

Но в помещенье тьма была черна,
И люди только трогали слона

И сразу же друг другу в возбужденье
Высказывали разные сужденья.

Погладил кто-то хобот и изрек:
«На желоб слон похож, на водосток».

Потрогав ухо, женщина сказала:
«Не отличить слона от опахала!»

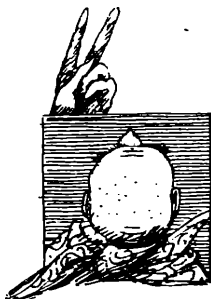
И кто-то, тронув ногу, восхищенно
Сказал, что слон как некая колонна.

Другой ошупал бок и молвил: «Слон
Скорей всего похож на шахский трон!»

«Алифа он прямей», — решил юнец,
«Как „даль“ он согнут!» — возразил мудрец.

Бывает так повсюду: мрак и тьма
Людей лишают знанья и ума.

Меж тем их разномыслие, пожалуй,
Исчезло б от свеченья свечки малой.

**О ТОМ, КАК
РАСТЕРЯННОСТЬ,
ВЫЗВАННАЯ ИЗУМЛЕНИЕМ,
МЕШАЕТ РАЗМЫШЛЕНИЮ
И РАССУЖДЕНИЮ**

К цирюльнику пришел немолодой,
Почтенный муж с двухцветной бородой.

Сказал он: «Убери мои седины,
Чтоб были цветом волосы едины!

В мой дом приходит новая жена,
И седина моя мне не нужна!»

И брадобрей от удивленья вмиг
Всю разом старцу бороду остриг.

Что отхватил усердный брадобрей,
То подал старику рукой своей:

«Сам разберись, что черно здесь, что бело,
Меня в свое не впутывая дело!»

Вот и похожий вedom случай нам:
Дал некий встречный Зейду по шеям.

И Зейд к ударившему сам не свой
Рванулся, чтоб воздать ему с лихвой.

Сказал обидчик: «Что сердиться даром,
Лишь задал я вопрос своим ударом:

„Что породило звук от тумака:
Моя рука или твоя щека?“»

Ответил Зейд: «Мне трудно из-за боли
И размышлять и отвечать тем боле,

А так как ты ущерба не понес,
То сам и отвечай на свой вопрос!»

**РАССКАЗ О ЛОВЦЕ ЗМЕЙ,
КОТОРЫЙ СЧЕЛ ЗАМЕРЗШЕГО
ДРАКОНА МЕРТВЫМ
И ПРИВОЛОК ЕГО
В БАГДАД**

Послушай то, что слышал я стократ,
В чем скрытый смысл и тайный аромат.

Однажды в горы некий змеелов
Пошел, надеясь обрести улов.

Тот, кто избрал в удел исканий путь,
Отыщет, что искал, когда-нибудь.

Пускай взыскующий найдет, что ищет,
Ибо исканье — для надежды пища.

Охотник змей искал, как ищут клад,
В ту пору был обильный снегопад.

И вот во впадине крутого склона
Ловец увидел мертвого дракона.

Искал диковинок ловитель змей,
Чтоб легковерных удивлять людей.

Хоть мы — цари природы, тем не мене
Ничтожность нас приводит в изумленье.

Сам человек себя не познает,
За что и низвергается с высот,

На нищенское рубище подчас
Меня драгоценный свой атлас.

Мы змеям продолжаем удивляться,
Хоть сами змеи нас, людей, боятся.

Был змеелов своей удаче рад,
Когда тащил диковинку в Багдад.

Хоть было тело этого дракона
Огромно, как дворцовая колонна.

Ловец пыхтел и думал: всех людей
Я удивлю находкою своей,

Скажу, какие претерпел мученья,
Чтоб мне щедрей давали награжденье.

И он с трудом по снегу без дорог
Свою добычу страшную волок.

Однако был живым дракон, чье тело
В снегу застыло и окоченело.

Ловец дракона притащил в Багдад,
И каждый был взглянуть на чудо рад.

Во многолюдном городе Багдаде
Все удивлялись, на дракона глядя.

Все говорили: «Вот какое чудо
Отважный муж принес бог весть откуда!»

На чудище смотреть со всех концов
Текли к базару сонмища глупцов.

Чтоб зреть диковинку, валил народ
И змеелову приносил доход.

И чернь, и знать, и все, кому не лень,
Крича, бежали, словно в Судный день,

Туда, где замертво дракон лежал
Под грудой ковров и покрывал.

Ловец, однако, не был простоватым,
Дракона крепким окрутил канатом.

Дракон лежал недвижимый и слепой,
Меж тем вставало солнце над толпой.

Оно взошло на небе и пригрело
Огромное диковинное тело.

И шевельнулась, злость в себе тая,
Казавшаяся мертвою змея.

Тут люди, видя, что пришла беда,
Стеная, побежали кто куда.

Все на пути сметали с перепуга,
Топтали и увечили друг друга.

И думал сам охотник, сбитый с ног:
«Что я себе на горе приволок?»

Он был как та овца с незрячим оком,
Что волка разбудила ненароком.

И проглотил дракон живую плоть,
Что так искусно сотворил господь.

И кости всех, которых проглотил,
Змей, вокруг столба обвившись, измельчил.

Во льду несчастий, как дракона тело,
Тщета души твоей окаменела.

Лед горестей или иное зло
Твоим страстям полезней, чем тепло.

Дракон страстей не страшен, спит покуда,
Покуда спит он, нам не будет худа.

И ты не пробуждай его теплом,
Чтобы весь век не каяться потом.

РАССКАЗ ОБ УЧИТЕЛЕ

Учитель некий, почитатель книг,
Дотошен был, и каждый ученик

Стонал и думал: как унять усердье
Учителя, чье глухо милосердье?

Ученики молили: «Хоть недуг
Пусть рвение его умерит вдруг,

Чтобы неделю или две недели,
Играли б мы и в книги не глядели!»

И вот один, что был смысленей всех,
Сказал: «Возьму на совесть первый грех,

Спрошу его, скажите, мол, на милость,
У вас черны подглазья, что случилось?

Он призадумается, и тотчас
Пусть подойдет к нему другой из нас

И скажет: „Ваше здравие в порядке ль,
Вы пожелтели не от лихорадки ль?“

Потом пусть спросит третий и восьмой:
„Скажите, что стряслось, учитель мой?“

Его мы спросим все, друг другу вторя,
И он в себе усмотрит признак хвори.

Когда находит мнительность, то разум
И мудрецы утрачивают разом».

Ну что же, каждый из учеников
Был на такое действие готов.

Все общему решению были рады,
Оно, как пастырь, направляло стадо.

Все поклялись они своею честью:
Что порешили, то исполнить вместе.

Тот, кто придумал этот уговор,
И сладко говорил и был шустер.

Не зря сказал Пророк, что столь велик:
Помощник совершенства — наш язык.

**О ТОМ,
КАК УЧЕНИКИ
ВВЕЛИ В СОМНЕНИЕ
УЧИТЕЛЯ**

Все заговорщики — велик и мал —
Пришли, когда урочный день настал.

Они стояли, терпеливо ждали
Того, кто был сладкоречивым, ждали,

Того, кто все это придумать мог.
Известно: голова — властитель ног.

И перед тем, за кем ступаешь вслед,
В тебе, идущий, превосходства нет.

Но вот и появился предводитель.
Он поклонился: «Мудрый наш учитель,

У вас под каждым глазом черный круг,
Надеюсь, не опасен ваш недуг!»

Сказал учитель: «Что ты мелешь вздор,
Я был здоров и в здравье до сих пор!»

Он поворчал и принялся за дело,
Но все-таки сомненье в нем засело.

А тут другой промолвил: «Все в порядке ль,
Вы пожелтели не от лихорадки ль?»

И третий, и восьмой, и все подряд
Сказали: «Ваш померк, учитель, взгляд!»

Вы похудели что-то, пожелтели!
И понял он, что болен в самом деле...

**О ТОМ,
КАК ЗАБОЛЕЛ
УЧИТЕЛЬ
ОТ СВОЕЙ
МНИТЕЛЬНОСТИ**

Пред тем как свой переступить порог,
Он шел и коврик за собой волок.

Он думал: «Я женился несчастливо,
Жена моя черства и нерадива».

Он злые о жене шептал слова:
«Она не видит, что я жив едва».

Уж не мечтает ли она, срамница,
Быстрее от меня освободиться?

Иль, красотой своей опьянена,
О муже и не думает она?»

В свой дом родной открыл он двери с силой
И встретился с женой своей немилрой.

Она спросила: «Что пришел так рано,
Хозяин, чья любовь мне так желанна?»

Он крикнул зло: «Ужели, дочь скопца,
Не зришь ты цвета моего лица?»

Ужель не видишь ты, ослепши в блуде,
Что замечают и чужие люди?»

Или тебе притворство не дает
Понять, что, может, я умру вот-вот?»

«Ходжа,— ответила жена с любовью,—
Я признаков не вижу нездоровья!»

Но закричал он: «Нет в тебе стыда!
Муж умирает, велика ль беда!..»

Ужели быть со мною так постыло,
Что ты ко мне толкаешь Азраила?»

Сказала женщина, от слез дрожа:
«Вот зеркало тебе, о мой ходжа,

Возьми и погляди со всех сторон:
Недугом облик твой не омрачен».

Муж закричал: «Разбей свое зеркало
И дай мне лечь быстрее под одеяло.

Я и предположить не мог никак,
Что под одной со мною крышей враг!»

**О ТОМ, КАК
ИЗ-ЗА СВОЕЙ МНИТЕЛЬНОСТИ
СЛЕГ УЧИТЕЛЬ В ПОСТЕЛЬ,
И О СТРАДАНИЯХ, ПОРОЖДЕННЫХ
ЭТОЙ ЖЕ МНИТЕЛЬНОСТЬЮ**

Жена постель недужному стелила
И думала: «Ему ничто не мило.

Что ни скажу я — болен или здоров,—
Не ублажу его тяжелый нрав».

Недаром рек Пророк рабам послушным:
«Тех ждет недуг, кто мнит себя недужным!»

Итак, учитель слег на много дней.
Он чувствовал недуг свой все сильней.

Но все же он в усердьи был таков,
Что звать велел в свой дом учеников.

Пред ним, больным, они Коран читали
И думали в смятенье и печали:

«Видать, все это сотворили мы,
Чтоб вновь попасть в тюрьму нам из тюрьмы».

**О ТОМ, КАК ВТОРИЧНО
УЧЕНИКИ ВВЕЛИ В ЗАБЛУЖДЕ-
НИЕ УЧИТЕЛЯ, ГОВОРЯ,
ЧТО У НЕГО БОЛИТ ГОЛОВА
ОТ ИХ ГРОМКОГО ЧТЕНИЯ
КОРАНА**

Промолвил тот, кто был их верховод:
«Пусть каждый громко свой урок прочтет,

Чтоб нашего наставника больного
Могло бы усладить святое слово».

И вот ученики, гордясь собой,
Пошли свое кричать наперебой.

Тогда один заметил ученик:
«Мучителен учителю наш крик!

Что, кроме неудобства и вреда,
Мы принесли с собой, придя сюда?»

«Ступайте, — прошептал больной едва, —
От ваших воплей пухнет голова!»

**О ТОМ, КАК
УЧЕНИКИ БЛАГОДАря
СВОЕЙ ХИТРОСТИ
ОСВОБОДИЛИСЬ
ОТ ЗАНЯТИЙ**

Сказав: «Да снизойдет Аллаха милость!» —
Ватага школяров бежать пустилась.

Взвивался в небо гам учеников —
Сих птиц, освобожденных от силков.

Но дома радость их не ожидала —
Там удивились матери немало.

И каждая спросила: «Мой сынок,
Ты почему домой пришел не в срок?»

Ученики рекли: «По воле бога
Наставник мудрый приболел немного!»

Сказали матери: «Свои забавы
Творить готовы, не боясь греха, вы.

Ну что ж, мы все к учителю пойдем
И ложь, когда вы лжете, пресечем!»

**О ТОМ,
КАК МАТЕРИ
ПОШЛИ НАВЕЩАТЬ
БОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ**

Родительницы, сыновьям не веря,
К учителю пришли, раскрыли двери.

Увидели: он весь в поту лежал
Под кипой разноцветных одеял.

Шептали матери: «Спаси, Аллах!»
И слезы их сверкали на глазах.

Они сказали: «Нет конца печали,
Но о болезни вашей мы не знали!»

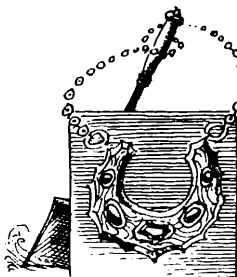
«Я сам не знал, но мне смутили дух
Мои питомцы — дети потаскух.

Они, перекричать стремясь друг друга,
Открыли тяжесть моего недуга».

Кто празднен не бывает, тот своих
Хвороб не знает и не лечит их.

Так воин с отсеченною рукой
Не сразу никнет, а несется в бой

И наземь падает в изнеможенье,
Когда стихает жаркое сраженье.

**ПРИТЧА О ТОМ,
ЧТО ОТВЕТИЛ
ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР,
ПРЕДВИДЯ КОНЕЧНЫЙ
РЕЗУЛЬТАТ ДЕЛА, СОСЕДУ,
ПРИШЕДШЕМУ
ОДОЛЖИТЬ ВЕСЫ**

В какой-то день нетороплив и сед
Явился в лавку мастера сосед.

«Дай мне весы,— неожиданный гость изрек,—
И разновесы на недолгий срок,

Чтоб дома золотишко кой-какое
Я взвесить мог для своего покоя».

Ответил мастер: «Дорогой сосед,
Нет у меня метлы и сита нет!»

Сосед хоть и не грубо, но сердито
Сказал: «Зачем метла, зачем мне сито?»

Я у тебя, кого не чту глухим,
Весы прошу и разновесы к ним!»

Ответил мастер: «Я не глух отнюдь,
Но я вперед способен заглянуть!

Ты стар, дрожит рука, и стан твой скрючен,
Ты нашему искусству не обучен,

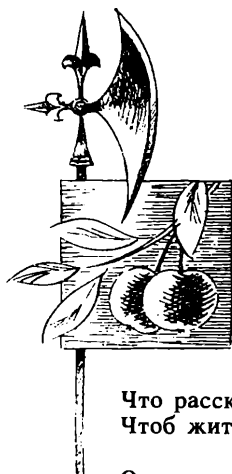
Ты станешь вешать и наверняка
Просыплешь малость ценного песка.

Ты прибежишь ко мне просить метлу,
Чтоб пыль смести, что будет на полу.

И чтоб просеять эту пыль потом,
За ситом снова ты придешь в мой дом.

Поверь, мой друг, я не шучу нимало,
Когда конец провижу от начала.

Клянусь тебе, почтеннейший сосед,
Нет у меня метлы и сита нет!»

**РАССКАЗ О ДЕРВИШЕ,
КОТОРЫЙ ЖИЛ
ОТШЕЛЬНИКОМ
В ГОРАХ
И НАРУШИЛ ОБЕТ,
ДАННЫЙ САМОМУ СЕБЕ**

Что расскажу, тебе да станет ясно,
Чтоб жить отныне истине согласно.

Отшельник обитал в краю глухом
Лишь с одиночеством своим вдвоем.

Ему, что сам себя карал изгнанием,
Плоды дерев служили пропитанием,

Ибо в горах, где он обрел свой кров,
Росло на ветках множество плодов.

Был дервиш связан клятвою такой:
Плодов не рвать вовек своей рукой.

Себя связал он также и обетом:
Людей прохожих не просить об этом,

А собирать с земли по мере сил
Лишь те плоды, что ветер с веток сбил.

Был дервиш верен своему обету,
Покуда ветер гулял по белу свету.

Но ветер стих и дервишу в награду
Плодов не обронял дней десять кряду.

Как будто облетел он эту глушь,
С ветвей ни яблочек не сшибал, ни груш.

Вдруг ветерок подул, являя милость,
Плод не упал, лишь ветка наклонилась.

И дервиш, верный клятве много лет,
Сорвавши плод, нарушил свой обет.

Давно известно, что за все деянья
Нас ждет награда или наказание.

И вору ночью спрятались в горах,
Нагнав на нижние селенья страх.

Где жил отшельник, там они делили
Добро чужое, шумно ели-пили.

А утром стража ханская пришла
И окружила сих исчадий зла.

В том крае вору каждому в науку
Сначала правую рубили руку

И ногу левую секли потом,
Чтоб не грешил он боле воровством.

Был отсеченью правой кисти тоже
Подвергнут праведник, служитель божий,

Уж было до ноги дошел черед,
Но важный всадник выступил вперед.

И палачу такое молвил слово:
«Ты покалечил дервиша святого!»

И тот, творивший казнь, упал во прах,
Одежду рвал, кричал: «Прости, Аллах!»

Даруй и ты, о шейх святой, прощенье,
Мой слабый ум затмило помраченье!»

Шейх прошептал: «Живи спокойно, брат,
В том, что случилось, сам я виноват.

Ниспослано мне наказание это
За то, что не исполнил я обета!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК МУЛ ЖАЛОВАЛСЯ
ВЕРБЛЮДУ НА ТО,
ЧТО ЧАСТО ПАДАЕТ**

Сказал верблюду мул коротконогий:
«Я падаю нередко на дороге.

Мне так порою тяжело идти,
Что я бреду, как сбившийся с пути.

Какой ни пробираюсь я тропкою,
Упав, я ушибаюсь головою.

Меж тем как ты идешь в любые дни
Не падая. В чем тайна, объясни?»

Верблюд ответил: «Что ж, к твоей печали,
Скажу, что зорче я, что вижу дале,

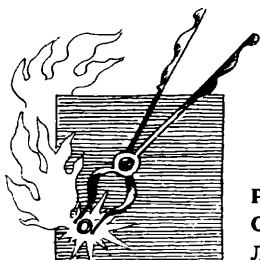
Что я на мир взираю с высоты
Совсем другой, чем низкорослый ты.

И потому, достигнув лишь начала,
Уже конец я вижу перевала.

За это открывает мне Аллах
Все, что сокрыто на моих путях.

А ты в пути, порою недалеко,
Лишь то заметить в силах, что под боком.

Так птица видит корм за два шажка,
Не видя дале скрытого силка!»

**РАССКАЗ
О ТЕРПЕЛИВОСТИ
ЛУКМАНА**

Мудрец Лукман увидел как-то чудо,
Когда пришел под кров царя Дауда:

Тот ладил кольца молотом своим,
Одно кольцо соединял с другим.

Вовек Лукману видеть не случилось
Того, как сталь в кольчугу превращалась.

Но все ж смирил он нетерпенья зуд
И не спросил, что делал царь Дауд.

Он знал: терпенье всех людей доселе
Вело кратчайшею дорогой к цели.

И впрямь, не пожалев труда и сил,
Дауд закончил то, что мастерил,

И облачился в новую кольчугу,
И в ней явился мудрецу и другу.

Тогда Лукман узнал в одно мгновенье
Того, что царь ковал, предназначенье.

Промолвил царь: «Одежда эта — щит,
Что ото всех ударов защитит!»

Сказал Лукман: «Кольчуга, без сомненья,
Надежна, но не более терпенья!»

РАССКАЗ О ЗАЙЦЕ,
КОТОРЫЙ ОБРАТИЛСЯ
К ЦАРЮ СЛОНОВ, ВЫДАВАЯ
СЕБЯ ЗА ПОСЛАННИКА ЛУНЫ,
КАК ГОВОРИТСЯ ОБ ЭТОМ
В КНИГЕ «КАЛИЛА И ДИМНА»

Слоновье стадо, злое и большое,
Расположилось возле водопоя.

И звери прочие — едва ль не каждый —
Слонов боялись, мучились от жажды.

Но все ж зверью напиться довелось,
Искусно исхитриться удалось.

Один из зайцев, тот, что похитрей,
Так прокричал с горы царю зверей:

«Владыка мой, я — твой слуга и данник,
Но все же я — самой луны посланник.

Она сегодня, в новолунья ночь,
Велела вам уйти отсюда прочь.

А не исполните ее веленье,
Уделом вашим будет ослепленье.

В последний раз знакомою тропкою
Придете в полнолунье к водопою,

Увидишь: заколеблется луна,
Что будет там в воде отражена.

Движенье лунного отображенья
Словам моим да будет в подтвержденье.

А если подтвержденья не найдешь,
Казни меня за дерзость и за ложь!»

И вот луна на небе округлилась,
И стадо к водопою устремилось.

Великий царь слонов слоновью рать
Вел истинность угрозы испытать.

Чтоб уяснить, что истинно, что ложно,
Он сунул хобот вглубь неосторожно.

И, в том ночном ручье отражена,
Заколебалась полная луна.

И понял слон, от страха задрожав:
Луны посланец был, пожалуй, прав.

Тогда слоны теснящейся толпою
Прочь навсегда ушли от водопоя.

Мы — люди, а не глупые слоны,
Нас не страшит дрожание луны.

И вообще нам уяснить возможно,
Чье предсказанье истинно, чье ложно.

**ПРИТЧА
О ВОРЕ,
КОТОРЫЙ
ПРИТВОРИЛСЯ
БАРАБАНЩИКОМ**

Однажды вор проворно, хоть с трудом,
Подкоп во тьме творил под некий дом.

В том доме обитал хозяин старый,
Он чутко спал и услышал удары.

И, подойдя к воротам, он изрек:
«Бог в помощь: что ты делаешь, сынок?»

Хозяину ответил вор-обманщик:
«Я здесь, в округе вашей, — барабанщик!»

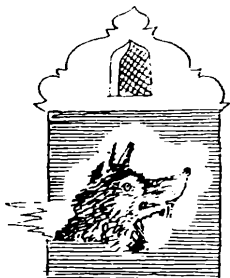
Хозяин удивился: «Но у нас
Никто в такой не барабанит час!»

Ответил вор: «Когда есть повод срочный,
Всегда я барабаню в час полночный!»

«Но почему же дробь барабанной
Не слышу я, о барабанщик странный?»

Вор отвечал: «Почтенный, поутру
Ты все услышишь, хоть и не к добру!»

Дай поскорее мне уйти, а там
Ты, все поняв, забарабанишь сам!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК СОБАКА КАЖДУЮ ЗИМУ
ДАВАЛА КЛЯТВУ ПОСТРОИТЬ
ДЛЯ СЕБЯ ДОМ,
КОГДА НАСТАНЕТ ЛЕТО**

Зимой собака бедная всегда
Сжимается, становится худа.

Зимой говорит себе собака:
«Такой я стала тощею, однако,

Что мне для сократившегося тела
Жилье построить — шуточное дело.

Клянусь, что летом я построю дом,
Притом, пожалуй, с небольшим трудом.

Но летом сыто и неторопливо
В тени собака думает лениво:

«Я дом воздвигла бы, но чья вина,
Что стала велика я и тучна,

И не построить дом такой обширный,
Чтоб уместиться мне, большой и жирной!»

Когда людей несчастья гнетут,
Они обеты частые дают.

Построить дом они клянутся, плача,
Той самой зимней клятвою собачьей.

А после все обеты забывают,
Когда немного беды отступают.

**ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК СУФИЙ ОБЪЯСНЯЛСЯ
В ЛЮБВИ ВИСЯЩЕМУ НА СТЕНЕ
ДОРОЖНОМУ МЕШКУ, В КОТОРОМ
НЕ БЫЛО НИКАКИХ ПРИПАСОВ**

Однажды суфий, человек святой,
Увидел на гвозде мешок пустой.

Увидел суфий эту благодать
И стал в слезах свои одежды рвать.

«Лишь в нем,— воскликнул суфий,— нет коварства,
В нем царство нищих и от бед лекарство!»

Кричали: «Вот спаситель наш от бед!» —
Другие суфии за ним вослед.

Они порой смеялись и рыдали,
Мешок пустой хваленьем прославляли.

У простака вопрос сорвался с уст:
«Что прославлять мешок, который пуст?»

Ответили ему не без презренья:
«Ты здесь к чему, ты чужд воображенья?»

Ступай отсюда, если ты такой,
Что зришь лишь то, что можно взять рукой.

В мечтах влюбленный видит днем и ночью
Предмет любви, невидимый воочью!»

**РАССКАЗ
ОБ ЭМИРЕ
И ЕГО РАБЕ
СОНКУРЕ**

Решил эмир попарить тело в бане,
О чем раба предупредил заране:

«Мой раб Сонкур, мой спутник постоянный,
Не позабудь тазов и глины банной!»

И вот Сонкур с тазами, с банной глиной
Отправился вослед за господином.

Но на моленье в этот самый час
Звал правоверных муаззина глас.

Сонкур в моленьях был весьма усердным,
Сказал он: «Будь, хозяин, милосердным,

Позволь мне путь прервать, чтоб отлучиться,
Аяты прочитать и помолиться!

Меня ты, ради бога, извини,
Здесь, у порога, подожди в тени!»

Хозяин ждал раба, являл терпенье,
Меж тем в мечети кончилось моленье,

Оттуда вышли и пошли понуро
Все правоверные, кроме Сонкура.

Летело время, пробил час полдневный,
Когда позвал раба хозяин гневный.

Но рек Сонкур: «Меня здесь держит тот,
От чьих живем даяний и щедрот!

Хозяин милосердный, ради бога,
Яви еще терпенья, хоть немного.

Поверь, твой зов стоит в моих ушах,
Но не велит мне уходить Аллах».

Эмир семь раз раба с моленья звал
И наконец терпенье потерял.

Он крикнул: «Все покинули мечеть,
Что заставляет здесь тебя сидеть?»

«Меня здесь держит тот,— Сонкур ответил,—
Кто держит и тебя у стен мечети.

Тот, кто тебя в мечеть не допускает,
В мечети мне сидеть повелевает!»

...И море не пускает рыб наружу,
Не позволяет выплывать на сушу.

И не приемлет тех морское дно,
Кому на суше обитать дано.

Так должно быть, и жить до самой смерти
В пучине рыбам, а зверью — на тверди.

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ОРЕЛ УТАЩИЛ
И ПОДНЯЛ ВВЫСЬ
САПОГ ПРОРОКА
(МИР ЕМУ!)**

Что вам я расскажу, случилось сразу,
Как услышал Пророк призыв к намазу.

Пророк перед молением попросил
Воды и омовенье сотворил.

Снял сапоги, стопы омыл усердно,
Ибо законы знал и чтит их верно.

В то время проходивший мимо вор
Украл сапог, на злое дело скор.

Тогда Пророк схватил второй сапог,
Чтобы хоть что-то сохранить он мог.

Но и последний тот сапог из рук
Схватил орел, слетевший с неба вдруг.

Взметнул он ввысь обувку, и — о чудо! —
Змея большая выпала оттуда.

Пророк за столь великую услугу
Орлу поверил с той поры, как другу.

Себя он сам корил за то, что счел
Коварством то, что сотворил орел.

«Ты утащил сапог, и я сначала,
Скажу тебе, был огорчен немало.

Я лишь собой был занят в этот миг
И смысл твоей услуги не постиг».

Ну что ж, я так скажу, чтоб все вы знали:
Утрата — не причина для печали.

Чем мы бедней, тем легче нам забота,
Слабее страх, что мы утратим что-то.

Богатство потеряем — не беда:
И богачи счастливы не всегда.

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ЛЮБИМАЯ СПРОСИЛА
У ВЛЮБЛЕННОГО,
КАКОЕ МЕСТО В МИРЕ
ЛУЧШЕ ВСЕХ ДРУГИХ?**

Красавица однажды спросила
Того, которого она любила:

«Скажи, какая лучше середь земель
Из тех, в которых ты бывал досель?»

Ответил милый, глядя нежным взглядом:
«Всех лучше край, где ты со мною рядом.

Коль будем вместе мы среди могил,
Мне и могильный камень будет мил.

Юсуф Прекрасный где ни приживется,
Там рай, хоть это будет дно колодца.

Из двух миров мне сладостен любой,
Где суждено быть рядом нам с тобой!»

**РАССКАЗ
О ПОЛЬЗЕ
ВОСПИТАНИЯ
ПОСРЕДСТВОМ
БИТЬЯ**

Бил сироту хозяин, но бедняга
Не понимал, что в этом было благо.

И некто, видя истязанье это,
От бьющего потребовал ответа:

«Что сыплешь ты на сироту удары
Так, словно не боишься божьей кары?»

Сказал хозяин: «Это слышать странно,
Не сироту я бью, я бью шайтана,

Который в этом неслухе сидит
И сжить меня со света норовит.

Так мать не сыну молит смерти верной,
А лишь иной его привычке скверной!»

**РАССКАЗ О МАЛЬЧИКЕ,
КОТОРЫЙ БОЕМ БАРАБАНЧИКА
ОТГОНЯЛ ОТ ПОСЕВОВ ПТИЦ,
И О ВЕРБЛЮДЕ
СУЛТАНА МАХМУДА**

Какой-то мальчик по отцовской воле
Бить в барабанчик был поставлен в поле.

Хоть звук был слаб, а барабанчик мал,
Птиц от посевов мальчик отгонял.

И было не на что роптать, покуда
Стан не разбила рядом рать Махмуда.

А воинов насчитывала рать,
Как звезд на небе — и не сосчитать.

Скажу я даже боле: рать Махмуда
Вела с собой бактрийского верблюда.

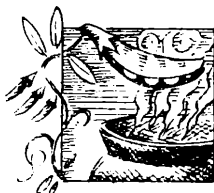
И барабан, что неподъемен был,
Тащил бактриец, что огромен был.

Тем барабаном беды отгоняли
И славные победы возвещали.

Стал мальчик бить в свой барабанчик с гневом,
Чтоб не нанес верблюд вреда посевам.

Сказал один из опытных людей:
«Ты, мальчик, в барабанчик зря не бей.

Не испугаешь ты, стучащий рьяно,
Того, кто носит барабан султана!»

**ПРИТЧА
О ГОРОШИНЕ,
КОТОРАЯ ПРЫГАЕТ
В КИПЯЩЕМ
КОТЛЕ**

От старой притчи — притчи мудреца,
О юноша, не отвращай лица.

Горошина, вскипая на огне,
И прыгает и скачет в казане.

То вверх всплывет, то книзу устремится
И вопиет пред тем, как ей свариться:

«Ужель, хозяйка, ты меня купила,
Чтоб мне на свете стало все постыло?»

Огня не убирая от котла,
Ей говорит хозяйка: «Я не зла,

Но ты должна немного повариться,
Чтоб получился суп, а не водица.

В котле с водой кипящей не спеша
Должна твоя очиститься душа.

Когда была ты молодой, зеленой,
Пила ты воду средь цветущих склонов.

Сильнее становясь день ото дня,
Ты зрела не для этого ль огня?»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ПРОСИЛ КОМАР
У ЦАРЯ СОЛЕЙМАНА
ЗАСТУПНИЧЕСТВА
ОТ ВЕТРА**

Царь Солейман был умудрен и стар,
Когда к его стопам припал комар.

«Твое, о царь мой, славят правосудье
Равно шайтаны, ангелы и люди.

Жируют сонмы мошек и зверей
Под сводом справедливости твоей.

Так защити нас потому хотя бы,
Что комары беспомощны и слабы,

Что в мире твари все во много раз
Сильнее и злопамятнее нас.

Ты всем известен добротой обильной,
А мы лишь кротостью своей бессильной.

Ты удивляешь мудростью людей,
Мы удивляем скудостью своей.

Так будь же справедливым и сегодня,
Владыка, чья рука — рука господня!»

Промолвил царь: «Поведай наконец,
В чем суть твоей доуки, о истец?

Правленью нашему дано гордиться
Тем, что обидчики давно в темнице.

Нет зол с тех пор, как я надел венец,
Несправедливости пришел конец.

И те, что ранее творили зло,
Свое переменили ремесло.

Исчезла темнота, а значит, лживость.
Ведь лишь во тьме царит несправедливость!»

Вновь пропищал комар: «Мы терпим гнет
От ветра, что житья нам не дает.

Чтоб комарам от ветра нам укрыться,
По всем углам должны мы хорониться.

Так вынеси тотчас свой приговор,
Чтоб нас не мучил ветер с этих пор!»

Промолвил царь: «Повременим немного,
Послушны мы благим законам бога:

Не выносить сужденья до конца
В присутствии лишь одного истца.

Пусть тотчас, оправданьем озабочен,
Ответчик пред мои предстанет очи!»

И головою Солейман кивнул,
Чтоб ветерок из дальних стран подул.

И молвил мудрый царь: «Рассей сомненье.
Признай или отвергни обвиненье!»

Но тут комар пустился наутек,
Как только появился ветерок...

Царь крикнул вслед: «Что улетел так скоро?
Ведь я еще не вынес приговора!»

И пропищал комар: «Моя беда:
Боюсь я ветра боле, чем суда!»

И с нами тоже может так случиться:
Лишь стоит лику божью появиться,

Как убегает каждый кто куда,
Хоть мы и жаждем божьего суда.

ИЗ КНИГИ
ЧЕТВЕРТОЙ

**РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ,
КОТОРЫЙ МОЛИЛСЯ
ВО ЗДРАВЬЕ ГРЕШНИКОВ**

Один мулла, а может быть, факих
Молил о здравии людей плохих.

«О господи,— он возглашал с мимбара,—
Пусть лютая их не постигнет кара!

Пусть будет счастлив всяк прелюбодей
И вор, что грабит праведных людей!»

За них молился он, не зная страха,
За злых, не за избранных Аллаха.

Его корили: «Не молись за тех,
На чьей душе лежит великий грех!»

Но рек молящийся: «От них в свой час
Извлек я больше пользы, чем от вас.

И потому моя молитва свята,
Что много зла свершил я сам когда-то.

Но не безгрешные столпы земли
С пути греха сойти мне помогли.

Лишь грешников отвратные примеры
Меня вернули на дорогу веры.

Толкнули гнусные деянья их
На осознание грехов моих.

Вот и молюсь я о благополучье
Людей, из-за которых сам стал лучше!»

Друзья, деяния врагов иных
Порой полезней ваших слов благих!

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ПРОРОК (МИР ЕМУ!)
ПОСТАВИЛ ВО ГЛАВЕ ВОЙСКА
ЮНОШУ ИЗ ПЛЕМЕНИ
ХУЗАЙЛ**

В один из дней свою святую рать
Послал Пророк неверных покарать.

И, не придерживаясь старых правил,
Над конным войском юношу поставил.

Ну что ж, припомним к случаю слова:
«Ведущий войско — войску голова».

Но, позавидовав, какой-то воин
Сказал: «Юнец сей чести недостоин.

Велик ли войску от такого прок?..»
И в гневе прикусил губу Пророк.

Он строго посмотрел на верхогляда:
«Не сединою мудрость мерить надо.

Бывают иногда и те умны,
Чья борода не знает седины.

Меж тем случается: иной из нас
Не умудрен, хотя и седовлас.

Я понял сам за многие недели:
Сей юный воин смыслит в бранном деле!»

И мудрость подтверждает не всегда
Лишь то, что чья-то борода седа!

**РАССКАЗ
О ДУБИЛЬЩИКЕ КОЖ,
КОТОРЫЙ ПОТЕРЯЛ СОЗНАНИЕ
НА БАЗАРЕ, В ТОМ РЯДУ,
ГДЕ ПРОДАВАЛИ БЛАГОВОНЬЯ**

Пришел дубильщик кожи на базар,
Быть может, приглядеть какой товар.

И вдруг нежданно потерял сознание
В ряду, где продавали притиранья.

Где благовонья предлагал купец,
Упал дубильщик, бледный, как мертвец.

Конечно, сразу всякий праздный люд,
Сбежавшись, начал суд да пересуд.

Стал кто-то из зевак шептать со страха:
«Все происходит с ведома Аллаха!»

Прохожий некий для поднятия сил
Больного розовой водой кропил.

Хотя, быть может, запах той воды
Как раз довел беднягу до беды.

Ему рубаху расстегнув на горле,
Соломою и глиной шею терли.

Его слегка приподнимали двое,
А третий к носу подносил алоэ.

Принюхавшись, один чужак сказал:
«Быть может, он терьяк употреблял?»

Хоть знали все, что без веленья свыше
Не может и лохань свалиться с крыши,

Причины не постигнувший народ
Решил: «Пусть брат кожевника придет!»

Все расспросивши, брат не без расчета
С собою взял собачьего помета.

Известно: хворь невинна, не страшна,
Когда ее причина нам ясна.

И вот над братом брат склонился, плача,
К лежащему поднес дерьмо собачье.

Ведь тем, кто вонь вдыхает много лет,
От нежных запахов бывает вред.

Предписывает мудрость древних книг
Тем и лечить, к чему больной привык.

И понял брат: нашла болезнь на брата
От странного, чужого аромата.

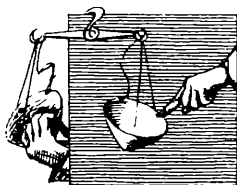
Он, все обдумав, сунул брату в нос
Того немного, что с собой принес.

И начал растирать между ладоней
Собачье снадобье от благовоний.

И вот уже вдыхал знакомый дух
Больной, что зренье потерял и слух.

Глаза он приоткрыл, пришел в движенье,—
Все, кто там был, одобрили леченье.

Итак, зловонье тех из нас удел,
Кто благовонье мудрых слов презрел.

**РАССКАЗ
О ЛАВОЧНИКЕ,
У КОТОРОГО БЫЛИ
РАЗНОВЕСЫ
ИЗ ГЛИНЫ**

Один любитель глину пожевать
Пришел однажды сахар покупать.

Был лавочник из тех, кто замечал
Привычки всех, кто лавку посещал.

И, поздоровавшись с пришедшим чинно,
Сказал он: «Гири у меня из глины!»

Пришедший улыбнулся, мол, ну что ж,
Чем хочешь вешай то, что продаешь.

А лавочник подумал: «Для него,
Чем глина, слаще нету ничего.

Он, как глупец, что в жены выбирает
Ту, чей отец халвою промышляет, .

Решив, что дочь такого старика,
Чем все другие, более сладка».

И вот с улыбкой на одну из чаш
Поставил быстро бакалейщик наш

Из глины гирь не много и не мало,
А сколь товару взвесить предстояло.

Он к полке повернулся, чтобы мог
От глыбы сахара отъять кусок.

Попробовал тогда любитель глины
От гири малость отщипнуть невинно,

Потом еще кусочек съел он тайно,
Чтоб лавочник не углядел случайно.

Но лавочник, все видя, думал: «Что ж,
Давай кради, ты у себя крадешь».

Шептал он, сдерживая смех едва:
«Недешев сахар, глина дешева.

Боишься ты, чтоб не увидел я,
Как гиря уменьшается моя,

А я боюсь, чтоб глину красть, глупец,
Ты сам не перестал бы наконец.

Когда тебе, что оплатил, отвешу
И ты уйдешь, вот я себя потешу!

Тебе ж, разине, будет невдомек,
Что слишком легок купленный кусок!»

...Ликует птица, увидав зерно,
Хоть в сеть подчас ее влечет оно.

Мы столь же немудры, и алчность глаз
Порой в ловушку завлекает нас.

Когда приманку видим мы, бывает,
Растет влечение, разум убывает.

Мирские блага — то, что всех обманет,
Лишь редких птиц иное благо манит.

Чтобы попасть им в ту, иную сеть,
Они готовы многое стерпеть.

Я, даже Солеймана будь мудрей,
Не огражу вас от земных цепей.

Царями мира вы себя зовете,
Но вы рабы своей же грешной плоти.

Меж тем владыка мира под луной
Лишь тот, кто избежал тщеты земной.

И душно в этом мире, как в темнице,
Где душам вашим суждено томиться.

**РАССКАЗ О СУФИИ,
КОТОРЫЙ ЗАСТАЛ
СВОЮ ЖЕНУ
С ЧУЖИМ МУЖЧИНОЙ
У СЕБЯ В ДОМЕ**

В дверь постучал хозяин, возвратясь,
А там жена с мужчиной заперлась.

Слилась она, блудница, воедино
С сапожником, кем этот был мужчина.

Их положение было щекотливо.
Хозяин в дверь стучал нетерпеливо.

Как быть сапожнику с чужой женой,
Коль в доме нету двери запасной?

А муж, учуяв промысел порочный,
Пришел домой как раз не в час урочный.

Из лавки суфий — точный человек —
Не приходил в столь ранний час вовек.

Не заподозрив подлого обмана,
Он и сейчас бы не пришел так рано.

Бог не всегда прощает прегрешенья,
Он насылает иногда отмщенье.

Знай: если ты нечестно поступил,
Не полагай, что он тебя простил.

В руках господних сделать так, чтоб зло
Или исчезло, или проросло.

Ты, даже если бог тебя простит,
Когда-нибудь за грех познаешь стыд.

Сейчас я отвлекусь. В былые веки
На некой краже вор попался некий.

И по велению мудрого Омара
Ждала его заслуженная кара.

Взмолился вор: «Прости, властитель правый,
Попутал в первый раз меня лукавый!»

Но властелин сказал: «Великий бог,
Грех первый наказуя, был жесток».

Аллах, что утверждает справедливость,
Во всякий раз к нам проявляет милость.

Но как Аллах ни милостив, ни благ,
Он судит строго наш преступный шаг.

Но возвратимся к той жене сейчас,
Которая грешила, и не раз.

Кувшин с водой из бурного потока
Вытаскивают целым лишь до срока.

Где женщина соседа принимала,
Там не было ни тайного подвала,

Ни сундука, ни печи, ни угла,
Где гостя спрятать бы она могла.

Была ее обитель — вот беда —
Пуста, как степь в день Страшного суда.

Но все-таки жена была хитра:
Покроет пусть любовника чадра.

Хоть под чадрой сосед, свершивший блуд,
Был виден, как на лестнице верблюду.

Жена сказала, открывая двери:
«Мой муж, из важной знати эта пери!

Я двери закрывала на засов,
Чтоб никому не слышать наших слов».

Ответил муж: «Пусть по ее достаткам
Ей будет речь моя шербетом сладким!»

«Так вот, мой муж, посредством брачных уз
Желанно с нами ей вступить в союз.

И нашу дочь она берет за сына —
Прихода гости в этом лишь причина!

Сын у нее не юноша, а клад,
Он и умен, и ловок, и богат».

Ответил муж: «Не можем мы и близко
К ним подойти, столь наше званье низко!

Коль створка двери медная одна,
Быть золотой другая не должна.

В союзе прочном мужа и жены
Должны быть равны обе стороны».

Жена рекла: «Сей довод откровенный
Я приводила женщине почтенной.

Она ж сказала, что, ища родни,
Не за богатством гонятся они.

Богат ли, беден кто, им все едино,
Когда заходит речь о счастье сына.

Важна лишь скромность им и чистота,
А прочее — все прах и суета!»

Муж повторил: «Но женщина богата,
Добра ж за нашей дочкой маловато.

Почтеннейшая видит и сама:
У нас обитель скромная весьма.

Так наши голы стены и углы,
Что там невозможно спрятать и иглы.

Но если госпожа лишь воздержанье
И честность принимает во вниманье,

То госпоже самой угодно знать:
Безгрешна дочь, когда безгрешна мать.

Жизнь матери для дочери наука,
И честность матери тому порука.

Но мужу о достоинствах жены
Что говорить — они и так видны!»

Я ныне рассказал вам эту притчу
О женщине, что не блюла приличье,

Чтоб стало ясно: никакое слово
Сокрять не в силах действия срамного.

**О ТОМ, ЧТО ИСТИННО
ВЕРУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК
НЕ ОТЛИЧАЕТСЯ
ОТ ДИКОБРАЗА**

Да, дикобраз — создание такое,
Что впрок порой ему идут побои.

Все знают: если бить его сильнее,
То глаже он бывает и жирней.

Мне кажется: душа у грешных нас
Не что иное — сущий дикобраз.

Не потому ль, что люди били их,
Пророки совершенней всех других?

**РАССКАЗ
ОБ ОДНОМ ФАКИХЕ,
КОТОРЫЙ НОСИЛ
БОЛЬШУЮ ЧАЛМУ**

Один факих несведущих, бывало,
Своей чалмою удивлял немало,

Ибо подкладывал он под чалму
Все то, что находил в своем дому.

Таились под чалмою мех и вата,
Шнурок истлевший и кусок халата.

Тот хлам, что под чалмою был сокрыт,
Ей придавал весьма солидный вид.

То, что собой скрывало лоб невежды,
Напоминало райские одежды.

И вот однажды, в час, когда стемнело,
Факих в чалме пошел, чтоб сделать дело,

Чтоб где-то видимое благо снова
Урвать взамен величья показного.

Там, где тропа факиха пролегала,
Вор жертвы ждал, таясь в тени дувала.

Вор был искусен, он легко и тихо
Стянул строенье с головы факиха

И сразу же пустился наутек.
Но закричал факих: «Постой, сынок,

Ты на богатство, что тебе досталось,
Не поленись, взгляни, помедлив малость!

И если то, что было мне чалмой,
Понравится тебе, тащи домой!»

Вор оглядел свое приобретение:
И рвань, которую изъело тленье,

Тряпье, шнурок и всякий прочий хлам —
Все вдруг упало в пыль к его ногам.

В руках его остался лишь один
Кусок материи длиной в аршин.

Грабитель тряпку, что была чалмою,
Смял, закричал: «Что сделал ты со мною?»

Твоя чалма, никчемный старец, лжива,
Скажи, обманщик, где моя пожива?

Я на твою чалму, факих, польстился,
Хотя б седин своих ты постыдился!

Меня ты приманил своею рванью!»
Сказал факих: «Ты зря исходишь бранью,

От одного тебя не скрыл я суть,
Хоть всех других старался обмануть!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ШАХ ПОЖАЛОВАЛ
НАГРАДУ НЕКОЕМУ ПОЭТУ
И КАК ВЕЗИР ПО ИМЕНИ ХАСАН
ДЕСЯТИКРАТНО ЕЕ УВЕЛИЧИЛ**

Правителю свое в стихах творенье
Поднес поэт, предвидя награжденье.

И тысячу динаров золотых
Шах от щедрот определил своих.

Сказал везир: «Мой шах, такая плата
За преданность поэта маловата.

Не будет ли достойнее для вас
Умножить награжденье в десять раз!»

Хоть шахская казна была богата,
Но шаху все же было жалко злата.

Меж тем везир отметил, сколь велик
Труд стихотворцев, славящий владык,

Ибо в амбарах, где таится слово,
Зерно скрывает под собой полова.

И вскоре десять тысяч золотых
Поэт домой во вьюках вез своих.

И более того, за складность речи
Халат накинут был ему на плечи.

И пел поэт в пути: «Везир Хасан
Да будет светом счастья осиян!»

И для везира боле, чем для шаха,
Вымаливал он милости Аллаха!

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ИЗВЕСТНЫЙ НАМ ПОЭТ
НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СПУСТЯ
ПОДНЕС ШАХУ
ХВАЛЕБНЫЕ СТИХИ**

Кто знает, сколько пролетело лет,
Но прожил награждение поэт.

Решил он: «Что играть с судьбой слепою,
Пойду я проторенною тропкою.

Восславит снова пусть моя строка
Властителя, чья щедрость велика».

Возжег он душу вдохновеньем снова,
Чтоб заслужило награжденье слово.

Известно: угождение — залог,
Что плата будет и щедря и в срок.

Ведь шахам кроме золота и власти
Потребно восхваление для счастья.

По их понятиям, восхваленье даже
Ценнее шелка и заморской пряжи.

Слаб человек, что делать, — всяк живущий
По силам добывает хлеб насущный.

Когда же ест иной удачник всласть,
Обреть он хочет золото и власть.

А если он уже богат и в силе,
То жаждет, чтобы все его хвалили,

Чтобы поэт писал и пел певец
О том, что он — имущий власть — мудрец,

Чтоб приукрашивало их реченье
И нрав владыки, и происхождение,

Чтоб люди славили его с мимбара
И во дворце, и в толчее базара.

Итак, хвалу тому, кто правил краем,
Слагал поэт, нуждою побуждаем.

В его ушах стоял динаров звон,
Он полагал, что будет награжден,

Ибо о щедром вспоминал везире,
Но обитал везир не в этом мире.

И восседал другой у шахских ног,
Который был расчетлив и жесток.

К тому еще и тем он был известен,
Что ни певцов не жаловал, ни песен.

Воскликнул шах: «За стих, что мил для нас,
Дать тысячу динаров, и тотчас!»

Но возразил везир: «У нас казна
Пуста, мой шах, такие времена!

И стихоплеты быть должны бы рады
Десятой части от твоей награды».

«Но десять тысяч золотых от вас, —
Сказал поэт, — унес я в прошлый раз.

Тому, кто к сахару уже привык,
Давать негоже выжатый тростник!»

Один придворный рек: «Нужда навряд
К лицу тому, кто прежде был богат!»

Но мнил везир: «Не жаль мне словоблуда,
Пусть будет так ему, писаке, худо,

Что и пылинку из-под шахских ног
За розовый соцвет он лепесток.

И будет петь свои стихи задаром,
Каким большим ни обладал бы даром!»

Сказал везир: «Дай власть мне, чтоб я мог
То рассудить, мой шах, в чем я знаток!»

Шах утомился и сказал: «Ну что ж,
Так пореши, как должным ты сочтешь.

Но все ж не отступи от наших правил
И не обидь того, кто нас прославил!»

Шли месяцы, мелькал за годом год,
Поэт страдал от горя и невзгод.

Его съедали ожиданья муки,
Что обещали — не давали в руки.

И стихотворец, чей согнулся стан,
Пришел к везиру, горем обуян.

Взмолился он: «Не дли мои страданья,
Избавь меня от муки ожиданья.

Нет золота в казне — скажи лишь слово,
Сними с меня надежд моих оковы».

Тогда швырнул везир, обретший власть,
Награды шахской небольшую часть.

Пошел поэт, он думал: «В крае здешнем
Исчезла доброта с везиром прежним.

Хоть сам везир живет в воспоминанье,
Ушло в могилу с ним благодеянье.

И там, где ранее добро цвело,
Цветет везира нынешнего зло».

Спросил поэт у знающих людей:
«Как этот прозывается злодей?»

Как имя этого исчадья блуда
И в этот край явился он откуда?»

Сказали: «Тот, от коего беда нам,
Как прежний, прозывается Хасаном!»

Поэт воскликнул: «Мир несправедлив,
Двоих одним прозваньем наделив.

Бывало, подпись прежнего Хасана
Недужным людям исцеляла раны,

Меж тем как людям нынешний Хасан
Наносит подписью немало ран.

Порой владыку боле, чем враги,
Позорят свойства жадного слуги!»

**ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК ПТИЦА,
ПОПАВШАЯ В СЕТИ,
ДАВАЛА СОВЕТЫ
ПТИЦЕЛОВУ**

Ловцу, в чьей сети птица очутилась,
Словно отцу бедняжка возмолилась:

«Тебе, о господин, велик ли прок
Сгубить меня, попавшую в силок?»

Ты ел быка, барана и верблюда
И все же не насытился покуда,

Ужель моя ничтожнейшая плоть
Твой голод в состоянье побороть?

Ты отпусти меня, и я за это
Тебе дарую три благих совета.

Еще в твоих тенетах — видит бог —
Дам первый свой тебе совет из трех.

Второй скажу с высокого дувала,
И ты поймешь, что значит он немало.

А третий я тебе оставлю в дар,
Когда взлечу с дувала на чинар.

Совет мой первый всех других дороже:
«Не верь тому, чего и быть не может!»

Второй совет она дала с дувала:
«Не сожалей о том, что миновало!»

И, на чинар взлетев, сказала птица:
«Внутри меня жемчужина таится,

А в ней дирхемов десять, говорят,
Ей завладев, и ты бы стал богат.

Но в руки не далась тебе удача!
Тут птицелов упал на землю, плача.

Заголосил ходжа, как роженица:
«В силки обратно возвратись, о птица!

Я упустил счастливый свой улов!»
«Ты, птицелов, моих не слушал слов.

Тебе совет давала я, чтоб впредь
О том, что миновало, не жалеть.

Я говорила, что мечтанье ложно
То возвратить, что возвратить невозможно.

Еще давала я тебе совет
Не верить речи, в коей смысла нет.

Во мне дирхем, не боле, если взвесить,
Как я могу таить дирхемов десять?»

«Ну что ж,— себя утешил птицелов,—
Не столь велик потерянный улов!

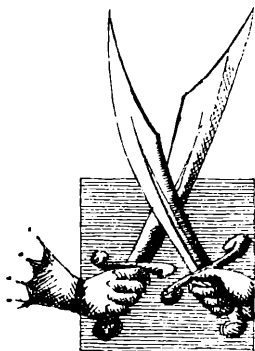
Но молви, птица, мне совет твой третий!»
«Что, человек, тебе советы эти!

И к третьему совету будешь глух
Ты, что не смог исполнить первых двух.

«Давать совет глупцу — пустое дело!» —
Так птица молвила и улетела.

Глупцу давать советы — все равно
Что в солончак сухой бросать зерно.

Зерно в солончаке не прорастет.
Совет глупцу не даст достойный всход.

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК
ОБРАЩАЛСЯ ЗА СОВЕТОМ**

Сосед пришел к соседу за советом:
«Ты озари мой скудный разум светом!»

Тот отвечал: «Советчика другого
Найди, чтоб он сказал благое слово,

А я твой тайный враг, и никогда
Благих советов не дает вражда.

Ты к другу обратись, чтоб друг любезный
Тебе на счастье дал совет полезный.

Я ж поступить иначе не могу,
Чем так, как подобает мне, врагу.

Когда овец пасти заставишь волка,
От пастуха не много будет толка.

Твой враг, я слово для тебя найду
Лишь то, что принесет тебе беду.

Когда увидишь друга, хоть в аду,
Покажется, что в райском ты саду.

С врагом в раю господнем быть случится —
Что в преисподней ты, тебе примнится.

Цени же дружбу и согласие душ
Своей заносчивостью не нарушь.

Ты для спокойствия своей души
Пред другом, как пред богом, не грехи,

Чтоб человек, чья дружба дорога,
Не превратился б в твоего врага.

И пусть тебе советом удружит
Тот, кто твоею дружбой дорожит!»

Сказал сосед, который ждал совета:
«Ты мой сокрытый враг, я понял это,

Но честен ты, и я сказал бы так:
„Чем друг нечестный, лучше честный враг!“»

**РАССКАЗ
ОБ ОТШЕЛЬНИКЕ,
КОТОРЫЙ ВЕСЕЛИЛСЯ
В ГОЛОДНЫЙ ГОД**

Один отшельник веселился в год,
Когда случился страшный недород.

Ему сказали: «Всякий мусульманин
Стенает, слезы льет, и смех твой странен.

От нас свой лик отворотил Аллах,
И зной спалил созревшее в полях.

А высохшие лозы винограда
Напоминают нам картины ада.

Нешадный зной на муки всех обрек,
Как рыб, что выброшены на песок.

Как не стенать о страждущих невинно,
Все мусульмане — тело, что едино.

Страдает тело все, когда больна
Его какая-либо часть одна!»

Сказал дервиш, что был душой безгрешен:
«Куда ни погляжу, я всем утешен.

На склонах злаки стебли тянут ввысь,
В садах зеленых гроздья налились.

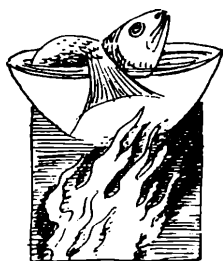
И зной не жжет, теплом посева грея.
Пшеница в рост идет, сочной порея.

Все это истинно, поскольку сам
Я стебли рву и подношу к глазам.

Вы ж отошли от божьего закона,
Неправедные слуги Фараона!

И потому на вас нашла беда
И стала кровью нильская вода.

Идите ж следом за Мусой, чье слово
Водою Нила кровь содеет снова!»

**ИСТОРИЯ О ВОДОЕМЕ,
О РЫБОЛОВАХ
И О ТРЕХ РЫБАХ,
ОДНА ИЗ КОТОРЫХ
БЫЛА УМНОЙ,
ДРУГАЯ НЕ ОЧЕНЬ,
А ТРЕТЬЯ СОВСЕМ ГЛУПОЙ**

В каком-то крае в чистом водоеме
Три жили рыбы, словно люди в доме.

Одна была умна, одна — не слишком,
Одна совсем обделена умишком.

О том рассказ в старинной книге есть,
И мог бы грамотей любой прочесть,

Как рыбаки однажды на рассвете
Забросить в водоем решили сети.

И рыбы, видя, как бурлит вода,
Сообразили: им грозит беда.

Та, что была умней, уняв тревогу,
Решила: «Поплыву я в путь-дорогу.

С товарками не стану я, пожалуй,
Держать совета из-за пользы малой».

И вот она из мест родимых вдаль
Прочь поплыла, забыв свою печаль.

Она спешила средь сплошного мрака,
Как вепрь, за коим гонится собака.

Мы говорим, что заяц спит, труслив,
И зрит во сне собак, ни мертв ни жив.

Я думаю, что тем, кто так боится,
Ничто не снится, ибо им не спится...

Итак, осилив расставанья горе,
Плыла решительная рыба в море.

Ей довелось немало испытать,
Чтоб обрести покой и благодать.

Но в место заплыла она такое,
Где было вдоволь корма и покоя,

Чтоб о родных местах ей не скорбеть.
А там тянули рыболовы сеть.

И думала, уткнувшись носом в тину,
Та рыба, что умна наполовину:

«Мне лучше было бы сопровождать
Сестру, на коей мудрости печать.

Хоть уплыла она тайком, но следом
И мне бы плыть за ней, а путь ей ведом!»

Но прок велик ли в том, чтоб вспоминать
О том, что повернуть невозможно вспять?

И рыба, рассудив своим умишком,
Жалела об ушедшем, но не слишком.

Она решила в ил не хорониться,
А всплыть и мертвой рыбой притвориться.

И брюхом вверх, чтобы спастись от зла,
Вниз по теченью рыба поплыла.

По скудоумью рыба ликовала:
«Я казана, пожалуй, избежала».

Тут взял ее рыбак за плавничок
И, плюнув с горя, бросил на песок.

Но все же рыба как-то исхитрилась,
Подпрыгнула — и в волнах очутилась.

И третья рыба, та, что всех глупей,
Искала для спасения путей.

Да в суете напрасной проку мало,
И скоро очень в сеть она попала.

Как все случилось, рыба не вполне
Понять сумела даже в казане.

И даже в час, когда она варилась,
Несчастной все еще спасенье мнилось.

Она, вскипая, думала о том,
Как прежний свой покинет водоем,

Чтобы не ведать до скончанья века
Сетей и прочих козней человека,

Как поплывет, избегнув казана,
За рыбой той, которая умна!

ИЗ КНИГИ
ПЯТОЙ

**РАССКАЗ О БЕДУИНЕ,
ЧЬЯ СОБАКА
УМИРАЛА ОТ ГОЛОДА,
В ТО ВРЕМЯ КАК СУМА
БЕДУИНА ЛОПАЛАСЬ
ОТ ОБИЛИЯ ЕДЫ**

В пыли дорожной пес лежал без сил,
А бедуин вздыхал и слезы лил:

«Я так боюсь, что жить мне станет туго,
Когда лишусь единственного друга!»

«О чем ты плачешь, человек прохожий?» —
Спросил араба нищий странник божий.

«Я плачу, путник, от своих забот —
Вот пес мой богу душу отдает.

Мой пес с отвагой льва и силой бычьей
Мне ночью стражник был, а днем добытчик.

Моя собака верная была
Со мною ласкова, с врагами зла.

Она улов носила мне, бывало,
И от воров меня оберегала».

«Так что ж с собакой приключилось вдруг?»
«От голода, мой друг, ее недуг!»

«Терпи,— сказал прохожий,— возмещенье
Порой Аллах нам дарит за терпенье.

Но что, скажи, о собеседник мой,
В суме тяжелой за твоей спиной?»

«Там хлеб, да мясо, да иная малость —
Все, что от ужина вчера осталось».

Сказал прохожий: «Если пища есть,
Так что же ты не дашь собаке есть?»

Ответил бедуин: «Помилуй боже,
Как пес ни дорог, пища мне дороже.

Еду без платы не дают в припас,
Без платы только слезы льют из глаз!»

Промолвил странник: «Оглядишься вокруг,
Ты — пустотой наполненный бурдюк!

Когда еда тебе дороже слез,
Тебя достойней твой несчастный пес.

Известно: слезы, пролитые нами,
Кровь сердца, изошедшего слезами.

Лишь слезы, что твои глаза пролили,
Не стоят даже придорожной пыли!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ПРОДАЮТ
ЛУННОЕ СИЯНИЕ,
ВЫДАВАЯ ЕГО
ЗА ХОЛСТ**

Иные преуспели ловкачи,
Как холст, сбывая лунные лучи.

Они глупцам сиянье отмеряют
И, как за ткани, деньги огребают.

На тот базар, где шум и суета,
И мы пришли, чтобы купить холста.

И призрачный нам отмеряют свет
Взамен прожитых понапрасну лет.

Так где же то, что куплено досель?
И нет холста, и опустел кошель...

**ПРИТЧА
О ЕДЕ И ЕДОКЕ,
ИЛИ О ТОМ,
КТО ЕСТ
И КОГО ЕДЯТ**

Схватила где-то птица червяка,
А кот за ней следил исподтишка.

И стала птица, ибо все здесь тленно,
Едой и едоком одновременно.

Кто отличит еду от едока —
Их разница не слишком велика!..

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК НЕКИЙ УЧЕНИК,
ПРИДЯ К СВОЕМУ НАСТАВНИКУ,
ЗАСТАЛ ТОГО
ПЛАЧУЩИМ**

К учителю явился ученик,
К тому, чей горем был отмечен лик.

Услышав плач наставника, и сам
Дал волю ученик своим слезам.

Рыдал он, плачем оглашал обитель,
Хоть и не знал, о чем скорбит учитель.

Но смолк учитель — шейх преклонных лет —
И вышел прочь, а ученик вослед.

Ученику промолвил старец чинный:
«Мне многостранен плач твой беспричинный.

И как ни искренне твое рыданье,
Но все ж его основа — подражанье.

Достоин только осужденья тот,
Кто без причин, как туча, воду льет.

Ведь слезы подражания едва ли
Сродни слезам беды, слезам печали.

Ты никогда слезами не греши,
Что рождены не в глубине души!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ПОПУГАЙ
УЧИТСЯ ГОВОРИТЬ
У СВОЕГО ОТРАЖЕНИЯ
В ЗЕРКАЛЕ**

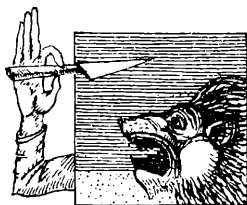
Усердный попугай перед зеркалом
Сидит, умишком обладая малым.

А между тем за зеркалом таится
Хитрец, что учит красноречью птицу,

Что говорит он, повторяя снова,
То птица произносит слово в слово,

Поскольку мнит: все это говорит
Тот попугай, что в зеркале сидит.

Все повторяет птица, веря свято
В то, что слетает с языка собрата.

МАДЖНУН

Из-за разлуки с дорогой Лейли
Маджнуна плоть недуги извели.

От страсти, что терпеть он был не в силах,
Он спал с лица, кровь закипела в жилах.

И врач искусный стал его лечить,
Он прописал больному жилу вскрыть!

Чтобы исполнить это предписание,
Пришел цирюльник — маг кровопусканья.

Больному руку он со знанием дела
Тугим жгутом стянул, оцупав тело.

Но тут Маджнун ему промолвил вдруг:
«Ступай, не надо мне твоих услуг!»

Сказал цирюльник: «Ты ли трусишь ныне,
Хоть не страшился даже льва в пустыне?

Тебя не испугал и хищный зверь.
Так что ж меня боишься ты теперь?»

Маджнун ответил: «Нет, не боль страшна мне,
Ибо мое терпенье тверже камня.

Я тот, чья жизнь — скитанье и любовь,
И мне ль бояться, что прольется кровь?

Но я своей любовью перегружен,
Как раковина, полная жемчужин.

Хоть друг от друга страждем мы вдали,
Нет грани между мною и Лейли.

И, отворив мне жилы, ты, возможно,
Поранишь милую неосторожно.

Лейли и я — мы друг без друга — прах.
Мы с нею — дух единый в двух телах!»

**РАССКАЗ
ПРО ЛИСУ,
ЛЬВА
И ОСЛА**

Один бедняк владел богатством малым —
Ослom со стертой холкой, брюхом впалым.

Пастись хозяин оставлял осла
Средь камня, где трава и не росла.

Где для скотины не было еды,
А было вдоволь зноя и воды.

Раскинулось вблизи владенье льва,
Там тень стояла и росла трава.

Но лев, что в том владенье обитал,
В сраженье со слонами пострадал.

Он, царь зверей, из-за ущерба плоти
На время не способен был к охоте.

И так как при здоровом льве хоть малость
Зверью помельче пищи доставалось,

То челядь вся, что ото льва кормилась,
На время пропитания лишилась.

И вот, проголодавшись, царь зверей
Велел позвать лису, да поскорей.

«Неважны,— он сказал,— мои дела,
Съедим хоть тощего того осла.

Пойди-ка в путь, осла мне приведи,
Чего-нибудь ему нагороди.

Я знаю,— лев сказал,— на небылицы
Лисицы все большие мастерицы.

Потом, когда я силы наберусь,
Глядишь, иной добычей разживусь.

Пока ж ослиную сгрызу я ногу,
Чтобы и вам оставить понемногу».

«О мудрый лев, во лжи — мое призванье.
Я все исполню, приложив старанье!»

И торопливо в путь лиса пошла,
Чтоб обмануть и заманить осла.

«Нижайший мой поклон тебе, дружище,
Как здоровье твое, вкусна ли пища?

Но странно мне, что, как вчера, и ныне
Пасешься ты на каменной равнине!»

Осел сказал: «Не волен я роптать
На то, что бог изволил даровать!

Я ничего и не молю иного,
Быть может, худшего взамен плохого!

Господь вознаграждает лишь терпенье,
Считает жалобу за прегрешенье.

И темен жребий мой иль лучезарен,
Я за него Аллаху благодарен.

Ибо властитель милосердный он
Всех, кто унижен, всех, кто вознесен.

Что бог послал, иного мне не надо.
Терпенье — для несчастного награда.

Всяк сущий — и бедняк, и власть имущий —
От бога принимает хлеб насущный.

На жребий свой не ропщет в небе птица
И рыба, что водой должна кормиться.

Все, что ни есть, Аллах нам щедро дарит,
И пить и есть дает он каждой твари.

Подстерегают нас враги вокруг,
И только бог — единственный наш друг.

Не должно нам, как ни было бы туго,
Встречаясь с недругом, роптать на друга.

И славить бога подобает мужу.
Пусть жизнь плоха — но быть могла бы хуже.

Когда есть хоть травинка, о лиса,
Не надо мне ни сена, ни овса.

Где розы есть, там и шипы торчат.
Таятся змеи там, где спрятан клад».

Рекла лиса: «Дозволенную пищу
Мы весь свой век по божьей воле ищем.

Аллах нам ниспослал пути и знанье,
Чтобы искать повсюду пропитанье.

А влезши на скалу иль в ров попав,
Ты не отыщешь ни плодов, ни трав!»

Осел ей возразил: «От малой веры
Ты мне приводишь странные примеры.

Создатель корм для поддержанья сил
Дарует всем, кого он сотворил!

И только тот из нас, кто алчет власти,
В насущном хлебе не находит счастья.

Ибо всю жизнь урвать стремится боле
Ему определенной богом доли.

Насущный хлеб за скромность и терпенье
Аллах дарует всем как награжденье!»

Ответила лиса: «Не так уж много
Святых, что уповают лишь на бога,

И знай: удачу обретает тот,
Кто всюду ищет, а не знака ждет.

Как ни похвальна скромность, все ж навряд
Тот, кто не ищет клада, сыщет клад.

Хоть не должны мы тщиться делать дело,
Что выше отведенного предела,

Нам в праздности не должно пребывать,
Стремиться — вот что значит уповать».

Осел ответил: «В том и дела суть,
Что алчность злобе открывает путь,

Меж тем никто не немощен, не болен
Лишь оттого, что малым доволен.

И не обрадован богатством тот,
Кто по дороге алчности идет.

Для всякого господнего создання
От господа на свете пропитанье.

Мы всюду ищем пищи, что ни час,
Меж тем как пища всюду ищет нас.

Коль так, мы жизнью жить должны простою,
А не грешить напрасной суетою».

Лиса сказала: «Лишь неумный люд
Мнит, будто пищу даром нам дают.

Велик Аллах, и он определил
Своим созданиям работу в меру сил,

И всяк, кто существом слывет умелым,
Пусть занимается посильным делом.

И среди людей, достигнувших удач,
Есть водонос, и каменщик, и ткач.

Есть дело каждому: и в мире божьем
Отлынивать от дела мы не можем».

Сказал осел: «Ждать, что пошлет Аллах,—
Судьбы иной в обоих нет мирах.

Что слаще, чем благодарить усердно
За все, что бог дарует милосердно,

И повторять: „Пошли мне благодать,
Дай пищу и дела мои наладь!“»

Лиса сказала: «Сам себе ты враг,
Что отрешаешься от многих благ,

Что здесь пасешься на камнях убогих,
А не в лугах, где вдоволь трав высоких.

Пойдем вослед за мной в соседний край,
Который благодатнее, чем рай,

Где сочная трава, подобно чуду,
Порой доходит до горба верблюду.

В том крае мир, там множество щедрот,
Любая тварь не знает там забот».

Увы, осел не дал себе труда
Спросить лису: «Чего же ты худа?

Коль ты из мест, где благам нет предела,
Так что ж ты там сама не разжирела?

Коль блага всем дарует там Аллах,
Так что ж довольства нет в твоих глазах?

Что ж не являет, коль житье там сладко,
Обличие твое печать достатка?

Навряд в сухой одежде человеку
Поверят, будто переплыл он реку.

То, что не источает аромат,
За мускус можем мы принять навряд».

Осел и мог бы возразить умело,
Да вера в правоту в нем ослабела,

И у него кружилась голова,
Когда он думал, как вкусна трава.

И доводы его и убежденья —
Все разбивалось в прах от вожделенья.

Что делать, если, веря в обещанья,
Он был ослом, который чужд познанья.

И сдался он, поверив в ложь и лесть
По той причине, что хотел он есть,

Что вера, будто благо за горой,
Сильней разумных доводов порой.

Что б ни было, осел устал от спора
И потому лисе поверил скоро.

Где ныне суфий мудрый и бывалый?
Тот, что на двор заехал постоялый,

Чтоб он пропел, вернее, прокричал:
«Беда, пропал осел, осел пропал!»

Лиса, исчадь хитрости и зла,
На растерзанье льву вела осла.

Никто не в силах с сим бороться злом...
Урок запомнив, сам не будь ослом.

Мы повторим: несчастного осла
Лиса на гибель верную вела.

И прыгнул лев, чтоб разодрать добычу,
Забыв, что нет былого в нем величья.

Но ловок был осел и наутек
Тотчас пустился, не жалея ног.

Лиса сказала льву: «О падишах,
Зачем ты начал дело впопыхах?»

Тебя я дерзким словом не обижу,
Добычу надо подпускать поближе!

Терпенье — ценный дар, Аллахом данный,
А торопливость — происки шайтана.

И тем, что ноги смог осел унесть,
Он, государь, твою унизил честь!»

«Да,— лев сказал,— осел не чужд уловок,
А я от боли нынче стал неловок.

К тому же голод зренье мне затмил
И не прибавил ни ума, ни сил!

Ты случай сей перетолкуй превратно
И приведи ко мне осла обратно!

Я силы наберусь и по делам
Тебе за службу верную воздам.

Когда с ослом упрямым этим сладим,
Ты тоже не останешься внакладе!»

«Попробую, о шах, тебе в угоду,
Перехитрить ослиную породу.

А ты дождись, когда он подойдет,
Не торопись и то прими в расчет,

Что глупость, коей славен род ослиный,
Для нас вернее силы даже львиной».

Лев понял сам, что в теле нынче нет
Его могучей силы прежних лет.

Сказал он: «Потерплю, не шевельнусь,
Как будто крепко сплю, я притворюсь!»

Лиса сказала: «От своих щедрот,
Быть может, бог удачи нам пошлет.

Ослиный разум невелик, мой шах,
Но пусть и тот затмит ему Аллах!

Мне ведомо, осел на прежнем месте
Себе дает обет не верить лести.

Он мнит: „Лиса хитра, но я хитрей,
Теперь уж я не стану верить ей!“»

...Осел лисе, пришедшей с речью лживой,
Сказал: «Не стану я твоей поживой,

Тебе вовек не причинил я зла,
А ты меня ко льву приволокла!

Бог силой одарит меня, быть может,
Чтоб избежать друзей, с тобою схожих.

Ты — как змея, что жалит иногда
И тех, кто ей не причинил вреда».

Лиса сказала: «Гнев смени на милость,
Что лев нам угрожал, тебе примнилось.

Не то б не избежать его когтей
И мне, чья плоть тщедушнее твоей.

Поверь мне: это было наважденье,
Виденье это — пастбищ огражденье.

Знать, волшебством сей райский уголок
От жадных пришлецов спасает бог.

Ведь остальные пастбища убоги,
Везде царят слоны да носороги!

Об этом я — прости, моя вина! —
Предупредить тебя была б должна».

Сказал осел: «Ступай своей тропой,
Противно мне глядеть на облик твой.

Обманом ты меня туда манила,
Где пред собой я видел Азраила.

Зачем опять по наущенью льва
Ты говоришь мне лживые слова?

Аллахом я клянусь: змея и та
В сравнении с тобой душой чиста.

Лишить нас только жизни могут змеи,
Неверные друзья куда страшнее:

Опутывая ложью, всякий раз
Они безверьем заражают нас.

Кто умудрен бедою, тот уверен:
И враг не хуже друга, что неверен!»

И вновь лиса ослу сказала сладко:
«Поверь, в моем напитке нет осадка,

Страх, что тебе покоя не дает,—
Лишь твоего воображенья плод.

В кого ты ни пускал бы град укоров,
Ты сам его перенимаешь норов.

Смотреть не надо на меня так зло
Сквозь подозренья своего стекло.

Друзья покинут поздно или рано
Того, кто не прощает им изъяна.

Коль не сумеешь ты забыть обид,
С друзьями жизнь тебя разъединит.

Хоть обо мне идет дурная слава,
Зла никому я не желаю, право.

Поверь, твое напрасно подозренье,
То, что ты видел,— только наважденье!»

Хоть и не верил сим речам осел,
Но голод с ним в одной упряжке шел.

И нетерпенье грудь ему свербило,
Оно сильнее опасенья было.

Пророк был прав, сказавши: «Иногда
Толкает нас к неверию нужда».

Осел решил лисе на милость сдаться,
Он рассудил, бедняга: «Что бояться:

Иль будет корм от божьих мне щедрот,
Иль смерть меня от голода спасет!»

Так данный самому себе обет
Нарушил он в надежде на обед.

Что делать, всех нас жадность ослепляет,
Она подчас к нам гибель приближает.

Смерть той душе особенно страшна,
Что вечной жизнью не наделена.

Не храбрецу подобен, а глупцу,
Спешил осел наш к своему концу.

Так хитрая лисица привела
К владыке леса бедного осла.

И вновь почувствовав свое величье,
Лев заревел и разодрал добычу.

И после, завершив свои труды,
Пошел к ручью, чтобы испить воды.

Он облизнулся сладко и напился
И, чтоб доесть остатки, возвратился.

Лиса, покуда пил он, не спала,
Из требухи, что было, дожрала.

Лев, удивясь, спросил: «Куда девалось
То, что от бедного осла осталось?»

Ответь, лиса, мне честно, не солги,
Где печень, сердце, где осла мозги?»

«Мозгов и сердца не было при нем,—
Ответила лиса,— клянусь я в том!

Как мог он, после светопреставленья
Чудесное обретши воскрешенье,

Поверить мне и вновь прийти сюда,
Где зрел виденье Страшного суда?

Как, обладая сердцем и мозгами,
Надеяться он мог поладить с нами?

Увы, владыка мой, у дураков
Нет сердца, а тем более мозгов!»

**ПРИТЧА О ТОМ,
КАК ОСЕЛ ВОДОВОЗА
УВИДЕЛ В ХАНСКОЙ КОНЮШНЕ
СЫТЫХ И ДОВОЛЬНЫХ ЖИЗНЬЮ
АРАБСКИХ СКАКУНОВ**

Я помню: назидание одно
Оставил мне отец давным-давно.

У водовоза старый был осел,
Чей труд был каждодневен и тяжел,

Скотину водовоз гонял весь день,
А есть давал солому, не ячмень.

Но и соломы доставалось мало,
И оставались ранки от стрекала.

Однажды даже ханский конюх грозный
Вдруг сжалился над тварью водовозной

И так сказал: «О друг мой водовоз,
Твою скотину жалко мне до слез!

Смотри, осел, кормилец старый твой,
Согнулся, словно месяц молодой».

Ответил водовоз: «Мы, водовозы,
Что получаем? Не доход, а слезы,

И не на что купить мне ячменя!»
«Дай мне осла на три-четыре дня,

Пусть отдохнет,— сказал конюший хана,—
Наестся пищи, что ему желанна!»

И к скакунам, чью холили породу,
Попал осел, всю жизнь возивший воду.

Привыкший видеть кляч в упряжках рабских,
Он вдруг увидел скакунов арабских.

Давали им ячмень, болтали пойло,
Речным песочком посыпали стойло.

Попоны красовались на конях,
И взроптал осел: «Велик Аллах,

Нет справедливости на белом свете!
Я сотворен тобой, как кони эти.

Так почему же весь свой век недолгий
Я в хомуте хожу со сбитой холкой,

Ташу арбу, шагаю с брюхом впалым,
С больной спиной, исколотой стрекалом,

Меж тем как эти кони целый день,
Хоть и не возят воду, жрут ячмень?»

Но вдруг донесся зов трубы из дали,
И скакунов арабских оседдали,

Чтоб по полю скакать, где в бранном деле
Свистели стрелы и мечи звенели.

Ушло их много, возвратилось мало,
К вернувшимся позвали коновала,

Ножами и щипцами, как умел,
Он извлекал из них остатки стрел.

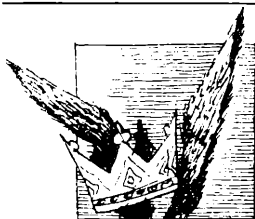
Их ноги, поврежденные мечами,
Он стягивал холщовыми бинтами.

Лежали кони на своих пополах,
И кровь струилась из боков холеных.

При виде их осел подумал: «Боже,
Пожалуй, мне на жизнь роптать негоже.

Вовек мне не давайте ячменя,
В мою арбу впрягайте вновь меня.

На этот рай, на сытое жите
Не променяю рабство я свое!»

**ПРИТЧА
О ЧЕЛОВЕКЕ,
КОТОРЫЙ БЫЛ НАПУГАН
ТЕМ, ЧТО НА УЛИЦАХ
ХВАТАЛИ ОСЛОВ**

Вбежал прохожий некий в некий дом,
Он весь дрожал, он говорил с трудом.

Спросил хозяин: «Объясни на милость,
Чем ты напуган, что с тобой случилось?»

Нет на тебе лица, твоя рука
Трясется хуже, чем у старика!»

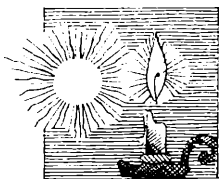
Прохожий отвечал, трясясь от страха:
«Ослов хватают всюду слуги шаха!»

«Но ты,— сказал хозяин,— не осел,
Так что же страх тебя сюда привел?»

Ответил прибежавший: «Стража зла,
Принять любого может за осла.

И люди, что с ослов сдирают шкуру,
Счесть и меня ослом способны сдуру.

И сам правитель в сем краю таков,
Что нас не отличает от ослов».

**ПРИТЧА
О ХРИСТИАНСКОМ МОНАХЕ,
КОТОРЫЙ СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ
БРОДИЛ СО СВЕЧОЙ В РУКЕ
В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА**

Один монах в печали и тоске
Средь бела дня шел со свечой в руке.

И некто, с кем сошлась его дорога,
Спросил монаха, удивясь премного:

«Что ищешь ты с таким усердьем странным
На торжище, по лавкам и дуканам?»

Сказал монах: «Мне нужен человек,
Ищу я человека весь свой век!»

Ответил некто: «Этого товара,
Чем надо, боле в толчее базара!»

Сказал монах: «Хоть торжища полны
Но люди все не те, что мне нужны!»

...Мы человека всюду ищем сами,
Идущего весь век двумя стезями:

Путем Любви, что к Истине приводит,
И злобы к тем, кто этот путь обходит.

Где муж такой, в каком краю земли:
Ему бы жизнь отдать мы в дар могли.

**РАССКАЗ О ТОМ,
ЧТО ОТВЕТИЛ ХОЗЯИН
ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ УТВЕРЖДАЛ,
ЧТО ВСЕ НА СВЕТЕ
ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО**

Влез некто в сад чужой через забор
И стал срывать плоды, как жадный вор.

Сказал хозяин: «Устрашишь Аллаха,
Коль предо мной не чувствуешь ты страха!»

Ответил вор: «Я ль грешен потому,
Что, божий раб, господню рву хурму?»

Плоды без платы нам дарует бог,
И потому напрасен твой упрек».

Сказал хозяин: «Что ж, ты прав, быть может,
И если в мире все — творенье божье,

Я привяжу, подвластен божью гневу,
Тебя, раба господня, к божью древу!»

Так он и сделал, и тяжелой палкой
Стал вора бить, и тот взмолился, жалкий:

«Что ты творишь? Не по грехам так строго
Караешь ты меня — создание бога!»

Был бьющий строг, он вору отвечал:
«Спасибо, ты урок мне преподал.

И, божий раб, я палкой бью господней
Другого божьего раба сегодня,

Мой гнев, моя рука, твои бока
И палка — божье все наверняка!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ЛЮДИ УГОВАРИВАЛИ
МАДЖНУНА ОТКАЗАТЬСЯ
ОТ СВОЕЙ ЛЮБВИ
К ЛЕЙЛИ**

Маджнуну многие глупцы рекли:
«Не столь прекрасна красота Лейли.

В округе нашей есть по крайней мере
Сто или даже двести лучших пери.

Любую выбирай из этих дев!»
Маджнун глупцам ответил, побледнев:

«Краса — не очертание сосуда,
А то, что наливают нам оттуда.

Откуда уксус пить вам суждено,
Вкушаю я сладчайшее вино.

Вам этот уксус наливают к счастью,
Чтобы и вы не воспылали страстью.

Господь из одного кувшина льет
Кому-то горький яд, кому-то мед.

Хоть видят все сосуда очертанье,
Но лишь достойный видит содержанье!»

**РАССКАЗ О МУАЗЗИНЕ,
У КОТОРОГО БЫЛ
ПРОТИВНЫЙ ГОЛОС**

Хоть голос громок был его и внятен,
Но для людского слуха был отвратен.

Спать не давал и знати он, и черни
И в предраассветный час, и в час вечерний.

И хоть пугал детей он в колыбели,
Все ж муаззина до поры терпели.

Но вот собрались все принять решенье —
Сыскать от муаззина избавленья.

Усердному глашатаю Аллаха
Собрали денег эти дети праха

И так сказали: «Нам успокоенье
Несли твои призывы на моление.

Мы, твой заслышав незабвенный глас,
Всю ночь до света не смыкали глаз.

Вот деньги для тебя, ступай по чести,
Справляй свой долг в ином каком-то месте.

Пусть правоверные в другом краю
Услышат песню вечную твою!

Пусть голос твой, звучащий в тишине,
Напоминает им о Судном дне!»

Взял деньги муаззин и в путь пустился:
Как раз в Каабу караван случился.

Однажды этот самый караван
Среди неверных свой раскинул стан,

А муаззин, усердьем одержим,
Стал звать к молитве голосом дурным.

Ему сказали: «Этот крик кафирам
Немил, мы не уйдем отсюда с миром!»

Но нет, не толпы христиан гневливых —
Пришел один кафир из говорливых.

Принес он сласти и свечей немало,
И счастье на лице его сияло.

Он восклицал: «Где тот, чей звучный глас
Меня от горя и позора спас?»

Сказали все, что были с караваном:
«Твое сужденье кажется нам странным!»

Кафир ответил: «Объясню, коль надо:
Есть дочка у меня, моя отрада;

Для вашей веры дочь была готова
Отречься от учения Христова.

Ислама суть звала ее, манила,
Пред ней была моя бессильна сила.

Мое лицо от горя пожелтело,
Моя печаль, словно лампада, тлела,

Скорбел, молил я бога ежечасно,
Но, что ни делал, было все напрасно,

Покуда муаззина трубный глас
Вас ныне не призвал вершить намаз.

Дочь спросила в миг тот благодатный:
„Что за отвратный шум и непонятный?“

Ей объяснили: так, мол, всякий раз
Сзывают мусульман творить намаз.

И дочь моя тогда сказала грустно:
„В церквах господних не кричат так гнусно!“

Вот так она, что столь была упряма,
Свернула в сторону с пути ислама.

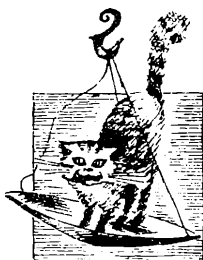
Свершилось то, что сделать я не мог.
Душа освободилась от тревог.

Я сладко спал, счастливый и спокойный,
Хоть и кричал ваш муаззин достойный.

О муаззин, сейчас мой дар посильный
Изволь принять за глас свой замогильный.

Когда бы он не даровал мне милость,
Я сам не знаю, что б со мной случилось!

Будь я султаном, от своих щедрот
Твой золотом наполнил бы я рот».

**РАССКАЗ О ЖЕНЩИНЕ,
КОТОРАЯ СКАЗАЛА МУЖУ,
ЧТО МЯСО,
ПРИНЕСЕННОЕ ИМ,
СЪЕЛ КОТ**

У некоего старосты жена
Была не в меру до еды жадна.

Все то, что муж ей приносил, бывало,
Жена припрятывала и съедала.

Однажды мяса муж решил купить,
Чтобы гостей позвать и угостить.

Жена поспешно принялась за дело:
Кебаб изжарила она и съела.

Хозяин вечером пришел домой
И, как сказал, гостей привел с собой.

Он крикнул: «Эй, жена, пришли к нам гости,
Подай-ка мяса, отделив от кости!»

Жена сказала: «Съел проклятый кот
То, что принес ты от своих щедрот!»

Муж удивился, да и неспроста:
«Давай весы, чтоб взвесить нам кота».

Сказал хозяин: «Как неверен мир,
Полмана было мяса и сатир.

Ты видишь, тянет половину мана
Кот вместе с мясом, что довольно странно.

Когда полмана эти весит кот,
Где мясо? Если же наоборот

И это мяса краденого вес,
То объясни, куда же кот исчез?»

**РАССКАЗ
О ХОЗЯИНЕ ДОМА,
ЕГО ЖЕНЕ
И О СОВЕРШЕННОМ
ГОСТЕПРИИМСТВЕ**

Был некий путник поздний в некий вечер
Теплом и лаской в некоем доме встречен.

Накормлен был, усажен был в тепле,
Но праздник шел в тот вечер в махалле.

Шепнул жене хозяин: «Хоть некстати
Пришел наш гость, две постели кровати,

Здесь, у дверей, кровать тебе и мне,
А пришлецу — немного в стороне!»

И вот, заставши каждую кровать,
Жена ушла гулять и пировать.

Хозяин не пошел на пир к соседу,
Оставшись с гостем, чтоб вести беседу.

Но гость, устав от пройденных дорог,
На ту постель, что ближе к двери, лег.

Сказать нельзя же гостю, в самом деле,
Мол, не на этой ты ложись постели.

В конце концов не велика беда,
Что на ночь гость улегся не туда.

В ту ночь гроза металась над селеньем,
Грозя, казалось, светопреставленьем.

Дождь лил и лил, и что домой жена
Пришла так поздно, не ее вина.

Она свечу засвечивать не стала,
Разделась и легла под одеяло.

Но, как мы знаем, не на ту кровать,
Где муж ее изволил почивать.

Считая, будто с нею муж в кровати,
Жена ему шепнула: «Вот проклятье,

Дождь все размыл, и не видать дорог.
И гость на нас повиснет, как налог,

Который не платить нельзя никак,
И все ж не может заплатить бедняк».

«О женщина, что ты мне шепчешь в уши,—
Воскликнул гость,— есть у меня кауши,

Я прочь уйду — по грязи, без дорог,
Чтоб больше ваш не преступить порог!

Ужели путник, чтоб в свой край идти,
Познать злословье должен на пути?»

Муж умолял, хозяйка причитала:
«То шуткою сочти, что я сказала!»

Но уговоры их плодов не дали,
И гость ушел, оставив дом в печали,

От грязи огражденный, словно рай,
Шагал он посуху в свой отчий край.

Муж и жена живут, но не как прежде:
Они надели скорбные одежды.

И в том винясь, на что их черт попутал,
Дом сделали для путников приютом.

Но мнится им: в плену былых обид
Тот гость стучится к ним и говорит:

«Посланец Хизра, гость приносит в дом
Нам счастье, что порой мы не берем!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ШАХСКИЙ ШУТ
ВО ВРЕМЯ ИГРЫ В ШАХМАТЫ
ПОСТАВИЛ МАТ ШАХУ
ГОРОДА ТЕРМЕЗА**

С шутком играл правитель, говорят,
И шут шутя поставил шаху мат.

А шах, разочарованный игрой,
Ударил победителя турой

И закричал: «Вознесшийся ублюдок,
Видать, ты вовсе потерял рассудок,

Твой выигрыш не приведет к добру.
Давай, несчастный, повторим игру!»

Играя, бедный шут дрожал от страха,
Как в холод тот, на ком худа рубаха.

Но шах играл не очень-то умело,
И вскоре вновь дошло до мата дело.

Но перед тем как сделать мат ему,
Шут нятянул на голову кошму.

И, более того, решил: «Накину
Поверх кошмы подушку и перину!»

А уж потом, полуживой со страху,
Сказал: «О шах, я мат поставил шаху!»

Шах рассердился: «Что все это значит,
Зачем ты спрятался, о сын собачий?»

«Я говорить не мог, владыка мой,
Не защитивши голову кошмой.

Тебе я сделал мат, но вне игры
Боюсь я мата от твоей туры!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК СУЛТАН МАХМУД
ПОСРЕДСТВОМ ЖЕМЧУЖИНЫ
ИСПЫТЫВАЛ СВОИХ
ПРИБЛИЖЕННЫХ**

Рассказывают, что султан Махмуд
Созвал вельмож и прочий знатный люд

И показал сей публике почтенной
Жемчужину, что впрямь была бесценной.

И все ж сказать, цена ей какова,
Султан везиру приказал сперва.

Везир ответил: «Сорок вьюков злата —
Достойная за драгоценность плата!»

«Тогда разбей ее!» — сказал султан,
И пал придворный, страхом обуян.

Он рек: «Казни, но я не в состоянии
Разбить твое, султан мой, достоянье!»

Поверь, властитель, не под силу мне
Нанести такой ущерб твоей казне!»

«Ну что ж,— сказал правитель благородный,—
Ты отличился речью мне угодной!

И потому я ныне буду рад
Тебя в султанский облачить наряд!»

И вот по слову властелина новый
Везиру принесли халат парчовый.

И обратил свет своего лица
Султан к распорядителю дворца:

«Что скажешь ты, любезный мой слуга,
Жемчужина и вправду дорога?»

«Цена ей,— тот ответил, пав во прах,—
Полцарства, да хранит его Аллах!»

«Ну что ж,— сказал султан,— тогда скорей
Своей рукой жемчужину разбей!»

Был шахский управитель хитроват,
И он не прочь был получить халат.

И потому ответил так султану:
«Твое добро я сокрушать не стану!

Мой повелитель, дело не в цене,
Разбить красу такую страшно мне,

Ей подобает быть с тобою рядом.
Ущерб ей причинить — стать казнокрадом!»

И сей ответ был сердцу шаха мил,
Он управителя вознаградил.

Султан поочередно чудо мира
Дал в руки и сардара, и эмира.

Был награжден эмир, и первый воин
Был вслед за ним халата удостоен.

Султану говоря одно и то же,
Награды заслужили все вельможи.

Они же получили обещанья,
Что всем оклад удвоят содержанья.

А между тем такое награждение
Их уводило прочь с пути спасенья.

Ведь каждый из ответов сих вельмож
На самый первый был ответ похож.

Их корыстолюбивые желанья
Манили на дорогу подражанья.

А подражанье — это тяжкий грех,
И он чреват расплатою для всех.

Но вот, вручив жемчужину Аязу,
Султан Махмуд сказал все ту же фразу:

«Скажи, Аяз, как велика цена
Жемчужины, что блещет, как луна?»

«Цена,— сказал Аяз,— коли исчислить,
Значительней, чем я могу помыслить!»

«Тогда,— сказал султан,— ты расколи
Чудесное сокровище земли!»

Ну что ж, не дрогнула рука Аяза,
Слуга, он не ослушался приказа.

Вскричали все: везир, сардар, эмир:
«Такое мог содеять лишь кафир!»

Аяз ответил: «О столпы державы,
Хоть вы мудры, но вы сейчас не правы.

Как ни ценна жемчужина, но все же
Веленье шаха подданным дороже.

Я знаю, видел ваш корыстный взгляд
Не столь бесценный жемчуг, сколь халат.

Сошли вы за приманкою поживы
С прямой дороги, потому что лживы.

Меж тем на свете нет добра такого,
Что было б шахского дороже слова.

Вы жемчуга того, что молвил шах,
Разбили ослушанием во прах.

Ибо для вас бесценный жемчуг — идол,
Что идолопоклонство ваше выдал!»

Когда все это объяснял Аяз,
Придворные поднять не смели глаз.

За неразумие и ослушанье
Рекли вельможи слово покаянья.

И вздохи их раскаянья, как дым,
Вздыхались ввысь стенанием глухим.

Султан без сожаления изгнал
Тех, кто его веление попрал,

Тех, для кого жемчужины сверканье
Служило поводом непослушанья,

Тех, для которых жемчуг и алмаз
Дороже, чем властителя приказ.

И вот Аяз перед владыкой снова
Склонился и сказал такое слово:

«О мудрый повелитель, чьи реченья
И небеса ввергают в изумленье,

Чья щедрость, коей в мире равных нет,
Деяний прочих затмевает свет,

О ты, кого узрев, свои покровы
И розы сбросить со стыда готовы,

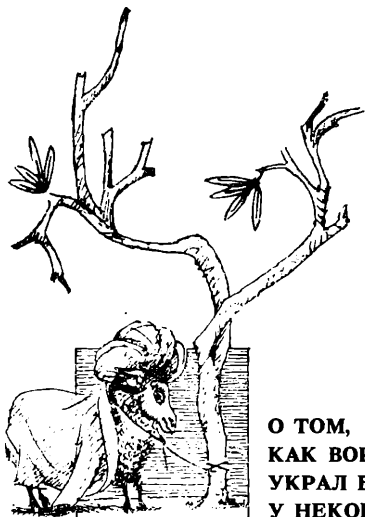
Поверь, что нерадивость этих слуг
Возникла во дворце твоём не вдруг,

Ты был великодушен, и она
Твоим прощеньем легким рождена».

Да будет ясно всем, что лишь почтенье
Нам, подданным, дарует ясность зренья!

ИЗ КНИГИ
ШЕСТОЙ

**О ТОМ,
КАК ВОР
УКРАЛ БАРАНА
У НЕКОЕГО МУЖА**

Хозяин некий как-то утром рано
Вел на веревке за собой барана.

Но этого барана жулик ловкий
Украл, ножом обрезав часть веревки.

Уразумев, что с ним стряслась беда,
Хозяин бегать стал туда-сюда.

А вор барана спрятал и тотчас
Стал у колодца слезы лить из глаз.

И потерпевший, свой прервавши бег,
Спросил: «О чем ты плачешь, человек?»

Заплакал жулик громче, чем досель:
«Упал в колодец полный мой кошель.

Достань мои пятьсот дирхемов с лишком,
И поделюсь с тобой я золотишком.

Неловкий, не могу полезть я сам,
Тебе за помощь сто дирхемов дам!»

Смекнул хозяин: «Даровое злато —
Мне за пропавшего барана плата.

Пусть мой баран украден, но — о чудо! —
Я денег обрету на два верблюда!»

И, скинув все, в колодец он полез,
А вор одежду взял и прочь исчез.

Увы, под властью жадности подчас
Благоразумье покидает нас.

**О ТОМ, КАК СТОРОЖ,
ОХРАНЯВШИЙ КАРАВАН,
НАЧАЛ КРИЧАТЬ ТОЛЬКО ТОГДА,
КОГДА ВОРЫ УТАЩИЛИ
ВСЕ БОГАТСТВА**

При караване сторож на привале
Ночь продремал, а воры не дремали.

Они все растащили и добро
В песок зарыли, спрятали хитро.

Купцы на ранней рани пробудились
И достоянья своего хватились.

И, понимая, что стряслась беда,
Искали, бегали туда-сюда.

Кричали все, а тот, кто был на страже,
Кричал сильнее прочих о пропаже.

Его спросили: «Наш неверный страж,
Где все добро, ответом нас уважь?»

Ответил сторож: «Появились воры,
Что на лихое дело были скоры!»

«Но что ж, ничтожный, как пустой мешок,
Добро ты наше оградить не мог?»

«На все,— ответил сторож,— воля бога,
Я был один, а тех, кто грабил, много!»

Ему сказали: «Ты бы крикнул нас,
Когда был сам бессилен в черный час!»

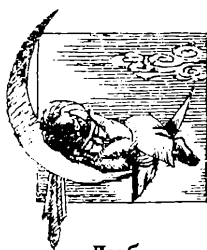
Ответил сторож: «Я бы закричал,
Но к горлу мне приставили кинжал,

И чтобы вовсе не случилось лиха,
Как грабят караван, взирал я тихо,

Зато сейчас кричу превыше сил
И возмещаю все, что упустил!»

Когда тебя уже волочат в ад,
Велик ли прок читать святой аят?

Ведь то раскаянье, что опоздало,
Не лучше нерадивости нимало.

**РАССКАЗ
О ВЛЮБЛЕННОМ,
КОТОРОМУ
НАЗНАЧИЛИ
СВИДАНИЕ**

Любимую любил влюбленный некий,
Как не способны люди в нашем веке.

И все ж предмет его любви в ответ
Не зажигал пред ним надежды свет.

Но ищущий находит утешенье,
Ибо источник радости — терпенье.

И вот горячка вопреки гордыне
Влюбленному сказала: «Ночью ныне

В твой дом, мой милый, я приду украдкой,
Сиди и жди меня с надеждой сладкой!»

Решил влюбленный: «Случай, в чьей мы власти,
Блеснул и мне из черных туч злосчастья!»

И он с глазами, красными от слез,
Ягненка в жертву господа принес.

И, начиная с сумерек, заране
Влюбленный погрузился в ожиданье.

Но за день малый выбился из сил,
И сон его усталого сморил.

Меж тем украдкой в полчаса второго
Пришла красавица — хозяйка слова.

Но спал и чуть похрапывал во сне
Тот, кто ее уподоблял луне.

Она не обронила слез печальных,
Но положила горсть костей игральных

И, улыбнувшись спящему едва,
Отрезала лоскут от рукава,

Тебе не звать бы, мол, любимых в гости,
Тебе играть бы с мальчиками в кости.

Влюбленный, утром ото сна восстав,
И кости увидал и свой рукав

И со слезами, полнившими взор,
Сказал: «Творим мы сами свой позор!»

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК
ПЬЯНЫЙ ТЮРКСКИЙ САРДАР
ПРИЗВАЛ К СЕБЕ ПЕВЦА,
ЧТОБЫ НАСЛАДИТЬСЯ
ЕГО ПЕНИЕМ**

Один сардар угрюмый встал с похмелья,
Певца позвал для своего веселья.

Сказал певцу сардар осоловелый:
«Ты прояви свой дар, мне милость сделай!»

И для того, кто слушал, глядя пьяно,
Запел поющий, вспомнив стих Корана.

«Не знаю я, ты ночь иль солнце дня,
Не знаю, что ты хочешь от меня?»

Не знаю я, терпеть в моей ли воле,
Не знаю я, мне мучиться доколе?»

Певец играл на чанге и, стеная,
Все повторял: «Не знаю я, не знаю...»

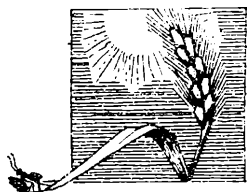
Вскочил сардар, схвативши булаву,
Чтоб проломить поющему главу.

Но кто-то из друзей, стоящих рядом,
Его остановил корящим взглядом

И так сказал: «Ты, может, прав, но все же
С поющими так поступать негоже!»

Вскричал сардар: «Терпенья я теряю
От повторенья в пенье: „Я не знаю...“

Певцу башку снесу, чтоб знал он впредь:
Когда не знаешь, так не надо петь!»

**ПРИТЧА О МУРАВЬЕ,
КОТОРЫЙ УДОВЛЕТВОРЯЕТСЯ
ОДНИМ-ЕДИНСТВЕННЫМ ЗЕРНОМ,
ВОЛОЧА ЕГО ОТТУДА,
ГДЕ МНОЖЕСТВО ЗЕРЕН**

Бедняжка муравей одно зерно
Из кучи тащит, где зерна полно.

И труд его столь тяжек и упорен,
Что остальных он и не видит зерен.

Хозяин тока, опытный мудрец,
На вора глядя, думает: «Слепец!»

Ты, прилепясь душою к пустяку,
Не зришь обилья на моем току».

Так многие из нас в плену обмана
Постичь не могут мудрость Солеймана,

Пылинкой малою ослеплены,
Не видим мы ни солнца, ни луны.

Меж тем любая тварь — всего лишь глаз,
Чтоб видеть Истину в счастливый час.

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК НЕКИЙ ЧЕЛОВЕК
ПРОСИЛ
У ЭМИРА КОНЯ**

Промолвил некто: «Дай, не пожалей
Коня, чтоб мне попасть домой скорей!»

«Не жаль коня,— эмир сказал на это,—
Возьми того, что пепельного цвета!»

Сказал проситель: «От того коня,
О повелитель мой, избавь меня.

И норовист он и всегда идет
Не передом, а задом наперед!»

«Что ж, поверни упрямца к дому задом,—
Эмир ответил,— хоть твой дом не рядом.

Во власти вожделения идет
Всяк себялюбец задом наперед!»

**РАССКАЗ О НИЩЕМ,
ПРОСИВШЕМ ПОДАЯНИЯ,
И О ХОЗЯИНЕ ДОМА,
ОТВЕЧАВШЕМ С ИЗДЕВКОЙ**

О хлебе умолял бедняга нищий,
Стучал в ворота одного жилища.

Ответствовал хозяин: «Видит бог,
Где взять мне хлеба, я не хлебопек!»

«Тогда,— пришедший попросил устало,—
Немного дай мне мяса или сала!»

Хозяин поглядел на бедняка
И молвил: «Здесь не лавка мясника!»

«Дай хоть муки тому, кто бос и гол!»
Сказал хозяин: «Я не мукомол!»

Промолвил нищий: «Если нет мучицы,
Дай мне, хозяин, хоть воды напиться!»

Сказал хозяин нищему в ответ:
«При доме нет ручья и речки нет!»

Что нищий ни просил, хозяин ловкий
Во всем ему отказывал с издевкой.

И нищий в дом, скупому на беду,
Вошел большую справить там нужду.

Хозяин крикнул: «Что творишь, пришлец?»
Ответил нищий: «Зря кричишь, скупец!»

Когда твой дом столь пуст, то он годится
Лишь для того, чтоб в нем опорожниться!»

**РАССКАЗ О НЕКОЕМ
БОЛЬНОМ, НА ЧЬЕ
ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ
ЛЕКАРЬ НЕ ПИТАЛ
НАДЕЖД**

К врачу больного привело несчастье:
«Пощупай жилу на моем запястье,

Поскольку всем известно, что она
Незримо с сердцем соединена!»

Нашупал лекарь на запястье жилу
И понял: не вернуть больному силу.

Болезнь его, кто ныне еле жив,
Уйдет, лишь смерти место уступив.

Все ж врач сказал: «Чтоб вышла хворь из тела,
Все делай, что б душа ни захотела.

Чтоб те желанья, что ты поборол,
Тебе не принесли бы новых зол.

Всяк должен быть в своих деяньях волен,
Кто столь тяжелою болезнью болен.

В сих случаях лечение это, брат,
Предписывает и святой аят».

Сказал больной: «За мудрое лечение
Пусть на тебя сойдет благословенье!»

А сам пошел вдоль берега реки,
Блаженствуя болезни вопреки,

Отдавшись прихоти своей на милость,
Чтоб дверь здоровья, может быть, открылась.

Меж тем какой-то суфий у воды
Лик омывал, не ведая беды.

И наш болящий на его затылке
Остановил свой взгляд не без ухмылки.

И, подчинясь желанью своему,
Решил вlepить затрещину ему.

Больной шептал: «Дано мне предписание,
Чтоб я свое не подавлял желанье.

Я, повинуюсь мудрому врачу,
Все должен делать, что ни захочу!»

И потому, собрав остаток сил,
Он суфию затрещину вlepил.

Воспрянул суфий, яростный и злой,
Чтоб отплатить обидчику с лихвой,

Но вдруг, увидев, сколь бедняга хил,
Намеренье свое переменял.

Тот суфий, хоть владел им лютой гнев,
Сдержал себя, последствий не презрев.

Знай, погибает поздно или рано,
Кто зрит приманку и не зрит капкана.

Умей увидеть, если ты мудрец,
Не столь начало дела, сколь конец.

Подумал суфий: «Этот дурень хилый
Помрет, когда его ударишь с силой.

Хоть я и прав, творя святую месть,
Пожалуй, лучше на рожон не лезть.

Пусть ныне мне терпенья власяница
Поможет ярости не покориться!

Я прав, когда отмстить ему хочу,
Но за убийство предают мечу».

И с неостывшей злобою в груди
Больного суфий потащил к кади.

Истец волок ответчика без страха,
Ибо он знал: судья — весы Аллаха.

Он думал: «Пресекающий вражду
Рассудит нас, а я того и жду.

Судья, чья справедливость столь желанна,
Загнать в сосуд способен и шайтана.

Спасает он от лживости людей
Весами справедливости своей.

Когда ж судейские весы неверны,
Беда и горе тем, что правоверны».

Иначе думать суфий и не мог,
Когда к судье обидчика волок.

«О судия, сие исчадье зла
Ты посади с позором на осла.

Чтоб не прошла ему обида даром,
Приговори его ко ста ударам.

А если от того сойдет он в ад,
Не мы, а сам он будет виноват!»

Ответствовал судья, нахмутив лик:
«Ты не представил никаких улик.

И думать я готов, что обездолен
Не ты, а он, который тяжко болен.

Чего ты хочешь, иск свой предъявив
Ответчику, который еле жив?

Тебе, о суфий, я скажу, как брату:
Лишь тот, кто жив, подсуден шариату.

А мертвеца не судит шариат,
Хоть был при жизни он и виноват!

Судить камня — не моя забота,
Коль упадут случайно на кого-то.

Ты погляди внимательно, истец,
Кого привел ты, тот — полумертвец.

Полуживому требовать отмыщенье
Еще бессмысленней, чем биться с тенью.

Как мне карать и на осла сажать
Того, кому лишь кладбище под стать?

Кто ж грузит не поленья на ослов,
А только холст с изображеньем дров?»

Ответил суфий: «Верить ли мне слуху,
Выходит, прав он, дав мне оплеуху?»

И тут истца, что тяжбе был не рад,
Судья спросил: «Ты беден иль богат?»

Ответил суфий, вздевши к небу длани:
«Четыре медяка в моем кармане!»

Судья сказал: «Из них, пожалуй, два
Отдай тому, который жив едва.

Пусть купит он еды, чтобы лепешка
Больного подкрепила хоть немножко!»

Покуда суфий вел с судьей спор,
Больной вперял судье в затылок взор.

Его дразнил загривок вожделенный,
Которым обладал судья почтенный.

И, раб желанья, из последних сил
Он и судье затрещину вlepил.

За первую затрещину, пожалуй,
Два медяка сочел он платой малой.

Он крикнул: «Мне теперь наверняка
Заплатят все четыре медяка!»

Что ж, ничего судье не оставалось,
Как присудить больному эту малость.

Того желать не надо никому,
Что испытать несладко самому.

Когда кому-то ты копаешь яму,
Сам почему-то попадаешь в яму.

**ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ
РАССКАЗ
О ТЮРКСКОМ ВОИНЕ
И ВОРОВАТОМ
ПОРТНОМ**

Мы знаем много случаев смешных
И грустных о нечестности портных.

Бытуют в мире всякие присловья
О вероломстве этого сословья.

О том, что вороватые швецы
По части краж большие мудрецы.

Однажды некто говорил о мелких
Портновских ухищреньях и проделках.

Казалось, излучал рассказчик свет,—
Ведь слушающих увлекал предмет.

Мы знаем, коль пред говорящим пусто,
То блекнет дар любого златоуста.

Когда никто не слушает чангиста,
То он и чистый звук берет нечисто.

Когда не ждет играющих успех,
То пальцы струн касаются не тех.

О том, сколь ремесло портного грешно,
В тот день рассказчик говорил успешно.

Ибо внимал его рассказу рьяно
Какой-то человек из Туркестана.

Был тюркский воин очень удивлен
Всем тем, что в этот день услышал он.

Спросил он: «В рассуждении уловок
Кто из портных у вас особо ловок?»

Ему сказали: «Есть искусный швец,
По этой части мастер и мудрец!»

Воскликнул тюрк: «Об заклад побиться
Готов я, что меня он побоится.

Не украдет нечестный сей портной
Не то что шелка — нитки ни одной.

В присутствии моем, хоть вороват,
И лоскуток он утаит навряд!»

Промолвил кто-то, глядя на скитальца:
«И не таких он обводил вокруг пальца.

Твоя, о воин, зоркость ничего
Не стоит перед хитростью его!»

Сказал приезжий: «Бьюсь я об заклад:
Ни верх он не урежет, ни приклад,

А украдет он, что ему не внове,
Так вот залог — скакун мой чистой крови.

Но если не обманет он меня,
Вы мне дадите лучшего коня!»

Уснул приезжий в эту ночь нескоро,
Все думал, как разоблачит он вора,

С чего начнет нелегкую игру?..
Но вот минула ночь, и поутру

Приезжий, взяв атласа дорогого,
Явился в лавку хитрого портного.

Портной приветливо, как только мог,
Раскрыл уста, и сладкий мед потек.

Он прял беседы шелковую нить,
Чтобы доверье в госте заронить.

О том о сем не проболтав и часа,
Заказчик расстелил кусок атласа.

«Скрой кафтан, чтоб в нем я биться мог,
Чтоб верх был узок, а подол — широк!

Верх оттеняет пусть мое сложенье,
А полы не стесняют пусть движенья!»

Сказал кроитель: «Дорогой мой друг,
Тебе я двести окажу услуг.

Бог свел тебя с честнейшим человеком!..»
И руки он поднес к груди и векам.

Промерил он кусок немалый шелка
И стал болтать почти что без умолка.

Он говорил, пока кроил кафтан,
Как в некоем царстве глупый был султан.

О тех, что скупы сверх обычной меры,
Рассказывал и приводил примеры.

И вмиг, когда, смеясь что было сил,
Пришедший узкие глаза закрыл,

Припрятал швец материи немного
Так, что никто не видел, кроме бога.

От смеха тюрок плача и давясь,
С намереньем своим утратил связь.

Какой еще атлас, какой залог,
Когда от смеха воин встать не мог?

Он только всхлипывал: «О говорящий,
Твои рассказы мне шербета слаще!»

И падал на спину, не в силах встать,
Над чем-то рассмеявшись вдруг опять.

Тогда-то мастер вновь за шаровары
Засунул небольшой кусок товару.

А тюрок все просил, впадая в раж:
«Ты шуткою еще меня уважь!»

Портной шутил, сто принимал обличий,
И тюрок вовсе стал его добычей.

Он хохотал, открыть не в силах глаз,
И в третий раз оттяпал швец атлас.

А воин рек: «Не мучай, мастер славный,
Еще мне случай расскажи забавный!»

В душе портного пробудилась жалость.
Он думал: «Шелка много ли осталось?»

Еще от пары баек, что смешны,
Не хватит шелка даже на штаны!»

Сказал портной: «От всех моих историй
Что обрести ты можешь, кроме горя?»

Вот и кафтан твой выйдет маловат
Из-за того, что ты смеялся, брат!»

О люди, смейтесь в меру, а иначе
Веселый смех ваш будет горше плача.

И эта притча так была смешна,
Что споривший проспорил скакуна.

**ПРИТЧА
В УСПОКОЕНИЕ ТЕХ,
КТО СТРАДАЕТ
ОТ ГНЕТА СУДЬБЫ**

Владелец лавки на базар из дома
Спешил дорогой, что была знакома.

Но понял вдруг: она запружена
Толпою жен, прекрасных, как луна.

Как ни спешил купец, но сонмом жен
Был путь его надолго прегражден.

Одной из них, томясь от ожиданья,
Сказал купец: «О жалкие созданья,

Как много вас на свете развелось!»
Жена рекла: «Свою умерьте злость,

Ибо для ваших, для мужских утех
Аллах великий создал женщин всех.

От нашего на свете недорода
Вы впали бы во грех иного рода!»

Хоть на земле порою путь и труден,
И велика беда, и хлеб наш скуден.

Не свод небес, не звезд расположение —
Тщета земная шлет нам злоключенья.

Она рождает множество забот,
Но сладок плен ее, желанен гнет!

**РАССКАЗ
О ЖЕНЕ И МУЖЕ
И О ТОМ, КАКОЙ
РАЗГОВОР ПРОИЗОШЕЛ
МЕЖДУ НИМИ**

Твердила женщина одно и то же:
«О мой любезный муж, так жить негоже.

В какой ты держишь скудости меня,
Что я и днем не вижу света дня!»

«Меня, жена, ты обвиняешь ложно,—
Ответил муж.— Кручусь я сколь возможно,

Чтобы с тобою не были мы нищи,
Чтобы одежды раздобыть и пищи!»

У женщины был неуступчив нрав:
«Ты видишь — обтрепался мой рукав.

И я ношу столь грубую одежду,
Что до крови она стирает кожу!»

Ответил муж: «И впрямь я не богат,
Тебя в шелка одеть я был бы рад,

Но все ж подумай: было б много хуже
Тебе, несчастной, вовсе жить без мужа.

И лучше уж одежда, что груба,
Чем разведенной женщины судьба.

Хоть бедность нам порой приносит муки,
Она милей развода и разлуки!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК СПРОСИЛИ
СВЯЩЕННИКА,
ЧТО СТАРШЕ:
ОН ИЛИ ЕГО БОРОДА?**

Священника, чья борода седа,
Спросили: «Старше ты иль борода?»

«Конечно, я,— священник удивился.—
Ведь я без бороды на свет родился!»

Спросили вновь: «Коль прожил большой срок,
Чем борода твоя, то как ты мог

Свой черный нрав не изменить нимало,
Хоть борода с годами белой стала?»

**ПРИТЧА ОБ ИСТИННОМ
БЛАГОЧЕСТИИ И О ЗЛЕ,
НАРЯЖЕННОМ
В ОДЕЖДЫ
НАБОЖНОСТИ**

Шел государь в мечеть молиться богу,
И стражники, чтоб проложить дорогу,

Чтоб без помех пройти владыка мог,
Сбивали многих правоверных с ног.

Всегда лилось невинной крови много,
Когда воспоминал владыка бога.

И некий муж, избитый без вины,
Сказал: «Эмир, твои пути грешны.

Зачем молитву, чистое деянье,
Ты превращаешь в наше наказанье?

Ужель мученья мы должны терпеть
Лишь потому, что ты идешь в мечеть?»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК БАРАН,
ВЕРБЛЮД И БЫК
НАШЛИ НА ДОРОГЕ
ОХАПКУ СЕНА**

Баран, верблюд и бык короткорогий
Нашли охапку сена на дороге.

Сказал баран: «Коль поделить на трех,
Сыт ни один не будет, видит бог.

И потому пусть этот корм сжует
Из нас троих тот, чей древнее род.

Тех почитать, кто прожил долгий срок,
Всем предписал великий наш Пророк.

Хоть ныне молодое поколение
Являет редко старшим уваженье:

Или еду, что обжигает рот,
Юнец седому первому дает,

Или на мост, что держится едва,
Готов он старика пустить сперва.

Давайте ж вспомним корень свой сейчас
И разберемся, кто древней из нас?»

Он продолжал: «Воздайте мне по чести,
Ибо я пасся с тем бараном вместе,

Что в жертву соблюдавшими закон
 Был вместо Исаила принесен!»

Бык возразил: «Я старше по годам,
 Я — тот, кого в ярмо впрягал Адам!»

Пока они, бранясь, творили суд,
 Стоял поодаль и молчал верблюд.

Он сено взял с земли и вместо спора
 Стал уплетать его довольно споро.

Он рассудил: «Я тех двоих древней,
 Поскольку — всем известно — я сильней.

Решают дело не слова, не годы,
 А то, что ихней я крупней породы.

Известно всем, что выше небосвод
 Земли с ее обилием щедрот.

Земля просторна, но ее намного,
 Просторней небеса — обитель бога».

**ИСТОРИЯ О ЛЮБВИ
 ЛЯГУШКИ И ХОМЯКА
 И О ТОМ, КАК В ЗНАК ДРУЖБЫ
 ОНИ СОЕДИНИЛИ ВЕРЕВКОЙ
 СВОИ ЛАПЫ**

Хомяк с лягушкой, хоть несхожи плоти,
 Хоть жил на суше он, она — в болоте,

Все ж сблизились друг с другом, и хомяк
 Подруге объяснял, кто друг, кто враг.

Да и лягушка, выбравшись на сушу,
 Пред верным другом раскрывала душу.

И счастье наполняло их сердца.
Казалось, этой дружбе нет конца.

В ней было подтверждение изречения,
Что милость божья — это единенье.

И квакала лягушка из болота,
Урчал хомяк свое счастливо что-то.

Бывает ли безмолвен соловей
Пред розою возлюбленной своей?

И спутнице хомяк сказал однажды:
«О ты, с кем встречи я все время жажду,

Я очень опасуюсь: быть беде,
На суше я скитаюсь, ты — в воде.

Порой кричу я с берега крутого,
И ты не слышишь горестного зова.

И мусульманин истый свой намаз
В день сотворяет пять, не боле раз.

А любящий подруге, что желанна,
Молитву сотворяет постоянно.

Для тех, кто встречи с нетерпеньем ждет,
Мгновенье длится долее, чем год.

Лишь ты — мой свет, и, если мы в разлуке,
Предела нет моей тоске и муке.

Мне счастье быть с тобой наедине,
Но в день лишь раз ты даришь счастье мне.

А мне с тобою сладостно свиданье,
Как людям золото на содержанье.

И хоть ты — дочь воды, я — сын земли,
Жить не могу я от тебя вдали.

Но я зову, а ты в болоте где-то,
Не слыша зова, не даешь ответа.

Искать тебя? Но в том и горя суть,
Что мне закрыт в твою стихию путь.

И нет гонца, чтоб мог к тебе отсюда
Прийти сказать, как без тебя мне худо!»

И вот, чтоб воду в ступе не толочь,
Хомяк придумал, как беде помочь:

«Найдем бечевку длинную и туго
Концами лапы мы скрепим друг друга.

Бечевкою сумеем как-никак
В любое время дать друг другу знак.

С тобою мы деяньем этим смелым
Соединим себя, как душу с телом!»

Лягушка все ж, боясь попасть впросак,
Подумала, мол, что-то здесь не так.

Не вышло б худа от такой затеи...
Но сердце наше разума сильнее.

И ту же, чем любовь и все слова,
Связала их друг с другом бечева.

...Испортит дело сокол, что однажды
Высоко пролетал и крови жаждал.

Он, увидав поживу свысока,
В когтях под небо поднял хомяка.

И на веревке в мир, что ей неведом,
За ним взлетела и лягушка следом.

И люди удивлялись: «Вот дела,
Ловить лягушек стали сокола!»

Взлетая ввысь, лягушка сокрушалась
О том, что с хомяком она связалась.

Ведь хоть и родственны их были души,
Она жила в воде, а он — на суше.

И повторю я вновь в который раз:
Друзей ищите, что достойны вас!

**РАССКАЗ О СУЛТАНЕ
МАХМУДЕ ГАЗНАВИДЕ
И О ТОМ, КАК ОН СТАЛ
СООБЩНИКОМ
НОЧНЫХ ВОРОВ**

Средь ночи тайно свой покинув кров,
Султан увидел скопище воров.

«Кто ты, скажи и поклянись Кораном!»
Ответил шах: «И я живу обманом!»

«Ну что ж, садись, и пусть расскажет всяк,
В каком из всех ремесел он мастак.

От каждого услышать мы б хотели,
Чем будет он полезен в нашем деле?»

Сказал один: «О дети потаскух,
Мое богатство — это чуткий слух.

К примеру, если где собака лает,
Ее никто, как я, не понимает!»

Сказал другой: «О сборище бродяг,
Мои глаза — ценнейшее из благ.

Того смогу узнать и днем и ночью,
Кого хоть раз увижу я воочью!»

Промолвил третий: «Мой талант в руках,
Которыми снабдил меня Аллах.

По милости господней от природы
Я — мастер на подкопы и проходы».

Четвертый так ответил на вопрос:
«Талант мой и богатство — чуткий нос.

Маджнун всегда по запаху земли
Догадывался, где прошла Лейли,

А я по запаху, когда случится,
Определю, где золото хранится!»

Промолвил пятый: «Мне от бога дан
Великий дар забрасывать аркан.

Хоть на уступ стены, хоть на луну
Заброшу петлю и узлом стяну».

«А ты, пришелец,— спросили шаха,—
Чем одарен по милости Аллаха?»

«Мое богатство тайно, и оно
Все в бороде моей заключено.

Преступнику одно ее движенье
Прощенье дарит и освобожденье.

Могу я лишь движеньем бороды
Спасти из вас любого от беды!»

«Не надо вора́м, нам, иной опоры,
Будь нашим вожаком!» — сказали воры.

Они, избрав главою пришлеца,
Пошли к стенам султанского дворца.

Залаяла собака, и тотчас
Услышал первый вор: «Султан средь вас!»

Но в этот миг арканщик несравненный
Аркан забросил и полез на стену,

Чтобы ее потом за ним вослед
Перемахнули все, избегнув бед.

И обладатель обонянья, бдящий,
В земле учуял злата дух манящий.

А мастер на подкопы внутрь проник,
И разорен султанский был тайник.

И жемчуга и злато казнокрады
Все унесли, своей добыче рады.

Но тут султан отбилсЯ от своих
Нечаянных сообщников ночных,

Запомнив точно всех воров прозванья,
Обличье их и место обитанья.

Он во дворец вернулся и чуть свет
Созвал своих везиров на совет.

А страже приказал, чтоб в этом зале
Ночные вору перед ним предстали.

И связанными привели их всех,
Чтоб покарать за совершенный грех.

Тот вор, что мог узнать и днем и ночью
Всех, коих видел он хоть раз воочью,

Признал в судье, что их судил сурово,
Недавнего товарища ночного.

К султану он лицо оборотил,
Как к туче жаждущий, лишенный сил,

Или к луне Пророк, чтоб озаренье
Сошло к нему в Ночь предопределенья.

Был дерзок, осмелев, презренный тать,
Как все, которым нечего терять.

Промолвил он: «Рассей незнанья тень,
Даруй нам свет, как солнце в Судный день.

И поскорей, о властелин земли,
Ты бороною чуть пошевели!»

**О ТОМ, КАК НЕКИЙ ШАХ
ЗАСТАВИЛ РЕВНИТЕЛЯ ЗАКОНА
ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ
В ПИРШЕСТВЕ, И О ТОМ,
КАК ЗАКОНОВЕД ОПЬЯНЕЛ**

В своих покоях шах с гостями пил,
Факих ученый мимо проходил.

О том узнал властитель и спяна
Велел позвать его и дать вина.

И стражники ввели факиха в зал,
Но пить факих не стал и так сказал:

«Уж лучше яд вкусить, а не вино,
Что пить Аллахом нам запрещено!

Избавит яд меня по крайней мере
От общего безбожья и безверья!»

Такой своей строптивостью факих
Прогневал шаха и гостей хмельных.

«Эй, кравчий,— шах сказал,— ты для начала
Дай чашу, чтобы дурь его пропала!

Налей вина поболе, чтобы гнев
Умерил наш законник, захмелев!»

«Не шутит шах»,— смекнул законовед
И принял чашу и другую вслед.

И после он, чтоб не было раздора,
Стал пить и опьянел легко и скоро.

Вина вкусил законовед довольный
И шуткой согрешил довольно вольной.

И тут ему хмельному, на беду,
Приспело справиться малую нужду.

На время он покинул шахский зал
И на пути служанку повстречал.

Она — творенье чудное Аллаха —
Была, быть может, из наложниц шаха.

Но страсть людей хмельных сильнее, чем страх.
Законнику хмельному шах — не шах.

И разум, и душа, и члены тела —
Все возбудилось в нем и загудело.

Красавицу факих, который запил,
В объятия заключил, верней, облапил.

Она, хоть и дичилась, все же страсть,
Что в нем таилась, ей передалась.

В руках мужчины женщина до срока —
Как тесто под руками хлебопека.

Он то сжимает все в одном куске,
То вновь раскатывает на доске.

И тесто благодарное нет-нет
Да и причмокнет пекарю в ответ.

Водой он покропит, прибавит соли,
И тесто вдруг замрет от сладкой боли.

Сливаются, забыв свои печали,
Тот, кто искал, и та, кого искали.

Сливаются в одно мужья и жены,
И тот, кто победил, и побежденный.

И в этом предначертано заране
Единство облика и содержания.

Мы с вами знаем: разные причины
Толкают жен в объятия мужчины.

И та, что муж женою вводит в дом,
Дается, словно золото, взаем.

Добро ли зло от мужниных щедрот
Аллах ему сторицею вернет.

Так что ж случилось? Страстью обуян,
Забыл законник свой высокий сан.

И от огня, что страсть его питала,
Ее желаний вата воспылала.

Слились два тела, задрожав в бессилье,
Как птицы, коим головы срубили.

Им боле дела не было до пира,
До гибели и до иного мира.

Они слились, и каждый ликовал,
Найдя в другом блаженство, что искал.

Тем временем властитель спохватился:
«Где наш законник? Может, заблудился?»

И шах со свитой всяческого люда
Пошел и что увидел? Действо блуда.

Но нет, факих не пал во прах с повинной,
Он побежал назад за чашей винной.

А шах за ним вослед и сгоряча
Хотел уж было кликнуть палача.

Но, видя шахский гнев немилосердный,
Законник закричал: «О кравчий верный,

Налей вина поболе, чтоб свой гнев
Умерил наш властитель, захмелев!»

Шах засмеялся, перестал сердиться,
Сказал: «Бери, факих, твоя девица!»

ВДОХНОВЕННЫЙ ИЗ РУМА

Клянусь Аллахом, я никогда не питал к поэзии никакой склонности, и в моих глазах нет худшего занятия, чем она.

Руми

Руми — один из литературных псевдонимов, под которыми известен величайший иранский поэт-мистик Джалаладдин Мухаммад. Это прозвание по месту жительства, оно означает «Румский», «из Рума», поскольку большую часть жизни поэт провел в Руме, т. е. в Малой Азии. Рассказывают, что, когда отец будущего поэта, решившись навсегда оставить родной Балх, отправился со своими чадами и домочадцами на поклонение святым местам в Мекку и Медину, по пути он сделал остановку в старинном городе Нишапуре. Там он встретился со знаменитым персидским поэтом-суфием Фаридаддином Аттаром. Заканчивая беседу, поэт заметил, указав на его малолетнего сына: «Не за горами время, когда сын твой возожжет огонь в сердцах скорбящих о мире». И он подарил мальчику свою поэму «Асрарнаме» («Книга тайн»), с которой тот не расставался всю жизнь, постоянно перечитывал, находя в ней разъяснения мучившим его сомнениям, ответы на терзавшие душу вопросы. Как же сложилась жизнь этого ребенка из легенды, что в ней правда и что вымысел?

*Не пророк он,
а Книга-откровение у него имеется.*

Джами

Джалаладдин Мухаммад, чье поэтическое творчество и философско-религиозные взгляды оставили столь глубокий след в литературе и системе взглядов народов Ближнего и Среднего Востока, который уже при жизни стал легендой, был провозглашен святым, которого так высоко и искренне превозносили и так же яростно опровергали, родился 30 сентября 1207 г. в г. Балхе. Этот ныне не очень приметный городок на севере Афганистана в те далекие времена был крупным и процветающим городом на перекрестке караванных путей из Китая и Индии в Иран и Мавераннахр, он подчинялся власти Хорезмшаха Алааддина Мухаммада.

Отец будущего поэта Мухаммад ибн Хусейн ал-Хатиби ал-Балхи (1148—1231), более известный как Бахааддин Валад, принадлежал к весьма почитаемому в тогдашнем обществе избранному кругу знатоков мусульманского богословия, Корана и преданий о пророке Мухаммаде. Он был хорошим оратором и снискал себе славу проповедника. Вместе

с тем Бахааддин не скрывал своих симпатий к суфизму — мусульманскому мистицизму и разделял идеи суфия-интеллектуала Ахмада ал-Газали (ум. 1123), чьим духовным последователем он себя считал, а также взгляды своего современника суфия-практика Наджмаддина Кубра (ум. 1220). Словом, обширные теологические познания, ученость по меркам того времени создали ему репутацию религиозного наставника и учителя, публичные выступления которого собирали многочисленную аудиторию и содействовали росту его авторитета. Впоследствии он объединил свои проповеди в сборнике, названном «ал-Ма'ариф» («Познания»). Этот сборник, а точнее, разработка им концепций господствовавшего в то время на Ближнем Востоке религиозного мировоззрения — ислама в сочетании с изложением положений суфийской доктрины о возможности познания единого бытия, т. е. бога, оказали непосредственное влияние на становление взглядов его сына Джалаладдина, неоднократно штудировавшего труд отца.

Судя по немногим, но достаточно прозрачным намекам, встречающимся в этом сборнике, между Бахааддином Валадом и суровым богословом-схоластом, победителем многих диспутов по вопросам веры при дворе Хорезмшахов Фахраддином Рази (1149—1210) возникли разногласия, в конце концов приведшие ко взаимной нетерпимости и вражде. Династия и его двор поддержали Рази. Враждебность влиятельного при дворе религиозного деятеля таила в себе немалую опасность: известна была злобная роль, которую Фахраддин Рази сыграл в трагической судьбе мистика Маджаддина Багдади, утопленного по приказу Хорезмшаха в Амударье в 1209 г. по обвинению в вероотступничестве и ереси. Неудивительно, что у Бахааддина возникла мысль покинуть родину, но осуществить свое намерение он смог только после смерти Рази. Разрыв отношений между Хорезмшахом и багдадским халифом, волна гонений против сторонников халифа еще более укрепили Бахааддина в задуманном и побудили его под благовидным предлогом паломничества навсегда расстаться с родными местами. Точная дата отъезда из Балха нам неизвестна. Предположительно Бахааддин с семьей в сопровождении 40 учеников и последователей выехал между 1214 и 1216 гг., поскольку засвидетельствовано, что в 1217 г. он уже находился в Руме (Малая Азия), где обосновался в г. Малатья — одном из городов государства румийских Сельджукидов. В это время Джалаладдину, будущему поэту, шел одиннадцатый год от роду.

Политическая карта Малой Азии того периода была весьма пестрой. В центре ее сложился Румский султанат Сельджукидов (1077—1307) со столицей в г. Конья (древний Икониум). Это было наиболее мощное государственное образование в регионе, достигшее расцвета в правление Алааддина Кайкубада I (1219—1236) и Гийасаддина Кайхосрова II (1236—1245). Именно этот далекий султанат представлялся землей обетованной, где царят покой и достаток, тем многочисленным беженцам из Мавераннахра и Ирана, что устремились туда в надежде обрести

спасение от насилий степных орд, ведомых Чингис-ханом. В городах султаната нашли приют множество людей: ремесленники, ученые, деятели культуры. Но спокойствие, казалось царившее в этой части мусульманского мира, было обманчивым. Дело в том, что политико-экономический фундамент Румского султаната составляли две структуры: кочевые племена, располагавшиеся на периферии, и оседлое население военно-ленной системы, господствовавшей в земледельческих районах и городах страны. Сочетание этих структур определяло противоречия, возникавшие в процессе феодализации страны. Племена находились на различных стадиях перехода к оседлости и ослабления родо-племенных связей, и становление в их среде феодальных отношений протекало далеко не безболезненно. Настойчивые попытки центральных властей поставить их под свой контроль не привели к успеху: кочевая вольница контролю не поддавалась. Военно-ленная структура, доставшаяся султанату в наследство от государства Великих Сельджуков, охватывала круги феодальной знати, объединившейся вокруг династии, оседлое (часто иноверческое) крестьянство и города с их ремесленным производством и торговлей. Противоречия между различными общественными структурами со всей наглядностью проявились в широком, разномастном по своему социальному составу восстании Баба Исхака (1239 г.), до основания потрясшем весь султанат. Едва успели власти подавить эту яростную вспышку народного гнева, как далекие прежде татаро-монголы появились на границах Румского султаната. В битве при Кёседаге (1243 г.) они наголову разбили сельджукские войска, султанат потерял самостоятельность, признав свой вассалитет; вся полнота власти сосредоточилась в руках монгольских военных наместников. Спустя три месяца татаро-монгольские отряды ушли в Иран, опустошив Рум, сровняв с землей и разрушив многие города и крепости этой страны, истребив и угнав в плен десятки тысяч жителей. В стране начался период междоусобиц. К концу XIII в. Румский султанат распался на десяток отдельных княжеств, а в 1307 г. окончательно прекратил существование.

Многие из описанных выше событий так или иначе отразились на жизни Джалаладдина. Вскоре после приезда в Рум семья Бахааддина переселилась из Малатья в г. Сивас (в 1219 г.) затем в Акшехир, где они провели немногим более трех лет, после чего, видимо, в 1222 г. переехали в г. Ларенда (ныне Караман), где оставались около семи лет. В этом городе умерла мать Джалаладдина Мумине-Хатун, здесь же он в 1225 г. женился на Джаухар-Хатун — дочери Шарафаддина Лала Самарканди, и здесь же год спустя родился его первенец Султан-Велед, который впоследствии напишет поэму «Валад-наме» («Книга о Валаде»), стихотворную биографию деда и отца, и бережно, по крупицам соберет наставления, сентенции и изречения Джалаладдина, назвав их «Фихи ма фихи» («В нем то, что в нем»).

Ровно и размеренно текла жизнь в Ларенде, как вдруг снова перемена

мест: к Бахааддину прибыл личный посланец правителя Румского султана Алааддина Кайкубада I с предложением занять почетный и высокий пост руководителя одного из самых популярных медресе (высшего профессионального училища) в Конье. Бахааддин недолго раздумывал: он принял это лестное приглашение. В 1228 г. он переехал в Конью и умер там 23 февраля 1231 г. Конья, где, по арабской легенде, когда-то был погребен прах древнегреческого философа Платона, ко времени приезда Джалалааддина уже более ста лет служила столицей султаната. В городе только что возвели новый, отличавшийся пышностью и великолепием дворец султана, отстроили новую цитадель. В 1220 г. Кайкубад завершил строительство соборной мечети, начатое еще его предшественником Кайкаузом I. Слава о благоустроенных и богатых медресе города привлекала туда студентов из Египта, Сирии и Ирака. Словом, культурная и религиозная жизнь в столице была ключом.

После смерти отца двадцатичетырехлетний Джалаладдин занял его пост в медресе и, таким образом, сразу же вошел в круг местных религиозных авторитетов. Однако, по представлениям того времени, он был слишком молод, чтобы читать проповеди в соборной мечети по пятницам, обучать детей местной знати и богатых горожан основам богословия, религиозного права и толковать Коран. Мы не располагаем сведениями об объеме и систематичности образования, полученного Джалаладдином к этому времени. Скорее всего в связи с частыми переездами его воспитанием и обучением занимался сам отец, чью книгу «ал-Ма'ариф» он постоянно перечитывал от первой до последней страницы. В Конье вокруг Джалалааддина собрались все наиболее влиятельные и известные ученики и последователи его покойного отца, чтобы поддержать словом и делом сына своего учителя. В 1232 г. приезжает из Термеза член мистического братства «Кубравийа», единомышленник Бахааддина Сейид Бурханаддин Мухаккик и целиком посвящает себя духовному воспитанию Джалалааддина, который был его учеником-муридом около девяти лет. Бурханаддин посвятил его в сокровенные тайны мистического «пути», раскрыл перед ним сущность концепций суфизма, основанных на идее постижения скрытого от непосвященных «знания» через собственный психологический опыт. Видимо, в этот период Джалаладдин встретил откровения Бурханаддина весьма прохладно, поскольку его больше привлекала мысль получить полное и систематическое религиозное образование, которое обеспечило бы ему материальный достаток и твердое положение в конийском обществе. С этой целью он отправился в Сирию, где в Алеппо и Дамаске — центрах мусульманской учености и религиозного знания — провел в общей сложности около семи лет. По возвращении в Конью он застал там на престоле Гийасааддина Кайхосрова II, сменившего Кайкубада I, который закрепил за ним должность главы медресе.

Последующие пять лет (1240—1244) жизнь Джалалааддина текла ровно, казалось, по раз и навсегда заведенному порядку. Он был обеспечен

и устроен, имел дом и семью, читал лекции в медресе, солидные и добропорядочные проповеди в соборной мечети. Его часто можно было видеть на улицах Коньи, когда он степенно выступал или восседал на муле в почтительном окружении учеников и студентов, облаченный в традиционную одежду знатока мусульманского вероучения — широкую, просторную мантию, с внушительной чалмой на голове. Впоследствии он едко и зло высмеивал ту категорию тогдашнего общества, к которой когда-то принадлежал сам. В эти же годы до слуха его будто бы не достигали грозные раскаты социальных и политических бурь, гремевших над страной. Он не слышал ни требований социальной справедливости восставших под руководством Баба Исхака, ни топота копыт монгольской конницы, ни плача угоняемых в рабство соотечественников. Все эти события пронеслись мимо, не затронув его: ни в его собственных произведениях, ни в поэмах его сына не встречается ни единого намека на них. Любопытно, что на это обстоятельство обратили внимание более поздние биографы Джалаладдина и поспешили украсить эти пустоты в его биографии легендами о том, как святая сила Джалаладдина помогала людям в их борьбе с монголами. Сам же Джалаладдин вполне был удовлетворен развернувшейся перед ним перспективой престижной по тем временам карьеры популярного и преуспевающего религиозного деятеля, окруженного вниманием общества.

Неоднократно обращался он к мысли написать свой комментарий на Коран или же начать кропотливую работу над собственным сборником изречений Пророка, снабженным обширными пояснениями, или сводом своих лучших проповедей, написанных элегантною прозой в полном соответствии с литературным этикетом. Но даже предположение о том, что он станет поэтом, видимо, показалось бы ему невероятным. Как сам Джалаладдин откровенно высказал в одной из записанных бесед с учениками, занятие поэзией не пользовалось ни малейшим уважением в кругах духовенства в его родном Хорасане. Он говорил: «...пребывая в состоянии столь всепоглощающей любви, что, когда друзья (т. е. хорасанцы.— О. А.) приходили ко мне, я в страхе, что они могут помешать мне, творил и читал стихи, дабы этим увлечь их. А иначе для чего мне нужна была бы поэзия? Клянусь Аллахом, я никогда не питал к поэзии никакой склонности, и в моих глазах нет худшего занятия, чем она. [Но сейчас] она стала обязанностью, возложенной на меня [свыше]...» («Фихи ма фихи», § 16).

И вдруг все неожиданно изменилось. Наступил перелом, вызванный духовным взрывом, перелом резкий, для окружающих Джалаладдина выглядевший чуть ли не душевной болезнью: Джалаладдин, степенный проповедник и мусульманский богослов, исчез. Встреча с бродячим суфийским проповедником Шамсадином Мухаммадом Табризи всколыхнула его душу, перевернула всю его жизнь. Радость от общения с Шамсом, любовь к нему, искренняя и чистая, охватившая Джалаладдина, сделали его другим человеком, раскрыли в нем подспудно дремавшие чувства и стра-

сти, существование которых никто, включая и самого Джалаладдина, и не предполагал. Он признал Шамса Табризи своим духовным наставником, стал его послушником и учеником: Шамс олицетворял для него целый мир.

В личности Шамсаддина Табризи, тогда уже немолодого, шестидесятилетнего человека, много таинственного. В источниках его образ как бы соткан из тайн: он неожиданно возник и столь же внезапно (для большинства современников) исчез, чтобы больше не появиться. Многие исследователи вообще считали эпизод с исчезновением Шамсаддина, кардинально изменивший всю жизнь Джалаладдина и ставший для него подлинной душевной трагедией, кровоточащей раной сердца, еще одной красочной легендой, которыми полна классическая персидская литература. Однако Шамсаддин Табризи — историческое лицо. Мистик, близкий по своим воззрениям братству каландаров, он бродил по странам Ближнего Востока, проповедуя идеи суфизма. Он отрицал любые ритуальные и культовые предписания, призывал к духовной чистоте и считал необходимым непосредственное общение с народом. Суфий, он яростно нападал на рационализм теологии и схоластической философии, не признавал религиозных различий и звал к миру между людьми разных вероисповеданий, утверждая, что сущность любой религии заключается в вере в бога, а не в ритуальных ее отправлениях. Такова вкратце суть его изречений, вошедших в недавно опубликованный сборник «Макалат» («Речения»), составленный его учениками.

26 ноября 1244 г. бродячий дервиш Шамсаддин Мухаммад, уроженец Табриза, вдруг появился в Конье, куда пришел из Дамаска, и остановился на постой в караван-сараях торговцев сахаром. Спустя некоторое время он вышел на улицу, сел около ворот. Еще издали он увидел, что в его сторону направляется верхом на муле процветающий, судя по внешнему виду, факих, окруженный толпой почтительно шествующих рядом учеников и студентов. Когда эта процессия поравнялась с дервишем, тот встал и, обратившись к Джалаладдину (а это был именно он), спросил: «Скажи мне, кто более велик из всех слуг Господа: пророк Мухаммад или же Байазид из Бистама?» Услышав в ответ, что и речи быть не может — конечно же, Мухаммад, поскольку в Коране записано, что он — «печать пророков», т. е. последний пророк, посланный к людям, он возразил: «Тогда как же понять слова Мухаммада, который изрек: „О боже, мы не знаем тебя так, как должно было бы знать на самом деле“. А Байазид восклицал: „Преславен я! Преславен я! О, сколь велико мое могущество!“».

Джалаладдин был потрясен этими словами. В этом уже пожилом дервише он вдруг увидел совсем иного человека: с такими судьба его еще не сводила. Он пригласил пришельца в свой дом при медресе и с той минуты практически отгородился от внешнего мира. 16 месяцев Джалаладдин, словно прилежный послушник, провел в долгих беседах с Шамсом, внимая его поучениям и откровениям. Шамсаддин стал для него олицетво-

рением всеобъемлющей Любви, горячая дружба и духовная близость с ним открыли ему новый мир, неведомый доселе, — мир мистических переживаний, страстей и психофизических упражнений. Следует напомнить еще раз, что Джалаладдин жил в эпоху средневековья и что при всем своем таланте он был сыном своего времени, в котором господствовала лишь одна форма идеологии — религиозная. Именно так пишет об этом периоде истории человечества Ф. Энгельс: «Мировоззрение средних веков было по существу теологическим». И еще: «Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей» (К. Маркс, Ф. Энгельс. О религии. М., 1955, с. 203, 206).

Одной из разновидностей этого мировоззрения стал мусульманский мистицизм — суфизм, получивший, кроме того, широкое развитие и как выражение средневековой антифеодальной оппозиции на Востоке. Мы далеки от мысли предлагать здесь определение суфизма как системы, поскольку пока еще в науке не сложилось единого мнения относительно этого чрезвычайно сложного, многопланового и пестрого по своему составу течения, охватившего весь мусульманский мир и проникшего в Испанию, Сицилию и на Балканы. За исключением раннего этапа своего развития (VIII—середина IX в.), когда суфизм, отделившись от аскетизма, превратился в самостоятельное философско-религиозно-этическое учение, он никогда не был единой, четко сформулированной и строгой системой взглядов. Особенно это относится ко второму и последующему этапам его эволюции (X—XI—конец XI—XIV в.), когда суфизм органически вобрал в себя и адаптировал идеи античной мистико-идеалистической философии и христианской теологии, сочетав их с местными культовыми традициями. Поэтому под суфизмом обычно подразумевают не одно, а множество течений, школ и ответвлений, представленных целым спектром разнообразнейших положений и идей мистического «пути», которые объединяет только концепция конечной цели. Методы же достижения этой цели (психотренинг, физические упражнения) были самыми разнообразными, а иногда просто полярными. Словом, суфизм — это особое религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, представители которого считали возможным непосредственное и прямое духовное общение (или же соединение) человека с божеством, достигаемое путем экстаза или внутреннего озарения, ниспосылаемых человеку, идущему по пути к богу с любовью к нему в сердце, через личный опыт. Подобные течения в эпоху средневековья не были редкостью, и мистика проникала практически во все крупные религиозные системы (иудаизм, христианство, буддизм, индуизм).

Цель жизни суфиев — мусульманских мистиков — мистическое

познание божества. Этому религиозному идеалу были подчинены и все их помыслы и поведение. Их концепция мистического «пути» исходила из идеи нравственного очищения и совершенства человека, который для этого должен был пройти целую серию устойчивых этико-моральных и кратковременных, возникающих как мгновенная вспышка света психических состояний. Идеи суфизма стремительно распространились по всему мусульманскому миру, несмотря на открытую (порой яростную) борьбу с ним официального духовенства. Эти идеи внесли в ислам известную духовность, смягчив его жесткий рационализм, заставили по-иному взглянуть на человека, его роль и место в обществе и природе. В этой связи многие исследователи склонны видеть в суфизме не только религиозную философию, но и массовую религию ислама. Одним из самых распространенных направлений в нем является направление, основанное на концепции «единобытия», «единосущности» (*вахдат ал-вуджуд*), окончательная философская разработка которой связана с именем выходца из Андалузии мистика Ибн ал-Араби (1165—1240) — старшего современника Джалаладдина Руми, проведшего почти всю жизнь в арабских странах Ближнего Востока.

В сущности, это теософская концепция «мистического монизма», но отнюдь не пантеизма, от которого она весьма далека. Это видно хотя бы из того, что пантеизм признает нераздельным существование бога в природе и природы в боге. А у Ибн ал-Араби бог как высшая единосущная реальность трактуется в двух аспектах: в скрытой, неосязаемой и непознаваемой форме (*батин*), которую невозможно определить и которая не допускает никакой множественности, и в явной форме (*захир*), где эта реальность проявляется во всем многообразии и множественности существ, сотворенных ею по своему подобию. Следовательно, поскольку бог — единоличный творец, создающий мир по своей прихоти, то не может быть сосуществования бога и природы друг в друге; бог абсолютно непознаваем, он недоступен человеческому разумению, а природа — иллюзорна. Это — «интеллектуальный» суфизм, царство идеалистической теории.

Помимо «интеллектуального» существовал и суфизм «прагматический», представленный многими течениями и направлениями, которые сводятся к двум основным школам. Обе они разрабатывали идею возможности общения с божеством. Первая считала доступным общение человеческой души с богом в экстатическом трансе, который ниспосылался как результат углубленной медитации и постоянного повторения в состоянии созерцания имен бога. При этом душа личности не теряла своих субстанциональных качеств, хотя на какое-то мгновение и отключалась, теряла самое себя. Вторая же школа утверждала, что душа в эти мгновения полностью сливается с божеством, отождествляет себя с ним, теряет не только свои индивидуальные признаки, но и субстанциональные качества и приобретает божественные. Первая школа получила название школы «трезвости», т. е.

трезвого, критического отношения к своим экстатическим состояниям-видениям и полного контроля над ними. Она в принципе признавалась ортодоксами, но вот вторая — школа «опьянения», «экстатического восторга» — вызвала яростную реакцию у духовенства, которое обвиняло ее представителей в вероотступничестве, ереси и в претензии на тождество с богом.

Социальной базой суфизма служили бедные и средние городские слои: мелкие торговцы, среднее купечество, ремесленники, мелкие чиновники, низшее духовенство, студенты; из их числа рекрутировались ученики-послушники (*мурид*) суфийских братств и орденов. Тесная связь между суфийскими общинами и ремесленными и купеческими объединениями обеспечивала первым материальную поддержку и социальную опору в массах. Суфизм же стал выразителем идеологии средних и бедных городских слоев. Правда, это соотношение на разных этапах эволюции суфизма в разных регионах мусульманского мира допускало некоторые колебания. Но тот факт, что идеология суфизма привлекла к себе внимание и симпатии широчайших масс, что суфизм, выдвинув целый ряд этико-религиозных положений и концепций, практически противопоставил себя официальному исламу, который был неразделим с феодальной государственной машиной, составляя с ней монолитную теократическую систему, позволяет говорить, что суфизм находился в оппозиции к правящей верхушке.

Многие братства и общины считали главной своей заповедью полный отказ от каких-либо контактов с властями. Подавляющее большинство народных восстаний, происходивших в Малой Азии, Иране, Мавераннахре в XII—XIV вв., возглавлялось суфиями. Что же касается мистического движения в Румском султанате (и — шире — в Малой Азии) в эпоху, когда там жил и творил Джалаладдин, то мы имеем полное основание утверждать, что, опираясь на поддержку широких городских слоев (а городов в регионе было много, и они обладали ощутимым влиянием) и имея тесные контакты и связи с тайными профессиональными объединениями ремесленников (*фугува*), суфизм выступал там как весьма влиятельное религиозно-философское движение с явными антифеодальными настроениями. Словом, до XVI в. вряд ли исторически оправданно считать суфизм реакционным социальным течением. Несмотря на ряд антисоциальных, по существу, положений (уход от мира, упование на бога, довольство малым, возведенные в абсолют, естественно, становились антисоциальными), суфизм долго сохранял свой оппозиционный характер, хотя порой и приобретал консервативные черты.

Но вернемся к Руми. Идеи и взгляды Шамсадина упали на благодатную почву. Горячая и искренняя привязанность Джалаладдина к дереву не позволяла ему разлучаться с последним. Джалаладдин забросил занятия в медресе, учеников, редко виделся с домочадцами. Это вызвало недовольство: сначала тихий ропот, а затем все более явственные угрозы

по адресу Шамсаддина, закончившиеся неудачным покушением на его жизнь. Понимая, что ученики на этом не остановятся, Шамсаддин 11 марта 1246 г. тайно покинул Конью и бежал в Дамаск. Расстроенный Джалаладдин бросился на розыски и, узнав, что Шамсаддин в Дамаске, отправил за ним сына Султан-Веледа, единственного, кому он доверял, со страстной стихотворной мольбой вернуться. Шамс и Велед пешком возвращаются в Конью. Ученики встретили Шамса враждебно — угрозы физической расправы возобновились. Сам же Джалаладдин был на седьмом небе от счастья, так и светился радостью. Но недруги Шамсаддина не дремали, и однажды он исчез — теперь уже навсегда. Это произошло в середине 1247 г. Источники сохранили несколько версий, объясняющих его исчезновение, в том числе и такую: он был заколот кинжалом по наущению (или при личном участии) младшего сына Джалаладдина — Алааддина; тело дервиша, брошенное в колодец, обнаружил Султан-Велед и предал его земле на конийском кладбище. Происшедшее скрыли от Джалаладдина. Он впал в полное отчаяние и, надеясь отыскать Шамса, дважды ездил в Дамаск. Мы знаем о переживаниях поэта со слов его сына Султан-Веледа, который трогательно и проникновенно описывает их в поэме «Валад-наме».

Отчаяние и ужас Джалаладдина, осознавшего, что он навеки потерял друга, были столь глубоки, что домашние всерьез боялись за его рассудок. Джалаладдин не сошел с ума, но и не вернулся к прежнему. Он стал поэтом. Подлинным поэтом, пережившим боль утраты и разлуку с другом и осознавшим свою трагедию. Джалаладдин Руми, видимо, и до встречи с Шамсадином Табризи пробовал свои силы в поэзии. Но именно дружба с Шамсом, а затем исчезновение друга, столь его потрясшее, высвободили дремавший гений. Руми тонко и обостренно воспринимал окружающее благодаря природной экзальтированности. Он стал слагать образные и красочные стихи, полные мистической символики, но проникнутые и искренним человеческим чувством. Большая часть этих стихотворений, вошедших в его «Диван», «подписана» именем Шамс: этим поэт хотел показать, что Шамс не исчез бесследно, он лишь сокрыт, живет в его душе, говорит его языком.

Неотъемлемой чертой таланта Джалаладдина была его музыкальная одаренность и необыкновенное чувство ритма. Особую склонность он проявлял к свирели, которой посвятил проникновенные строки в прологе к поэме. После исчезновения Шамса Джалаладдин все чаще устраивает общие собрания и совместные молитвы основанного и организованного, но никогда не возглавлявшегося им суфийского братства, где под музыку распевали его стихи-газели, написанные специально для этого ритуала либо навеянные атмосферой последнего. Таких стихов очень много. Впоследствии Джалаладдин ввел в этот ритуал танцы, символизировавшие для него поиски исчезнувшего Шамса, надежду на встречу с ним и крушение этих надежд. Подобные радения получили название *сама* '. В повседневную практику суфийских общин они вошли задолго до того, как Руми использовал *сама* ' в своем братстве. Суфии понимали силу эмоционального

воздействия музыки, ее влияние на настроения и чувства людей. Но Джалаладдин первым ввел музыку и танец в ритуал общих собраний дервишей Коньи и первым же применил ее в медресе. Отметим, что почти все поэтическое наследие Руми представляет собой результат переполнявших его экзотических чувств, возникавших в процессе радений под музыку.

Ритуал радения в братстве складывался постепенно и при потомке Руми Пир Адиле Челеби (ум. 1460) был канонизирован. Радение стало своего рода театрализованным представлением с неизменными режиссурой и сценарием, строгим чередованием ритма танца, сопровождаемого пением, сменой направления вращений и прыжков, перемежающихся паузами. Весь этот сложный и детально разработанный ритуал приводил в конце концов к массовому экстазу и трансу, в который впадали как сами участники, так и многочисленные зрители. В Западной Европе братство «Мавлави», практиковавшее это радение, стало известно как «орден кружащихся дервишей».

Джалаладдин уже не мог жить без человека, который вдохновлял бы его, напоминал бы ему потерянного друга. И вот в 1249 г. он объявил, что Шамсаддин возвратился, приняв облик ученика золотых дел мастера из Коньи Салахаддина Фаридуна Заркуба. Скромный, приятный внешне молодой человек, не получивший никакого образования, был назначен им старшим среди учеников, своим заместителем (*халифа*). Последние возмутились, и уже возник заговор с целью его убийства, когда Джалаладдин пригрозил, что он навсегда покинет медресе и Конью, если Фаридуна причинят зло. Конфликт был улажен, зачинщики покаялись. Но 29 декабря 1258 г. Салахаддин умер. Поэт горестно замечает в одной из газелей: «Опустилось солнце, но поднялась луна, и ее тоже закрыли облака». Эта знаменитая строка завершается словами «но взошла звезда». Звездой оказался Хусамаддин Хасан, ставший младшим другом и искренним помощником поэта. Именно ему обязана персидская словесность появлением знаменитой поэмы в шести частях-тетрадах — «Маснави». Он вдохновлял Джалаладдина написать ее, обратившись к нему с просьбой от имени всех учеников. Хусамаддин как тень всюду следовал за своим учителем. При нем всегда были писчие принадлежности, и, что бы ни декламировал Джалаладдин днем или ночью, на улице, дома, в медресе, на радении, даже в бане, когда к нему являлось вдохновение, Хусамаддин тотчас записывал это. Затем он перечитывал записанное поэту, тот корректировал и шлифовал стихи, а Хусамаддин переписывал их набело. Поэма была начата не ранее 1258 г., и первая ее часть закончена к 1261 г.

Затем в работе наступил двухлетний перерыв: умерла жена Хусамаддина, и он долго не мог работать. В 1263 г. работа возобновилась и шла уже без остановок. Последняя, шестая тетрадь была завершена около 1270 г. Поэт отдал своему сочинению 12 лет непрерывного труда. Бытует мнение, что Джалаладдин сознательно недописал поэму, которая действительно обрывается на кажущемся незаконченным рассказе о человеке,

завещающем состоянии самому ленивому из своих трех сыновей. Однако известно также, что незадолго до кончины он еще раз полностью скорректировал «Маснави». Сын и Хусаматдин по очереди читали ему его произведение, а он уточнял чтение, исправлял неясности, устранял возможные расхождения в понимании того или иного пассажа или стиха, старался предусмотреть даже произношение отдельных слов.

Помимо великой поэмы, содержащей, по словам биографов, 26 640 бейтов (научное издание которой, предпринятое в 1925—1940 гг. известным английским востоковедом Р. Никольсоном в восьми томах, содержит 25 632 бейта), до нас дошли: 1) «Диван-и Шамс» («Собрание стихотворений Шамса»), изданный крупнейшим иранским знатоком творчества Руми Бади аз-Заман Фарузанфаром в Тегеране в восьми томах в 1957—1963 гг. и содержащий около 60 тысяч строк; 2) три прозаических сочинения: бережно записанные сыном высказывания «Фихи ма фихи» («В нем то, что в нем»), «Маваиз-и маджлис-и саба» («Наставления, произнесенные во время семи маджлисов») и «Мактубат» («Письма»). Эти сочинения были изданы в Тегеране и Стамбуле в разное время.

Джалалатдин Руми скончался в Конье 17 декабря 1273 г. и был похоронен рядом со своим отцом в мавзолее, возведенном еще при Алааддине Кайкубаде I.

*Аттар был духом, Санаи — его очами,—
Мы пришли вслед за Аттаром и Санаи.
Руми*

Джалалатдин не создал своей особой системы философских взглядов, равно как и оригинального мистического «пути». Тропу, по которой он шел, проторили его предшественники. Но, вступив на нее блестяще подготовленным и превосходно образованным, он и поныне выделяется среди светил персидской поэзии своей интеллектуальной и поэтической одаренностью. Он отлично знал поэмы Санаи и Аттара, свободно ориентировался в сочинениях ал-Мутанаббиды и ал-Халладжа, его волновали полные «божественного неистовства» мистические откровения Байазиды Бистами. Он, несомненно, был знаком с трудами ал-Газали, который в своей эклектической религиозно-этической системе свел воедино с мистицизмом элементы исламского традиционализма и рационализма. Можно только гадать, слушал ли он в бытность свою в Дамаске и Алеппо лекции теософа и творца теории «экзистенциального монизма» Ибн ал-Араби. Но идеи Ибн ал-Араби, безусловно, были ему известны — это показывает его «Маснави». В принципе Руми больше привлекала практика суфийского «пути», хотя он и не чурался концепций «интеллектуального» мистицизма.

Естественно, Джалалатдин был глубоко религиозным человеком, хотя трудно назвать его сторонником или последователем какой-то опре-

деленной суфийской школы. Он жил в ту эпоху, когда человек лишь через призму религии и богословия осознавал свое предназначение, свое место в мире и в обществе. Поэтому Руми постоянно стремился соединить в своем творчестве земное и идеальное, человеческое и мистическое. Он, подобно всем мистикам, пытался понять и разрешить силой своего поэтического гения одну задачу — проблему взаимоотношения человека и божества. Увы, ему не дано было постичь, что такой проблемы просто не существует, она иллюзорна. С его точки зрения, совершенство всего созданного в мире воплощается в человеке, который, постигая Истину, завершает один период развития и тотчас же начинает другой. Но Джалаладдин обладал великим поэтическим даром. Его экстатические видения, которые он воспроизводил в поэтических образах, отнюдь не напоминают последовательный ряд логических суждений, выстроенных разумом. Его стихия — вдохновение и экстаз. Особенно это ощущается в его газелях. В этой связи точно подметил Р. Никольсон: «Руми — поэт и мистик, он не философ и мыслитель. У него нет системы, но он создает эстетическую атмосферу, которой претит анализ» (Mathnawi, VII, с. IX).

Коран это на персидском языке.

Джами

*Сии слова — это лестница, ведущая в небеса.
Всякий, кто по ней пойдет, достигнет высот.*

Руми

Рассказывают, что однажды Хусамаддин, хорошо осведомленный о настроениях и думах учеников Джалаладдина, улучил момент и, обратившись к нему, сказал: «Господин наш, не могли бы вы создать произведение, похожее на поэмы Санаи и Аттара, в котором бы стихами рассказали все то, что вы поясняете ученикам во время занятий и бесед? В ваших газелях это имеется, но хотелось бы, чтобы положения мистического пути были бы изложены последовательно в одной книге». Маулана тут же вынул из складок тюрбана сложенный лист бумаги, где он собственноручно написал первые 18 бейтов «Маснави», и передал его Хусамаддину. Это был пролог «Маснави» — знаменитая «Песнь свирели». Так начиналась поэма.

Это легенда, но, как считают, весьма близкая к действительности. Ее передают практически все наиболее достоверные источники, касающиеся жизни Джалаладдина Руми.

«Маснави» — вершина творчества поэта, сочинение, задуманное и осуществленное им как стихотворное (для легкости усвоения) руководство для членов неформального братства, основанного им около 1240 г. Еще задолго до того, как Абдаррахман Джами (1414—1492) — сам поэт и мистик — назвал поэму «Кораном на персидском языке», не только ученики Джалаладдина и члены братства «Мавлави», но и многие другие приверженцы идеи эзотерического знания восхваляли и превозносили ее.

Суфизм создал немало «вдохновенных» произведений, близких по содержанию, но мы можем смело утверждать, что ни одно из них не получило такого распространения (только рукописей на языке оригинала дошло до наших дней более 500), не изучалось так внимательно и не вызывало столь многочисленных откликов (в виде комментариев, переложений и переводов), как «Маснави». Поэма содержит 25 632 бейта, что даже по меркам персидской классической поэзии позволяет считать ее весьма внушительной. Объем ее почти достигает «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, вместе взятых, он вдвое больше «Божественной комедии» Данте, косвенно испытывавшего на себе влияние эсхатологических представлений мусульманского мистицизма, но, конечно, уступает (также вдвое) объему «Шах-наме» Фирдоуси.

«Маснави» поражает эрудицией Джалаладдина и разнообразием источников, откуда он черпал сюжеты своих притч и рассказов. Привлечено более полутора ста произведений! И это не считая непосредственных авторских обращений к фольклору различных народов. Например, сюжет притчи о мухе-кормчем был навеян двумя строками из сатиры арабского поэта Абу Нуваса (IX в.) на Джафара Бармакида. Джалаладдин, как уже говорилось, поэму не писал, он диктовал ее, начитывая по вдохновению, в состоянии эмоциональной приподнятости. Поэтому в «Маснави», безусловно, присутствует импровизационный момент. Считается, что поэма создавалась импульсивно, без четкого плана, по наитию, что она лишена композиционного каркаса и единого сюжетного стержня, подобна лабиринту. Действительно, архитектура «Маснави» сложна и многопланова. Она еще более усложняется тем, что Руми, следуя за своими предшественниками Санаи и Аттаром, создавал поэму в дидактическом жанре, излюбленной формой которого является притча, назидательный рассказ. Импровизационность «Маснави» приводила к композиционной инверсии в порядке следования притч, которые должны были иллюстрировать многочисленные теоретические положения автора, но подбирались они по принципу ассоциативных связей, иногда нарочито затемненных. Иллюстрации образуют длинную цепь следующих друг за другом или вытекающих друг из друга остроумных и мастерски написанных притч-рассказов. В ряде случаев основная история, давшая начало целой серии притч, становится как бы рамкой, окаймляющей рассказы, а вся серия превращается в стихотворную обрамленную повесть. Подобных повестей можно насчитать в «Маснави» более 30 (причем некоторые весьма значительны по объему). Иногда прерванное повествование такого рассказа возобновляется спустя много страниц (ср. серию толкований коранических преданий о библейском Моисее в кн. 2, 3—4, 6).

Следует помнить, что Джалаладдин, работая над «Маснави», исполнял своеобразный социальный заказ — просьбу учеников написать версифицированное руководство по мусульманскому мистицизму. Естественно, что часто он обращается к Корану — фундаменту мусульманского эзотеризма

и преданиям (*хадис*) о пророке Мухаммаде. 760 раз цитирует он стихи Корана, нередко переводя их на персидский язык, в 745 случаях приводит 703 *хадиса*. Аллегорически толкуя стихи Корана, прибегая для подкрепления своих пояснений к *хадисам*, он раскрывает перед читателем сокровенный, «тайный» смысл отдельных стихов Корана и легенд о пророках, признаваемых таковыми коранической традицией, в рамках и символах суфийских концепций. Большей частью схема объяснения того или иного морально-этического либо суфийского положения в «Маснави» такова: теза (мистический постулат), затем ее подтверждение (коранический стих или *хадис*), затем иллюстративный пример (притча, рассказ, новелла в миниатюре), затем вывод (в виде сентенции или наставления). Итак, творческий метод Руми в «Маснави» обнаруживает черты устойчивости.

В последние годы пересматривается и утверждение о хаотичности изложения в поэме основных идей и доктрин суфизма. Европейский ориенталист Ю. Балдик указал на тот факт, что по своей структуре (в мистическом контексте) «Маснави» очень близко к поэме Аттара «Илахи-наме» («Книга о божестве») и точно так же четко делится на три достаточно обособленные части, границы которых обозначил сам Джалаладдин названиями первых и последних историй в каждой части. Схема, предлагаемая Ю. Балдиком, такова. Первая часть «Маснави» посвящена чувственной душе, правящим человеком страстям, от которых ему, коли он встал на путь поисков бога и Истины, надлежит избавиться (это содержание первой тетради), поскольку низменные чувства суть зло и обман и наваждение Сатаны (содержание второй тетради). Вторая часть включает третью и четвертую тетради, которые сам Руми объединяет последним рассказом «О вероломном влюбленном» и общей рамкой пространного повествования о пророке Моисее. Основная тема этой части, в которой ангел сменяет Сатану, действующего в первой, — соотношение абсолютного Разума, человеческого ума и знания. Третья часть (тетради пятая и шестая) объединена темой утверждения единосущего Бытия и отрицания бытия человеческого. В ней объясняются мистические концепции абсолютного Духа и предвечного Света-Истины, положение о *фана* (полном исчезновении, растворении личности в божестве) и утверждается первостепенная важность фигуры шейха — наставника на мистическом «пути» познания, которая у Руми, как представляется, до определенной степени замещает абсолютный Дух.

На первый взгляд это трехэтапная система «пути», принятая у суфиев, но более всего предложенная схема напоминает триаду эллинистического философа-идеалиста Плотина — всеобщая Душа, всеобщий Разум, Единосущный. Таким образом, в «Маснави» наблюдается наличие трех взаимосвязанных и переплетающихся структур: мистической, общемусульманской, основанной на Коране, и художественно-иллюстративной, представленной множеством широко распространенных на Востоке притч, анекдо-

тов и историй, которые несут основную нагрузку при объяснении понятийного аппарата Джалаладдина Руми.

Как известно, творение Руми получило исключительную популярность. И дело не только в том, что он создал емкое «руководство», в котором обосновал теорию и практику мистицизма, но и в том, что он мастерски изложил весьма сложные философские концепции простым, изящным и доходчивым языком. Поэтическое мышление Руми неповторимо, он — истинно великий поэт. В языке его поэзии нет нарочитых украшений, нет надуманных и искусственных стилистических красот и тропов, нет той этикетности языка, которая столь обычна для большинства средневековых поэтов Востока, — он свеж и ясен. Однако творческий процесс создания «Маснави» не был ровным, он шел скачкообразно. Джалаладдин сам неоднократно указывает на это обстоятельство. То он, не зная усталости, денно и нощно, запоем диктовал стихи Хусамаддину, то наступал эмоциональный спад, периоды вдохновения сменялись глубокой меланхолией, и он подолгу не возвращался к своему детищу. Он жалуется на муки, которые вызывают у него мысли о том, «как соблюсти рифму или построить стих». «Слово — враг мой, оно не подчиняется мне», — восклицает он. Строгие знатоки стиля, пуристы, конечно, замечали в ряде мест его поэмы несовершенство рифмы и размера, погрешности в стихотворной технике, разговорные стяжения, неточные или несовершенные грамматические обороты и т. п. Но все это с лихвой покрывалось общим поэтическим настроением его «Маснави», в котором он видел средство для «пробуждения душ», рупор для своих идей и взглядов.

Творение Джалаладдина Руми по праву считается вершиной суфийской поэзии, непревзойденным и совершенным образцом ее дидактического жанра. Эта поэма — подлинная энциклопедия мусульманского мистицизма. Ее читали, затверживали наизусть и по ней учились на всем Ближнем и Среднем Востоке, но особую популярность она снискала себе в Иране, Северной Индии, Пакистане и Турции. В Турции, например, вплоть до начала XX в. «Маснави» читали и толковали для широкой аудитории в специально построенных для этой цели зданиях. На окраине мусульманского мира, в Восточном Туркестане, дервиши братства «Накшбанди-ходжаган-и актаглик» считали обязательным знать наизусть не менее семисот бейтов поэмы.

Но «Маснави» не только энциклопедия суфизма и источник мистических идей, из которого утоляли жажду многие поколения суфиев. В своих сочных и ярких притчах автор широкими мазками нарисовал красочное полотно жизни современного ему общества, в основном городского. Подавляющее большинство героев его рассказов, из которых и соткана художественная ткань поэмы, на удивление реалистичны, обстоятельства, в которых они действуют, как будто взяты из повседневной жизни. Таковы, например, притчи о садовнике и воре, о четырех индусах, о четырех путниках и винограде, о суждениях о слоне, о воре и факихе, о попугае, пролившем масло, о казвинце, желавшем сделать себе татуировку, и т. д. Прозрач-

ные аллегории притч животного цикла, естественно, были общедоступными в средневековом обществе. Все ясно понимали, какие социальные круги скрываются за личиной льва или волка, осла или лисицы, зайца или слона. Конечно, «Маснави», формально создававшееся для суфиев, адресовано было всему обществу султаната, а не какому-то одному социальному слою, но ведь суфии «рекрутировались» практически из всех классов. Одни воспринимали поэму как пиршество для эстетов-гурманов, любителей мистических сюжетов. Других привлекали занимательность и динамичность повествования, калейдоскоп стремительно сменяющих друг друга сцен и ситуаций. Третьи наслаждались образностью и живостью языка, обилием разговорных оборотов, что в то время было, несомненно, новшеством в поэзии, россыпью народного юмора, афоризмов и поговорок.

Исключительно разнообразен по своей тематике мир притч, многие из которых объективно имеют острую социальную направленность. Автор говорит о безысходной нищете бедняков, о бесправии подданных и произволе властей, о страданиях, которые приносят войны мирным жителям, и мародерстве воинов и служилых людей. Не меньше внимания уделяет Руми обличению лжесуфиев-шарлатанов, лицемерных мулл, чванливых факихов, продажных судей и т. п. Эти лица — постоянные персонажи фольклора — длинной чередой проходят по страницам «Маснави». Все это читатель найдет в предлагаемых переводах, где нам хотелось показать искрометный, но и умело организованный каскад рассказов, притч, сочетающих возвышенную патетику проповедей, мистические прорицания с едкими насмешками, фривольными шутками и солеными анекдотами, который и составляет величественное здание «Маснави» Джалаладдина Руми.

Образные сравнения и емкие афоризмы, которыми так богата поэма Руми, широко распространились по всему мусульманскому Востоку, превратились в крылатые слова. Возьмем на себя смелость утверждать, что в этом отношении «Маснави» сыграло в персидской словесности такую же роль, какую в русской «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Цель, которую преследовал Джалаладдин, создавая свой труд, — в доступной и понятной форме, ясным и простым языком изложить положения и концепции как «интеллектуального», так и «прагматического» суфизма. Эту задачу он с блеском выполнил. Но «попутно» он создал блистательное поэтическое произведение, в котором воспевал совершенство и красоту человека, веру в его разум; призывал к дружбе и миру между людьми различных вероисповеданий; осуждал произвол властей, порицал узость догм официальной веры. Джалаладдин Мухаммад Балхи Руми — персидский поэт, но его творчество вышло далеко за рамки национальной литературы, оно принадлежит мировой культуре, включено в сокровищницу литературы мира.

О. Ф. Акимушкин

КОММЕНТАРИИ

Джалаладдин Руми не дал названия своему сочинению. В прозаических предисловиях, предваряющих 1-ю и 3-ю книги поэмы (с. 1, стк. 1 и 2; с. 2, стк. 17 соответственно), а также во многих местах в тексте оно именуется «Китаб ал-маснави» («Книга парнорифмующихся строк», «Книга двустиший») либо просто «Маснави». Такое безличное название ничего не говорило о теме или содержании произведения. Но еще при жизни поэта широко распространилось (а затем и закрепилось навсегда) другое название — «Маснави-йи ма'нави» («Двустишия о сокрытом смысле» либо «Поэма о сокрытом смысле»), которое, следует признать, весьма точно отражало цель автора: пояснение теории и практики доктрины мистического монизма, как он себе ее представлял и понимал. Возможно, что поводом для этого названия послужили слова самого Руми в предисловиях к 3-й и 6-й книгам (с. 1, стк. 2—3 и с. 1, стк. 2—3): *...маснави ва байан-и ма'нави* — «поэма и пояснение сокрытого смысла», а также строка из начала 6-й книги. (с. 3, стк. 1): *маснави-ра ма'нави бини ва бас* — «узришь ты сокрытый смысл в двустишиях, и достаточно».

Вступление Песнь свирели

Согласно персидской литературной традиции, 18 первых бейтов (двустиший) Вступления положили начало работы Руми над поэмой. Согласно той же традиции, оно часто рассматривалось как самостоятельное произведение и называлось «Най-наме» («Книга о свирели»). Вполне вероятно, что Вступление было написано уже после завершения первой тетради. Популярность его была велика, оно вызвало значительное число подражаний, «ответов» и комментариев. Последние писались большей частью на первые четыре строки, и только в персидской литературе их насчитывается более двух десятков.

Я со своим стволom разлучена. — В оригинале: «С той поры как меня, срезав, разлучили с зарослями камыша», т. е. имеется в виду камышовая свирель. Она служит здесь символом души совершенного мистика, которая стонет и жалуется на боль и тоску разлуки с всеобщей Душой (= тростниковые заросли) и пречистым бытием, частью которого она была в предвечности.

Хоть не постичь вам моего страданья: // Душа чужая — тайна для познанья. // Плоть наша от души отделена, // Меж ними пелена, она темна.— Совершенный человек (святой, пророк), по суфийским представлениям, является странником в миру; он, однако, не может поделиться своими печальми и радостями ни с кем, за исключением себе подобных, никому не открывает дарованного ему свыше мистического знания. Свирель — символ его духа; хотя дух и составляет некое единство с телом, но он невидим; точно так же подлинный смысл его слов, воспринимаемых органами слуха обычного человека, недоступен последнему, так как тот воспринимает лишь внешнее, а суть от него скрыта.

Любовью движим, и Муса из дали // Принес и грешным людям дал скрижали.— В оригинале: «Любовь вдохновила гору Синай, она захмелела от нее, а Муса упал в обморок». Ср. Коран, VII, 139: «...А когда открылся его Господь горе, Он обратил ее в прах, и пал Муса пораженным».

Влюбленный — прах, но излучает свет // Невидимый любви его предмет.— Точнее, «Влюбленный во прахе, возлюбленная — абсолют»; влюбленный должен ради любви к ней (т. е. ради слияния с ней) отдать все, в том числе и жизнь; но он полагает себя живым, и это мнение его является той завесой, которая мешает ему узреть предмет любви, т. е. единственно сущую Реальность. Когда он осознает, что он триедин (влюбленный, предмет любви и сама любовь), он станет совершенным и познавшим мистиком. Однако не всякий мистик может сподобиться любви свыше, любовь к себе бог вкладывает в сердце избранного.

Для истины иного нет зеркала — // Лишь сердце, что любовью воспылало.— Т. е. любовь побуждает рассказать о сокровенных тайнах, что были ему открыты и отразились в его чистом сердце, как в зеркале. Неспособность сердца отразить атрибуты божества обусловлена его загрязненностью: ржавчиной грехов, мирскими наслаждениями, самолюбованием и т. п. Зеркало сердца следует очищать при помощи постоянного упоминания (*зикр*) имени божьего, непременно под руководством опытного наставника.

Душа мистика страдает и стонет, стремясь освободиться от пут внешнего бытия и приблизить счастливый миг единения с всеобщей Душой, точно так же как сегодня сгорает на костре разлуки и жаждет мига встречи влюбленный, мечтающий о встрече с предметом своей любви. Единение со всеобщей Душой мистики называют постижением Истины, понимая под нею бога. Процесс постижения Истины слагается из микропроцессов экстатического состояния и происходит только на духовном, мистическом уровне. Собственное бытие ищущего Истину, страстно влюбленного в божество, полностью исчезает, он теряет все свои свойства и качества, душевные эмоции, растворяясь в божестве. Постигая Истину (бога), душа (и человек) одухотворяется предвечным могуществом, обретает новые, видоизмененные качества и возвращается в мир людей, чтобы их наставлять, просвещать и служить их сообществу.

**Притча о бакалейщике и попугае,
пролившем благовонное масло**

На голове его зияла плешь.— В оригинале: «С головой без единого волоска, подобной тазу и чаше». Вполне вероятно, что Руми говорит здесь о дервише суфийского бродячего братства «Каландарийа» или другого — «Хайдарийа», члены которых наголо брили голову, усы и бороду, полагая, что красота человека должна быть всем открыта. Эти дервиши многое взяли из практики бродячих буддийских монахов, носили железные браслеты на шее, руках и ногах, в ушах и на пальцах рук — кольца. По правилам своего братства они должны были все время странствовать и могли останавливаться в какой-либо местности только на ночлег. Членам этого братства не возбранялся сбор подаяния у мирян (другие братства этого не одобряли, и двери их обитателей были закрыты для каландаров).

*Есть много слов, чье сходно написанье, //Хоть и совсем различно со-
держанье.*— Перевод точно передает смысл, но потерял в образности. В оригинале: «Хотя одинаково пишутся слова “лев” и “молоко»» (по-персидски оба слова пишутся одинаково). Руми прибегнул к аллегории прописной истины: внешний вид обманчив, и по нему не следует судить о внутреннем содержании, сущности явления, предмета, человека. Таким образом, он трактует одну из доктрин суфизма о совершенном человеке (пророк, святой) и его субстанциональном отличии от простого смертного. Не отличаясь внешним видом, совершенный человек не похож на обычных людей своим тайным, сокровенным знанием мирских и духовных процессов, которые он сподобился получить благодаря тому, что на нем отразился свет предвечной, изначальной истины пророка Мухаммада. Поэтому он — наставник людей на пути познания Истины, их вождь, но людям это неведомо. Согласно учению суфизма, все пророки являются совершенными людьми, через посредство которых в мире проявляется божественная сущность.

**Рассказ о мастере
и косоглазом подмастерье**

*Пророки, коим «зло» и «похоть» имя, //Людей нередко делают косы-
ми.*— За обычными поучениями у Руми стоит мистический подтекст: суфий может ступить на второй этап мистического «пути» (*тарикат*), ведущего к познанию Истины, только очистившись от всех низменных чувств, обуревающих человека в миру, т. е. от зависти и корысти, похоти и злобности и т. п. Пока эти плотские качества существуют в душе мистика, ему не понять истинное единство всего сущего и не раствориться в нем.

Это те самые «завесы», которые покрывают ржавчиной сердце, в результате чего оно не может отразить свет абсолютного бытия (см. примеч. к Вступлению). В притче четко ощущается несомненное воздействие эпизода, изложенного Аттаром (ум. 1220) в поэме «Асрар-наме» («Книга тайн»).

**Притча о том, как некий халиф
задал вопрос Лейли
и что она ему ответила**

Чтоб зреть красу, ты должен быть Маджнуном.— Точнее, «чтобы узреть (т. е. распознать) меня». Смысл (мистический) рассказа в том, что всякий ищущий должен стремиться овладеть перцепцией мистика, дабы видеть окружающий бранный мир в его истинном свете. Маджнун (символ неугасимой и чистой любви к божеству) получил такое свойство посредством своей любви к Лейли — ему открылось в ней отражение нетленной, вечной красоты божества (неоплатонический мотив философии суфизма). Другие же видели лишь обыкновенную девушку, худую и смуглую, поскольку в мистическом смысле они были слепы. Этот же сюжет изящно обыграл и Саади (ум. 1292) в своем «Голестане» (гл. 5, рассказ 18).

Мне жаль тебя: на тропах к высям вечным // Блаженства людям не познать беспечным.— Человек, занятый мирскими делами, не может самостоятельно постичь эзотерические связи между реально сущим бытием (символ — птица) и его проявлением (символ — тень). Поэтому такой человек убежден, что тень существует самостоятельно. Избавиться от этой химеры он может только с помощью и под руководством наставника — истинного мистика, который поведет его по дороге мистического знания к богу, если человек ему полностью поверится.

Рассказ о царе Солеймане и удоде

Царь Солейман проснулся поутру, // И птицы подошли к его шатру.— Обработка мусульманской легенды о Солеймане (библ. Соломон), который созвал зверей и птиц (язык которых понимал), выяснил их таланты и способности и послал к царице Сабее Билкис удода с предложением обратиться в единую веру.

Ведь кроме речи есть язык доверья.— Как «язык доверья» переведено хамдами. Терминологически это слово означает «единодушие», «душевная гармония», т. е. имеется в виду язык чувств, язык состояний (*лисан ал-хал*), на котором безмолвно беседуют между собой сердца познавших Истину. По мнению суфиев, этот язык несравненно более выразителен и красноречив, чем обычная речь.

**Притча о том,
как помойная муха
мнила себя кормчим**

Иной, толкующий ученье сухо, // Не более мудрец, чем кормчий-муха.— Характерный для Руми выпад в адрес мусульманских богословов-схоластов, которые толкуют Коран буквально, не постигая истинного, сокровенного его содержания.

**Притча о глупце,
который убежал от смерти**

Сокряться от себя не в нашей воле, // От бога убежать нельзя тем боле.— Руми говорит здесь о мусульманской доктрине предопределения: все людские поступки, желания и действия предначертаны богом, поэтому, как бы люди ни старались, им ничего не дано изменить, они поступают так, как предопределено свыше. Человек не может убежать, укрыться от предначертанной судьбы, т. е. убежать от себя (по мистической терминологии). Индивидуальное человеческое «я» существует предвечно в потенции, оно материализуется и исчезает лишь по воле Предопределения. Вместе с тем эта притча является как бы комментарием к Корану, XXXI, 34: «...но не знает душа, что она приобретет завтра, и не знает душа, в какой земле умрет».

**История о купце,
который отправился в Индостан,
и о поручении,
которое дал ему попугай**

Сокращенная обработка рассказа, заимствованного из «Книги тайн» Аттара (ум. 1220). Последний изложил в стихах сказание об индийском мудреце и правителе Туркестана, в котором попугай прибегает к той же уловке. Попугай (как и птица вообще) — символ души/духа совершенного суфия, которая стремится воссоединиться со своей первоосновой — всеобщей предвечной Душой и достичь в результате этого акта состояния, в котором «она была до того, как стала». Другими словами, это душа на пути к Душе.

Решил купец: «В том есть моя вина — // У них два тела, а душа одна».— Здесь Руми устами купца объясняет одно из основных положений мусульманского мистицизма: они достигли того состояния, когда эмпирические атрибуты (два тела) сохраняются раздельно, но духовные качества и свойства их уже едины.

Порой посредник ты, стена порою.— В данном случае поэт не прибегает к символике, говоря о могуществе речи и слова (ср. выше). Это могучий дар, которому все под силу, он есть проявление божественной мудрости творца и ее атрибут.

**Рассказ о том, как некий
житель города Казвина
захотел украсить себе
спину изображением льва**

*И пламень Знанием зажженных свеч // Лишь Истина и может убе-
речь.*— Пояснение одной из «стоянок» на мистическом «пути» (*сабр* — «терпение», «смирение»). Суфийские авторитеты расходятся во мнении, относя эту «стоянку» то к этапу шариата, то к этапу *тариката*. Столь же различны ее определения, суть которых можно свести к следующему: суфий должен терпеливо и покорно сносить все перипетии судьбы, поскольку путь долг и тернист. Пройдя все «стоянки», соответствующие устойчивому психологическому опыту (включая отмеченную выше), суфий сумеет очистить свое сердце от ржавчины мирского, наносного, сможет отполировать его, как зеркало, способное отразить мистическое, сокровенное знание, которое открывается ему в мгновение экстаза, ниспосылаемые свыше, т. е. Истину. Через отражение этой Истины в его сердце он возжигает светочи знания и для прочих людей.

**История о том,
как волк и лисица отправились
на охоту вместе со львом**

Волк, лисица и лев олицетворяют чувственные, умственные и духовные качества мистика, вступившего на путь поисков божества. Здесь волк — это карнальная, плотская душа, лиса — разум, а лев — дух.

**Рассказ о том,
что произошло на судне
между его кормчим
и ученым грамматистом**

Суфийский подтекст рассказа: кормчий (символ мистика) не стремится познать арабскую грамматику, которая является наукой о именах; он не обращает внимания на внешние проявления, затемняющие содержание и уводящие от познания божественной сущности, которая и есть реальное средоточие и приложение всех имен.

Порой, когда бушует все вокруг, // Готовность смерть принять нужней наук. — В оригинале: «Знай, в подобном случае нужно подавление своего 'я', а не грамматика. Если ты это сделал, то смело прыгай в море». Т. е. бог взывает и возвышает тех, кто умертвил в себе все личное, свое «эго». В этом случае эти люди будут спасены. Те же, кто уповает на собственные слабые силы, гибнут из-за своих химер. В целом этот рассказ является объяснением одной из последних «стоянок» (*макам*) на мистическом «пути» (*тарикат*), которую называют *таваккул*, т. е. полный отказ от своего «я» и упование только на милость бога. Мистики, как правило, осторожно относились к осуществлению этого постулата, так как, возведенный в абсолют, он становился социально опасным, запрещая какую-либо общественную деятельность, и ставил человека вне жизни общества.

Притча о «моем» и «твоем»

Твой друг, что сам тобою стал теперь. — Здесь формулируется одно из главных положений мистицизма: подлинно влюбленный не достигнет предмета своего желания, не познает Истину, слившись с ней, пока не уничтожит в себе собственное «я». Это положение рассматривалось в двух аспектах а) глобальном, т. е. единение с Истиной (ранний этап суфизма — IX в.), и б) личном, когда ученик (*мудрид*) растворяется духовно в наставнике (на этапе развитого института «наставник — ученик» и системы братств XII—XIV вв.). В первом случае мистики считали, что только в боге и для бога действуют и движутся все их органы и части тела. Человек созерцает бога любящим человека, пока человек любит Его, видящим человека, пока человек продолжает видеть Его в своем сердце. На этой основе получило развитие главнейшее положение мистицизма — растворение, исчезновение человека в боге и обмен позициями (не субстанциональными): человек приобретает духовные атрибуты божества, а божество забирает у него человеческие, но они — божество и человек — нераздельны (на духовном уровне), являя собой один дух в двух телах: «я стал ты, а ты стал я». Джалаладдин Руми в своей книге «Фихи ма фихи» («В нем то, что в нем») пишет, разъясняя известное изречение Мансура Халладжа «Я — Истина»: «Когда кто-либо говорит: "Я — слуга божий", то этим он утверждает, что существуют двое: он сам и вне его — Бог... Когда же он говорит: "Я есмь Бог" — это значит, что нет у него собственного "я", оно исчезло. Есть Он и Он — это все, ничего не существует, кроме Бога, "я" — полное ничто». Во втором случае: я твои уши, *мурид*, и я твои глаза, твои чувства, твои восприятия и эмоции. Все, что ты, *мурид*, воспринимаешь через меня, твоего наставника (*муришда*). Это положение часть авторитетов доводила до крайности: нет ученика, он растворен в наставнике, ибо он воспринимает окружающий мир только через восприятие руководи-

теля. А раз так, то *муршид* для *мурида* есть бог или пророк Мухаммад.

Это позиция относится, как правило, к неопитам, которых обычно именуют «незрелыми» и «сырыми», т. е. неготовыми для понимания суфийской идеи, так как они не прошли определенной стадии ученичества и сопровождающего ее искусства. Только на этапе *тариката*, когда ученик пройдет ряд «стоянок», учитель сочтет возможным инициировать его в братство в качестве полноправного члена (*дервиш, факир*). Возможно, конечно, что на *мурида* снизойдет милость божья и он испытает состояние кратковременного общения с Истиной (*хал*). Такой суфий становится «другом», когда в мистическом единении личность влюбленного трансформируется в личность Возлюбленной, т. е. когда суфий может сказать другому: «Я есмь ты».

Рассказ о том, как спорили румийцы с китайцами

Рассказ написан под несомненным влиянием знаменитого труда Абу Халида ал-Газали (1058—1111) «Ихйа улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере»), где в начале 3-й части помещена аналогичная история о качестве иллюстрации мистического понятия «сердце» (*калб*). Эта же история приводится и Низами (ум. 1209) в конце первой части поэмы «Искандарнаме» («Книга об Александре»). Правда, наш автор поменял местами соревнующихся — у него полируют стену румийцы, тогда как у ал-Газали и Низами — китайцы. Притча дает метафорическое объяснение разницы между спекулятивной формальной теологией (картина, выполненная китайцами) и мистицизмом (полированная стена работы мастеров из Рума). Под румийцами здесь понимаются жители Малой Азии (Рума), а отнюдь не греки или вообще христиане. Подлинный мистик очищает и полирует свое сердце — божественный, духовный, осознающий дар в человеке подобен зеркалу, которое должно без искажений четко отражать духовный мир Истины. Теологи же, погрязшие в формализме, не понимают внутренней сути вещей и стараются всеми средствами доступного им знания украсить и разрисовать мир на свой манер.

Так людям сердце — чистое зеркало — // Дано, чтоб беспредельность отражало. — Многокрасочная картина, выполненная китайскими мастерами, символизирует мир предметный, мир осязаемых вещей, а отполированная румийцами как зеркало стена — духовный мир, душу мистика, которая лишена своих атрибутов (*ранг*), прозрачна и потому отражает свет божественного знания. Природа такого суфия двуедина, так как в ней соединились элементы божественной Души и телесной материальности. С исчезновением последней он становится субстанционально неотделим от бога.

**Притча о том,
как суфии продали осла,
принадлежавшего их собрату,
чтобы однажды наесться всласть**

Рассказ направлен против лжесуфиев, которые, нарядившись в одежды дервишей, обманывают людей мнимой святостью и по сути своей являются шарлатанами. Руми, как многие авторы до и после него, постоянно и резко, иногда не стесняясь в выражениях, осуждал псевдодервишество.

Бездумным подражаньем людям грешным.— В оригинале резче: «Ничемным бездельникам, меняющим достоинство на кусок хлеба». Обворованный суфий корит себя за то, что стал подражать этим лжесуфиям, приняв их за истинных искателей на мистическом «пути»: подражание в мистике считается необходимым и желательным лишь в том случае, если мурид-неофит (см. выше, примеч. к «Притче о твоём и моём» и Глоссарий) стремится подражать своему духовному руководителю или какому-либо знаменитому предшественнику, следуя ему во всем на всех этапах своих духовных поисков и упражнений.

**История о несостоятельном должнике,
который, сидя в тюрьме,
объедал всех других узников**

А где покой? В которъ стороне? // Там, где мы с Истиной наедине.— Речь идет о состоянии суфия, погруженного в медитацию и созерцательные размышления об абсолютном бытии, в транс.

Ибо я впредь ни по какому иску // Тебя к тюрьме не подпущу и близко.— Согласно мусульманскому праву должник, чья несостоятельность доказана свидетелями, не подлежит тюремному заключению; если он был до этого в тюрьме, то его освобождают. По суфийской терминологии, несостоятельный должник — раб божий, ничем не обладающий, принадлежащий полностью богу.

**Рассказ о том,
как некий хозяин выяснял
достоинства купленных им рабов**

На примере того, как хозяин двух рабов изменил свое мнение о первом, Руми объясняет две ступени (из трех) суфийской концепции познания: 1) *илм ал-йакин* — уверенное знание, построенное на опыте других

и приобретенное посредством чтения книг или на слух во время проповедей и поучений, т. е. знание, полученное в результате обучения; 2) *айн ал-йакин* — полная уверенность, знание, приобретенное личным, чувственным опытом; это знание предпочтительнее первого, так как оно подкрепляется практикой. В принципе эти две ступени познания соответствуют *шариату* и *тарикату* — первым двум этапам из триады мистического пути (третий этап — *хакикат*). В данном рассказе символом первого знания является ухо, процесс восприятия через этот орган слов второго раба о первом. Символом второго знания предстают глаза, которые помогли хозяину уяснить, чего стоит его раб-златоуст, который первоначально произвел на него благоприятное впечатление своей речью.

**Рассказ о том,
как человек, мучимый жаждой,
бросал с высокой стены кирпичи
в текущий поток**

Плоть есть стена, ты плоть смири однажды...— Здесь дается индизказательное пояснение двух «стоянок» на мистическом «пути»: воздержанность (*зухд*) и упование на милость божью (*таваккул*), которые близки по своим свойствам. Чтобы пройти первую, человеку следует воздержаться от греховных поступков, от стремления разбогатеть, от мирского и преходящего — словом, от всего того, что отдаляет его от бога. Вместе с тем, признавая *зухд*, мистики отвергали практику полного аскетизма и считали возможным затворничество, уединение и уход от общества лишь в двух аспектах: 1) как процесс, ограниченный во времени (добровольное затворничество на три, семь или сорок дней); 2) абсолютное прекращение какого-либо общения с людьми нечистыми, аморальными, социально опасными, стяжателями, а иногда и с сильными мира сего (практика братства «Чиштийа» в XIII—XIV вв. в Индии). В этом состоит принципиальное отличие суфийского аскетизма от аскетизма раннеисламского и христианского. Находясь на второй из указанных «стоянок», суфий полностью уповает на милость бога, на то, что тот дарует ему пропитание и кров назавтра так же, как он позаботился о нем сегодня. Подобная позиция, возведенная в абсолют, провозглашала достоинством прекращение любой человеческой деятельности и становилась в результате социально опасной. Руми (как многие авторитеты до и после него) отчетливо понимал это. Поэтому он и поясняет, что «смирять живую плоть» надо, не только верясь богу, но и своим трудом. Следует своими усилиями добиваться цели, идти к ней, используя все то, что даровано мистиком богом: ум, рассудительность, физическую силу, находчивость и т. п. В данном конкретном случае: разрушить своими руками стену, отделяющую старящегося от воды (аллегорически — мистика от источника познания).

**Рассказ о том,
как проявились мудрость
и совершенство Лукмана**

Зло — суета сует, и неспроста // От Знания происходит доброта.— В оригинале «доброта» / «любовь» (*мухаббат*). Суфийские авторитеты расходятся во мнении при определении, что есть «любовь». Одни считают ее «стоянкой» на мистическом «пути», другие же видят в ней состояние (*хал*), мгновенный душевный порыв. Словом, это горячая, неугасимая любовь к богу — дарителю всех милостей и благ.

На первый взгляд, Руми здесь, следуя за положением, разработанным представителями раннего мусульманского мистицизма, утверждает, что любовь к богу (в переводе — «доброта») проистекает от мистического Знания, которое тот вложил в сердце мистика: иными словами, суфий контролирует разумом свои мистические восторги, трезво их оценивая.

Последующие же байты (они в переводе опущены), однако, показывают, что для Руми знание и любовь неотделимы друг от друга, а как проявление одной и той же сущности они генетически равны.

**О том, как некий владелец сада
внес разлад между суфием,
факихом и потомком Али**

Как хариджит и тот едва ли смог.— Хариджит — член одной из самых ранних сект в исламе. Эта секта первоначально поддерживала права Али (ум. 661), двоюродного брата и зятя Мухаммада, но впоследствии ее члены резко разошлись с Али по ряду политико-религиозных вопросов и порвали с его группировкой. Отсюда произошло название секты — *хариджайа* («те, кто выделился, отделился»).

**Рассказ о четырех индостанцах,
которые перессорились
между собой**

И потому от этих четверых // Аллах не принял их молитв святых.— Согласно мусульманской религиозной обрядности, молитва, нарушенная каким-либо образом в момент ее отправления (собственными ли мыслями, окликом ли со стороны или вопросом), считается недействительной и отвергается Аллахом, поскольку молящийся должен быть полностью сосредоточен на процессе молитвы, на ее содержании и на ее адресате.

**Рассказ о том,
как бедуин наполнял
переметную суму песком**

В классической персидской литературе бедуин (араб-кочевник) выступает обычно как недалекий простак, чье простодушие не уступает его наивности (однако отмечаются также щедрость и гостеприимство, присущие бедуинам). В данном случае простоватый бедуин является символом эзотерического, скрытого знания, которое недоступно философствующему бродяге, под которым подразумевается богослов.

**О том, как мышь
украла верблюжий повод**

В этой притче, как и в ряде других (см., например, «Историю о муле и верблюде»), Руми, адресуясь к новообращенным *муридам*, старается подчеркнуть в аллегорической форме руководящую роль наставника на пути духовного совершенствования суфия-мистика, предостеречь от самонадеянности.

**Рассказ о поисках дерева,
чьи плоды даруют бессмертие**

Что имя? Лишь название предмета, // Подумай, что таит название это? — В этих строках и во всем рассказе ярко проявляется эзотеризм Руми. Он поясняет скрытую природу божественной Истины, единственной, поскольку бог един, но объясняемой по-разному разными народами. Расхождения и споры касаются лишь формы (а не содержания), внешних эзотерических атрибутов сущности, проявляющихся в именах и названиях. Вместе с тем, поскольку божественные атрибуты становятся очевидными только в результате их действия (и описать их можно только словами-именами, которые не отражают их истинной сути), постольку и человеческие качества, будучи неотделимы от духовной сущности человека, скрыты даже от того, кто обладает ими.

**Рассказ о том, как из-за
винограда перессорились четыре человека,
поскольку не понимали языка друг друга**

Эта притча — одна из наиболее известных в «Маснави» — поясняет мысль, высказанную Руми в предыдущем рассказе: раздор возник из-за формы, а не из-за содержания, собственно, из-за названия-имени.

Аналогичную основу, по мнению Руми, имеют и другие религиозные споры: разные люди веруют в единого для всех бога, но наделяют его различными именами. Решающую роль для сохранения мира между людьми, между народами играют, считает Руми, пророки и совершенные мистики, которым ведомо эзотерическое, скрытое от простых смертных, истинное содержание слов и явлений. Только они могут пояснить, что есть Deus, Аллах или Бог.

О, если б повстречать им знатока.— В оригинале не «знаток» а *сахиб-и сирри* — достигший совершенства мистик, которому открыто сокровенное знание.

**История о том, как
некий селянин обманул горожанина,
настоятельно приглашая его погостить**

Длинный и, казалось бы, банальный рассказ на самом деле весьма интересен: на примере прижимистого селянина, который одержим накопительством и стяжательством, Руми излагает свое отношение к суфию, претендующему на членство в братстве мистиков, хотя, в сущности, это невозможно, поскольку он весь во власти мирских забот, страстей и желаний. Селянин — лжесуфий. Горожанин же, наоборот, олицетворяет собой истинного искателя бога на мистическом «пути», который не полностью одолел путь к «стоянке осмотрительности» (*вара'*) и ошибочно принял одно из своих психических состояний за озарение любовью. Он впал в заблуждение и с лихвой поплатился за него, но сумел осознать причины своей ошибки, увидел, что друг-селянин просто духовный спекулянт. Руми часто и яростно выступает против лжесуфиев, которые паразитируют, по его мнению, на положениях и идеях истинного мистицизма.

**Рассказ о том,
как Маджнун ласкал собаку,
которая обитала на улице Лейли**

По мусульманским обычаям, собака считается «нечистым», неудобным богу животным. К собакам относятся брезгливо, общение человека с ними регламентировано рядом оградительных запретов. Например, прикосновение к ней требует особого омовения, одежда, которую тронула собака, становится нечистой, и в ней нельзя отправлять молитву, не говоря уже о строгом запрете есть мясо собаки или пользоваться одеждой и шапкой, сшитой из ее шерсти, и т. п.

Не должно мудрецам являть поспешность, // Судить не свойства скрытые, а внешность. // Когда душа предмета вам важна, // Любая

станет раем сторона.— Руми здесь обращается к одному из основных положений суфизма: необходимо вникать в скрытую природу веры, а не придавать значение ее внешним атрибутам и проявлениям — соблюдению обрядов, ритуалов, правил, догм, установлений и запретов. Цель одна: познать божественную Истину. К формальной обрядово-ритуальной стороне веры суфизм относился безразлично; по мнению теологов, суфии нередко нарушали предписания ислама. Маджнун здесь — олицетворение истинного и совершенного мистика, который ласкает «нечистую» собаку, поскольку свет благодати, исходящий от предмета его чистой и всепоглощающей любви (т. е. Лейли), падал на нее, живущую рядом с домом Лейли. С другой стороны, Маджнуна, поступающего против предписаний ислама, нельзя судить за его поступки, так как он безумец.

**О том, как некто
смазывал губы курдючной коркой,
чтобы думали, будто он сытно ест**

Суфий, встав на путь поисков Истины, должен очиститься от всех человеческих пороков (таких, как злоба, алчность, стяжательство, бахвальство, похоть, зависть и т. д.) еще на первой стадии (*шариат*) этого пути; рассказ иллюстрирует казус, возникший из бахвальства, основанного на чрезмерной гордыне.

Когда неправды нет в твоих словах, // Достоин ты блаженства в двух мирах.— В оригинале: «Избирай всегда правду своим ремеслом». Имеются в виду два мира: земной, юдоль печали, и мир горний, обитель блаженства и счастья. Суфии не отрицали эсхатологических положений ислама о наличии загробного мира, но они, как правило, трактовали этот мир метафорически, видя в нем состояние блаженства, проистекающее от познания Истины и достижения вечности, «живя в боге». В этом состоянии мистик уже не простой смертный, а «совершенный» человек, который, обретя не вечное блаженство истинного знания, возвращается к людям с особой миссией: наставлять и направлять людей на жизненном пути, он несет им слово правды, говорить неправду он органически не в состоянии.

**Рассказ о том, как шакал
угодил в бадью с краской и, став разноцветным,
решил, что он не шакал, а павлин**

Чрезвычайно распространенный сюжет, берущий, видимо, свое начало в древнеиндийской литературе. Аналогичные рассказы имеются в «Калиле и Димне», «Тути-наме» Нахшаби, у его предшественников Имада На'ри в «Джавахир ал-асмар» (напомним, что этой же теме посвящена басня Эзопа).

Ибо никто, бывавший лишь в пустыне, // Нам не расскажет о святой Медине. — В оригинале: «Если я не бродил в пустыне, то что я могу сказать о долине Мина?» Здесь Руми аллегорически сравнивает ритуал мусульманского паломничества (*хаджж*) с притязаниями шакала. Паломник, перейдя пустыню, приходит в Мекку и покидает ее, чтобы завершить *хаджж* ритуальными церемониями в ее окрестностях, кульминацией которых служат обряды в долине Мина (около 8 км от Мекки). Таким образом, не побывав в долине Мина, нельзя считать, что ты совершил паломничество. В мистическом толковании метафора означает следующее: если ты не прошел мистического «пути», если ты не растворился в божестве, то как же ты претендуешь на то, что достиг предмета желаний всякого мистика? Шакал требует, чтобы его называли райской птицей — павлином, метафорически это означает, что он претендует на звание *кутба*, т. е. главы всей мистической иерархии скрытых святых, совершенных людей, живущих в сем мире. Он не прошел «стоянок» пути, его не озаряли экстатические состояния, т. е. он не изменился субстанционально, а изменился лишь внешне — угодил в чан с краской. Поэтому все его притязания тщетны.

О том, как горный козел теряет рассудок

Руми здесь вновь обращается к человеческим страстям: много найдется людей, которые, стремясь убежать от Предопределения (здесь — охотники), ищут спасения среди гор мирских забот и чувственных утех; но они не понимают, что данное убежище прольет их кровь и погубит их.

Ведь и герою собственная страсть // Страшней порой, чем прочая напасть. — В оригинале вместо «героя» — Рустам (см. Глоссарий). Здесь намек на причину гибели Рустама: страсть к охоте на диких зверей, которая побудила его принять предательское приглашение правителя Кабула. Во время охоты Рустама вывели на яму-западню, вырытую специально для него, он упал туда, получил много ран и умер.

Притча о спорах по поводу облика слона

Приводя эту притчу, Руми следует за своими предшественниками, и в частности за Абу-л-Мадждом Сана'и (ум. 1130). Правда, у Руми сказано, что пришедшие не могли разглядеть слона из-за полной темноты в помещении. У Сана'и же слона ощупывают слепые и делятся своими соображениями по этому поводу.

«Алифа» он прямой», — решил юнец, // «Как “даль” он согнут!» —

возразил мудрец.— Очень распространенные в персидской литературе сравнения с буквами алфавита. Буква «алиф» представляет собой вертикальную черточку; буква «даль» изогнута примерно под углом в 45°.

Рассказ об учителе

Помощник совершенства — наш язык.— Ссылка на изречение пророка Мухаммада (*хадис*): «Красота мужа скрыта в его речи» (см. Ф у р у з а н ф а р. Ахадис-и маснави. Тегеран, 1954, с. 78, № 215).

«Тех ждет недуг, кто мнит себя недужным».— *Хадис* (Ф у р у з а н ф а р. Ахадис-и маснави, с. 79, № 218): «Если вы притворяетесь немощными, когда рядом со мной, воистину станете немощными».

Рассказ о том, как мул жаловался верблюду на то, что часто падает

Типичная для Руми аллегория: верблюд символизирует совершенного мистика, которому все видится озаренным божественным Светом; мул — это человек, который слеп духовно, он раб своей плотской души.

Рассказ о терпеливости Лукмана

Рассказ поясняет понятие терпеливости (*сабр*) — главной отличительной черты суфия. Различные теоретики суфизма по-разному определяли этот этап на пути мистического совершенства. Тот, кто его прошел, обретает умение спокойно воспринимать как милость и благодать, так и трудности, лишения и невзгоды.

Рассказ о том, как собака каждую зиму давала клятву построить для себя дом, когда настанет лето

Рассказ, в сущности, является комментарием к Корану, XXX, 32—33: «А когда людей коснется зло, они зывают к своему Господу, обращаясь к Нему. Потом, когда Он даст вкусить от Себя милосердие,— вот одна часть из них придает своему Господу сотоварищей, чтобы не благодарить за то, что Мы им привели».

**Рассказ о том, как орел утащил
и поднял ввысь сапог Пророка**

Я лишь собой был занят в этот миг // И смысл твоей услуги не постиг.— Стихотворная обработка известной легенды, зафиксированной в арабских источниках, о чуде, сотворенном орлом. Руми ввел в сюжет вора, в легенде отсутствующего. Поскольку Пророку ведомо все сокровенное, он должен был знать, что во втором сапоге притаилась змея, но в этот момент он был занят мыслью о своих сапогах, что не положено, так как он совершал ритуальное омовение после молитвы. Предвечный свет его Истины просветил глаза орла и раскрыл ему суть происходящего. Некоторые мистики толкуют эту легенду в том смысле, что в очень редких случаях ученику бывает известно то, чего не знает его руководитель (*муршид*). Случай с сапогом является также примером того, что даже Пророку не дано отвлекаться от молитвенного обряда.

**Рассказ о том,
как любимая спросила у влюбленного,
какое место в мире лучше всех других**

Юсуф Прекрасный где ни приживется, // Там рай, хоть это будет дном колодца.— Имеется в виду легенда об Иосифе Прекрасном, младшем сыне Иакова, которого завистливые злые братья бросили в сухой колодец, сообщив отцу, будто его растерзал дикий зверь. В исламе эта легенда получила широкое распространение и разработку, начиная с Корана, в котором Иосифу посвящена сура XII. В суфийской литературе образ Иосифа стал символом непорочности и душевной чистоты, провидца и вещего толкователя снов, которому известно скрытое знание. Его неотразимая красота трактуется как отражение божественной красоты в человеческом облике. Иосиф (Юсуф) стал героем многих произведений в литературах мусульманского Востока. Идея, выраженная в ответе влюбленного, ясна: мистик должен стремиться к единению с предметом своей любви, т. е. с божеством.

**Рассказ о том, как Пророк (мир ему!)
поставил во главе войска юношу
из племени хузайл**

По всей видимости, Руми не знал точно, кого именно поставил Мухаммад во главе войск, посланных им в поход на Сирию незадолго до смерти. Поэтому он неопределенно назвал его юношей-хузайлитом. В действительности этим полководцем был Усама б. Зайд ал-Калби, сын раба

Мухаммада, сыгравший заметную роль в ранней истории арабской империи. Приказ Мухаммада утвердил его преемник халиф Абу Бакр (632—634). Было много нареканий в адрес Усамы, связанных главным образом с отсутствием у юноши опыта руководства войсками. Последующие события подтвердили правоту Мухаммада.

**Рассказ о дубильщике кож,
который потерял сознание на базаре**

Предписывает мудрость древних книг // Тем и лечить, к чему большой привык.— В оригинале в первой строке: «Таким образом изрек великий Гален». Вторая строка представляет собой хорошо известный афоризм древнегреческой и арабской медицины, основанный на утверждении, что природа — лучший врачеватель и что привычка — вторая натура. Данный рассказ появился у Руми под прямым воздействием аналогичной истории «Асрар-наме» Аттара.

**Рассказ о лавочнике,
у которого были разновесы из глины**

Один любитель глину пожевать...— Геофагист — символ нерадивого, обуреваемого мирскими и плотскими чувствами ученика (*мурид*), который потворствует своим желаниям вкусно попить и поесть и не думает о духовном совершенстве. Лавочник — наставник (*муршид*), который, зная о его слабости, держит его в неведении о своей осведомленности.

**Рассказ о суфии,
который застал свою жену
с чужим мужчиной у себя в доме**

Почтеннейшая видит и сама: // У нас обитель скромная весьма. — Эта часть рассказа — пояснение суфийского положения о добровольной бедности. Тесная обитель — символ подлинного дервиша, в котором нет ничего, кроме бога.

**Рассказ об одном факихе,
который носил большую чалму**

Эта притча — зарисовка с натуры, жизненный казус. Рассказывая о нем, Руми не упустил случая поиздеваться над мусульманскими юристами, которые имели обыкновение носить чалмы и тюрбаны больших, чем

нужно, размеров. Собственно, величина чалмы отражала важность поста, занимаемого ее владельцем. На Востоке в чалму, как в потайной карман, прятали различные ценности, вещи и деньги. Именно поэтому ее и сорвал с головы *факиха* вор.

**Рассказ об отшельнике,
который веселился
в голодный год**

Вы ж отошли от божьего закона...— Аскет (*захид*) объясняет людям, что хоть высшая Реальность и ниспослала им наказание за то, что они погрязли в мирских заботах и чувственных пороках, тем не менее она милостива и милосердна, поскольку наказание выпало лишь на долю некоторых. Если же устремиться помыслами к богу, как это делает аскет, то милость божья распространится на людей. То, что люди воспринимают как недород, вызвано не физическим голодом — это голод духовный; смерть, постигшая часть людей, обусловлена болезнью духа и ослаблением веры в Высшее существо.

И стала кровью нильская вода...— Одна из десяти «казней египетских», которые бог через пророка Моисея (Муса) ниспослал на египтян, состояла в том, что вода Нила приобрела цвет крови, стала смрадной и непригодной для питья. Когда царь Фараон удовлетворил требование Моисея, вода в Ниле стала обычной.

**История о водоеме, о рыболовах
и о трех рыбах**

О том рассказ в старинной книге есть, // И мог бы грамотей любой прочесть.— В оригинале содержится точное указание источника, из которого Руми почерпнул сюжет рассказа: «Ты (читатель) смог бы прочесть ее в книге „Калила и Димна“».

Мы говорим, что заяц спит, труслив, // И зрит во сне собак, ни мертв, ни жив.— Согласно поверью, заяц спит с открытыми глазами. Метафора «сон зайца», употребленная Руми, означает беспечного человека, который внешне выглядит бдительным.

И брюхом вверх, чтобы спастись от зла, // Вниз по теченью рыба поплыла.— Подлинный мистик, очутившись в воде, не должен прилагать физических усилий, чтобы плыть, например, к берегу. Ему следует лишь держаться на поверхности, уповая на течение, т. е. на божий промысел.

**Рассказ о том,
как продают лунное сияние,
выдавая его за холст**

На тот базар, где шум и суета, // И мы пришли, чтобы купить холста.—

Перевод здесь несколько отошел от оригинала. У Руми: «Сей мир — чародей, мы же в нем — торговцы, покупающие куски лунного света». Поэт обыгрывает здесь широко распространенное в его время поверье, что льняное полотно (холст) портится, если на него падает лунный свет. Процесс разрушения становится особенно быстрым, если ткань замочить в воде в момент, когда на небе одновременно видны солнце и луна. Смысл аллегории ясен: мир вещей, чувственный и осязаемый, непрестанно вводит человека в заблуждение: при лунном свете он продает холст, а с наступлением дня делается видно, что нет ни денег, ни полотна. Поэтому следует познавать скрытую сущность вещей, которая представляет собой истинную Реальность, а не обманываться их внешними атрибутами.

**Притча о еде и едоке,
или о том, кто ест
и кого едят**

Руми метафорически толкует тезис суфиев о всеобщей зависимости и взаимосвязи в природе. По представлению мистиков, развитие в мире идет по вертикальному кругу как в органическом и физическом мире, так и в мире духа. Процесс этот вечный, но, двигаясь по этому кругу, вещь меняется, не только теряет часть своих атрибутов, но может превратиться и в свой антипод. При этом, как полагали суфии, каждое живущее существо представляет собой утробу, которая служит могилой для одних форм бытия и местом рождения новой формы.

**Рассказ о том, как некий ученик,
придя к своему наставнику,
застал того плачущим**

Но все ж его основа — подражанье.— Притча иллюстрирует противоположность состояния *ваджд* (найти Бога и испытать умиротворение в момент его обретения), т. е. экстаза, который возникает в душе мгновенно и спонтанно, как озарение, и практики *таваджуд* (пытаться достичь экстатического состояния посредством внешних раздражителей и средств, т. е. алкоголя, наркотиков, кофе). Последнее рассматривается как подражание и имитация (*таклид*), которая не имеет никакой цены по сравнению с действительным внутренним опытом (*тахкик*), полученным через *ваджд*, а ведет лишь к самообману.

Маджнун

Хоть не страшился даже льва в пустыне. — Согласно легенде, страстно влюбленный Маджнун удалился в пустыню, где бродил, распевая песни о Лейли, в окружении диких зверей, которые, когда он спал, его охраняли.

«Хоть друг от друга страждем мы вдали, // Нет грани между мною и Лейли. // Лейли и я — мы друг без друга — прах. // Мы с нею — дух единый в двух телах!» — Здесь Руми вновь возвращается к основному тезису монистического суфизма — тайне единения, единства (*иттихад*) с Другом, т. е. божеством. Такое единение подразумевает тождество, идентичность и полное уподобление души мистика и бога (либо божественной Души). При этом эмпирическое бытие остается неизменным, но душевные качества субстанционально изменяются. Такое состояние достигается истинной и чистой любовью мистика к Другу, столь безграничной, что он сам духовно исчезает, как бы растворяется в нем. Наряду с этим суфии считали, что такая любовь может появиться в душе влюбленного лишь по милости свыше. Поэтому они ввели в свою концепцию психических состояний на мистическом «пути» состояние страха (*хауф*) — страха, что бог не примет любовь суфия, что она ему будет негодна. Словом, любовь к богу столь трансформирует мистика, что он, согласно Ибн ал-Араби (ум. 1240), сам есть любовь, влюбленный и предмет любви, т. е. и искатель, и предмет поиска, и сам поиск (ср. выше, коммент. к «Притче о твоём и моём»). Превосходной иллюстрацией к первому положению рассказа служит знаменитая газель Руми «Ты и я» (см.: Литература Ирана X—XV вв. Восток. Сборник второй. М.—Л., 1935, с. 393).

Рассказ про лису, льва и осла

Построение данного рассказа, сюжет которого Руми заимствовал в «Калиле и Димне», весьма характерно для всей поэмы, для творческого метода Руми. По композиции это обрамленная повесть, в которую наряду с рамочным рассказом, представленным диспутом между ослом и лисой, включены вставные притчи, рассказы и анекдоты, не слишком связанные с основной темой, но, по замыслу поэта, призванные иллюстрировать то или иное положение, выдвигаемое в процессе спора. В переводе рамочный рассказ приведен с незначительными сокращениями. Из 18 вставных рассказов и притч, входящих в обрамленную композицию, представлены две («Притча об осле водовоза и шахских скакунах» и «Притча о человеке, напуганном тем, что на улице хватили ослов»), которые вынесены переводчиком Н. И. Гребневым за рамки истории о лисе, льве и осле.

В этом весьма растянутом рассказе (он занимает с. 54—73 бомбейского издания 1856 г.) Руми вновь обращается к основным положениям мусульманских мистиков и поясняет их: *сабр* («терпение», «терпеливость»),

таваккул («упование», «надежда на милость бога»), *риза* («покорность», «довольство судьбой») — все это «стоянки» (*макам*) на мистическом «пути» (*сулук*), т. е. устойчивые психические состояния, достигаемые посредством постоянных усилий и упражнений путника. О них шла речь в комментариях. Осел — символ нестойкого и неустойчивого в своих намерениях «искателя Истины». Он знает о мистических «состояниях», рассуждает об их необходимости и т. п., но сам, давая обет покаяния (*тауба*), не выдерживает доводов своей плоти, подогреваемых коварным разумом (лиса), и терпит поражение, закончившееся для него трагически. Почему? Это происходит потому, считает Руми, что рядом не было наставника, который указал бы ему верный путь и удержал бы от опрометчивых действий.

Что бог послал, иного мне не надо. // Терпенье — для несчастного награда...— Первая строка навеяна Кораном, XLIII, 31: «...Мы разделили среди них их пропитание в жизни ближней...»

Как ни похвальна скромность, все ж навряд // Тот, кто не ищет клада, сыщет клад.— Достаточно вольная версификация оригинала: «Поскольку Пророк назвал довольство малым кладом, то ведь не по силам каждому обнаружить спрятанное сокровище». У Руми это перевод *хадиса* (см. Ф у р у з а н ф а р. Ахадис-и маснави, с. 22. № 53; с. 169, № 536). Речь идет о довольстве малым (*кана'ат*) в смысле «нетребовательности», «нестяжания», т. е. безропотного, фаталистического принятия своей судьбы без попыток ее улучшения. Это понятие достаточно близко понятию «терпеливость» (*сабр*). С суфийскими понятиями «довольство малым» и «упование на милость бога» связано положение о точном различии между пропитанием дозволенным (*хилал*) и запретным (*харам*). Вокруг этого тезиса велись яростные споры среди суфиев первых веков ислама. Например, утверждали, что не следует ничего брать из рук воина (либо представителя власти), так как это добыто ими несправедным путем, с помощью насилия. Большинство суфиев разделяло точку зрения: дозволенное пропитание получают личным трудом.

Создатель корм для поддержанья сил // Дарует всем, кого он сотворил.— Парафраз Корана, XXXIX, 60: «Сколько животных, которые не приносят себе пропитания, Аллах питает их и вас».

Нам в праздности не должно пребывать // Стремиться — вот что значит уповать.— В слова лисы Руми вкладывает идеи секты кадаритов, полностью отвергавших божий промысел, регламентирующий действия человека, и признававших волю человека абсолютно свободной, как и его поступки, за которые он несет полную ответственность. Руми занимал промежуточную позицию между отмеченной точкой зрения и идеями секты джабаритов. По его мнению, человек действует по принуждению, но по своей воле: в о о б щ е бог определяет и регламентирует поступки человека, но в каждой конкретной ситуации, в каждом частном случае человек все же действует по своему желанию и выбору.

Где ныне суфий, мудрый и бывалый? // Тот, что на двор заехал постоянный.— См. «Притчу о том, как суфии продали осла, принадлежавшего их собрату».

Пророк был прав, сказавши: «Иногда // Толкает нас к неверию нужда».— Парафраз хадиса: «Воистину глубокая бедность почти что неверие» (Ф у р у з а н ф а р. Ахадис-и маснави, с. 44, № 112).

**Притча о том,
как осел водовоза увидел
в ханской конюшне сытых
и довольных жизнью арабских скакунов**

Эта притча иллюстрирует два положения, о которых шла речь в предыдущем рассказе: «довольство малым» и «упование на милость бога». Здесь вновь Руми поднимает вопрос удела каждого — насущного пропитания (*ризк*) и того, как каждый его зарабатывает.

**Притча о христианском монахе,
который среди бела дня бродил
со свечой в руке в поисках человека**

В этой притче, безусловно, нашла отражение легенда о греческом философе Диогене Кинике (404—323 гг. до н. э.), которого мусульманские авторы представляли отшельником, жившим в бочке, мудрецом, на которого нисходило божественное безумие. Слово *рахиб*, переведенное как «христианский монах», в качестве термина может прилагаться также к манихеям и буддистам. Монах ищет человека, душа которого помнит о том состоянии единства с богом, в котором он находился в предвечном бытии, т. е. до своего создания.

**Рассказ о том, что ответил
хозяин человеку, который утверждал,
что все на свете предопределено**

Ответил вор: «Я ль грешен потому, // Что, божий раб, господню рву хурму?» — Руми говорит здесь о сторонниках божественного Предопределения — джабаритах (от *джабр* — «принуждение»), которые отрицали свободу воли у человека и считали, что человек лишь присваивает себе действия, которые, по существу, совершаются богом. Все человеческие поступки предопределены, поскольку каждый человек, с его характером, потенциями и грядущими делами, создан богом. Об оппонентах джабарит-

тов, сторонниках свободы воли — кадаритах (от *кадар* — «власть»), с которыми джабариты вели ожесточенные диспуты в VIII—X вв., см. выше («Рассказ о лисе, льве и осле»).

**Рассказ о том,
как люди уговаривали Маджнуна**

Краса не очертание сосуда, // А то, что наливают нам оттуда. — В оригинале: «Внешний вид — это кувшин, красота — это вино. Бог наливает мне вино из ее облика» (т. е. сосуда). В этом рассказе Руми опять обращается к тезису, что лишь тот, кто обладает мистической перцепцией, сможет увидеть реальное бытие вещей (см. комментарий к «Рассказу о том, как халиф задал вопрос Лейли»). Здесь имеется в виду мистическое понятие красоты: красота Лейли отражает красоту бога, которая зрима только Маджнуном, страстно влюбленным в ее обладателя. Поэтому красота Лейли названа вином, которое даруется избранным (Маджнуну).

**Рассказ о муаззине,
у которого был противный голос**

Будь я султаном, от своих щедрот // Твой золотом наполнил бы я рот. — Это не гипербола Руми, а действительно существовавший обычай, практика, засвидетельствованная документами. На средневековом Востоке за полюбившиеся правителю-патрону стихи поэту, состоявшему на литературной службе, набивали рот золотыми монетами и драгоценными камнями. Источники приводят немало подобных примеров. В частности, известно, что по приказу султана Махмуда Газнавида (998—1030) главе поэтов его двора Унсури (ум. 1039 или 1049) трижды набивали рот жемчугом за удачный экспромт.

**Рассказ о хозяине дома,
его жене и о совершенном
гостеприимстве**

В данной аллегории хозяин символизирует духовные и умственные способности (*калб* и *акл*) мистика, а его жена — плотскую чувственную душу (*нафс*), которая, естественно, далека была от радости принимать пришельца, в чьем облике она не могла распознать гостя из «сокровенного мира».

)/ **Рассказ о том,
как султан Махмуд
посредством жемчужины
испытывал своих
приближенных**

Жемчужина здесь — знак мирского богатства и сиюминутных желаний и забот.

А между тем такое награждение // Их уводило прочь с пути спасенья.— Дорогие подарки, пожалованные Махмудом своим придворным, в действительности были обманом и признаком неудовольствия: он предавал царедворцев в руки их собственной судьбы. Так, по суфийским понятиям, бог поступает с властителями, обуреваемыми мирскими страстями.

А подражанье — это тяжкий грех...— О подражании (*таклид*) и об отношении к нему суфиев см. комментарии к «Рассказу о том, как суфии продали осла своего собрата» и «Рассказу о том, как некий ученик, придя к своему наставнику, застал его плачущим».

Султан без сожаления изгнал // Тех, кто его веление пограл.— В оригинале: «Шах дал знак преданному палачу: Очисти, мол, мое присутствие от этих низких людей».

В иносказательном толковании этого рассказа султан Махмуд предстает богом, Аяз (фаворит султана) — совершенным человеком, который выступает ходатаем за грешников в день Страшного суда, а «преданный палач» — ангелом божьей кары.

Притча о муравье

Меж тем любая тварь — всего лишь глаз, // Чтоб видеть Истину в счастливый час.— О понятии «Истина» у мистиков, о ее достижении и познании см. выше, комментарии к «Вступлению», «Рассказу о том, как захотел сделать себе татуировку казвинец», «Притче о твоём и моём».

**Рассказ о некоем больном,
на чье выздоровление лекарь
не питал надежд**

В сих случаях леченье это, брат, // Предписывает и святой аят.— В переводе утрачена часть ассоциативных связей оригинала. Букв.: «Подобному же больному, братец, сказал Всевышний: // “Делайте, что пожелаете”». Ср. Коран, XLI. 40

**Притча об истинном
благочестии и о зле,
наряженном в одежды
набожности**

В этой притче заметен явный тираноборческий мотив, который, кстати, присутствует и в Коране: если сильные мира сего, тираны, нарушают «мусульманскую» справедливость, то против них следует бороться. Эта черта прослеживается на протяжении всего хода эволюции суфизма в разных его школах и направлениях. В целом суфизм отражал идеологию средних и низших социальных слоев города, поэтому в нем достаточно ярко были выражены антифеодальные настроения. Противопоставляя себя официальной религии, тесно увязанной с государственной машиной в нераздельное теократическое единство, суфизм, невзирая на мотивы, которыми руководствовались те или иные его отдельные представители (или местные братства), неизбежно выступал против существующего государственного правопорядка. Это выражалось то в форме решительного отказа от каких-либо контактов с властями (братство «Чишти́й» в Индии XIII—XIV вв.), то в форме прямого конфликта с ними, когда дервиши возглавляли выступления городской или сельской бедноты (как правило, это были члены братств «Каландарий», «Бекташий» и «Хайдарий»). Часть этих выступлений переросла в настоящие крестьянские войны (например, в XIV—XV вв. в Малой Азии, в XIV в. в Иране и Средней Азии).

*Зачем молитву, чистое деянье, // Ты превращаешь в наше наказание?
// Ужель мученья мы должны терпеть // Лишь потому, что ты идешь
в мечеть?* — К сожалению, в переводе несколько стусевалась идея Руми, выраженная в словах избитого суфия, обращенных к владыке: «Жестокость — вот твое богоугодное дело. Ты следуешь в мечеть, чтобы просить открыть сокровенное, но идешь туда не чистым, а с грузом злых и преступных деяний». Последние слова перефразируют Коран, XVI, 27: «Дурно то, что они понесут».

**Рассказ о том,
как баран, верблюд и бык
нашли на дороге охапку сена**

Что в жертву соблюдавшими закон // Был вместо Исмаила принесен! — Согласно мусульманской традиции, именно Исмаила собирался принести в качестве жертвоприношения Ибрахим (библ. Авраам). В Коране (XXXVII, 99—107) не упоминается агнец библейского предания, а сказано: «И искупили Мы его великою жертвой» (Коран, XXXVII, 107). Рассказ в целом поясняет бесполезность знания, которым обладают богословы, и тщетность их схоластических, беспочвенных споров (бык и баран). Верблюд — символ мистика, носителя сокровенного, подлинного Знания.

**История о любви
лягушки и хомяка**

Сюжетно притча весьма близка к басне Эзопа «Лягушка и мышь».

В ней было подтвержденье изреченья, // Что милость божья — это единенье.— Последняя строка парафраз хадиса (см.: Ф у р у з а н ф а р. Ахадис-и маснави, с. 31, № 76).

А любящий подруге, что желанна, // Молитву сотворяет постоянно.— Парафраз Корана, LXX, 23: «которые в своей молитве постоянны».

ГЛОССАРИЙ

Аяз — Абу Наджм, раб и фаворит Махмуда Газнавида (см.), после смерти Махмуда был правителем Кусдара и Систана, умер в 1057—58 г. В персидской поэзии Аяз стал синонимом юношеского изящества, красоты, учтвого обхождения и преданной любви. Мистики XII—XIII вв. считали его совершенным человеком, наделенным абсолютным Знанием, поскольку он достиг единения с предметом любви и, таким образом, постиг высшую Истину (т. е. бога).

Азраил — ангел-вестник смерти, один из четырех главных ангелов мусульманской «небесной иерархии» (другие: Джабраил, Михаил, Эсрафил). По преданию, Аллах подчинил ему смерть, так как он сумел вопреки сопротивлению земли взять «с ее четырех сторон горсть глины» разных цветов, пошедшей на создание Адама.

Али — двоюродный брат пророка Мухаммада, женатый на его дочери Фатиме, четвертый «праведный» халиф (убит в 661 г.); у шиитов считается первым имамом (см.). В мусульманской традиции Али — герой ислама, праведник, отважный воин, мудрый вождь и красноречивый оратор.

Аят — досл. «знамение», «чудо». Этим словом обозначаются отдельные ритмические фразы, из которых состоит Коран (за пределами мусульманского мира их называют обычно стихами). Аяты объединяются в разные по величине суры, т. е. главы.

Баязид — Абу Йазид Бистами (ум. 874) — знаменитый персидский мистик, родоначальник одного из двух основных течений мусульманского мистицизма (суфизма), для которого характерны экстатический восторг и опьянение всепоглощающей, страстной любовью к богу.

Гуль — в мусульманской демонологии — злой дух женского пола. Он обитает в степях и гористых местах, сбивает с пути странников, принимая различные обличья, заманивает их в гибельные места и, когда те выбьются из сил, пожирает.

Дастан — букв. «сказание», «история», «повесть». В литературах Среднего Востока, Турции и Индии обычно прилагается к значительным по размерам стихотворным и прозаическим (эпико-героико-романтическим) произведениям.

Девять небес — по представлениям мусульманского средневековья, опиравшимся на геоцентрическую теорию Птолемея, вокруг Земли концентрически располагаются девять небесных сфер: семь сфер планет (Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн), в которых они обращаются вокруг Земли, сфера «неподвижных звезд» и высшая,

девятая сфера. Выражение «до девятого неба» означает «до последнего, крайнего предела».

Дервиш — букв. «нищий», «бедняк». Общий термин для обозначения полноправного члена мусульманского братства мистиков, в более узком смысле — нищенствующий бродячий аскет-мистик, не имеющий личного достояния.

Джабраил — ангел-вестник (один из четырех главных ангелов мусульманской иерархии), божий посланник, по преданию передавший Мухаммаду текст Корана; соответствует библейскому архангелу Гавриилу.

Джунайд — Абу-л-Касим ал-Джунайд Багдади (ум. 910) — знаменитый персидский мистик. Родоначальник одного из двух основных течений в мусульманском мистицизме, названного учением о «трезвости» и полном самоконтроле.

Джухи (Джуха) — внешне глуповатый, недотепа и простак, герой многочисленных анекдотов и коротких фаблио. Сборник рассказов о нем упоминается уже ан-Надимом (X в.).

Дивана — блаженный, юродивый, божий человек, наделенный свыше даром прорицания. В суфийской среде эпитет «дивана» прилагали исключительно к экстатичным лицам.

Динар — золотая монета, имевшая хождение на мусульманском Востоке со стандартным весом 4,235 г. Как мера веса был равен классическому мискалю (4,235 г).

Дирхем — серебряная монета, имевшая хождение на мусульманском Востоке со стандартным весом 2,82 либо 2,96 г. Как мера веса стандартный дирхем был равен 3,125 г.

Дукан — торговая лавка ремесленника или сундук-прилавок с навесом в торговых рядах.

Зиндан (перс.) — «тюрьма», «темница».

Иблис — имя Сатаны в мусульманской мифологии. Согласно Корану, «враг Аллаха», падший ангел, изгнанный из рая и проклятый Аллахом за то, что он — единственный из ангелов — отказался поклониться сотворенному богом Адаму. Однако Аллах после изгнания из рая все же разрешил ему совращать тех потомков Адама, которые сами последуют за ним.

Имам — у арабов старейшина, вождь, позднее у мусульман-шиитов — верховный религиозный глава.

Исмаил — легендарный прародитель северных арабов, пророк и посланник, проповедовавший людам веру в единого бога, сотворивший священный источник Мекки — Замзам.

Йазид — второй омейядский халиф (680—683), войска которого окружили и разбили отряд Хусейна, сына Али (см.), под Кербелой. Сам Хусейн погиб 10 октября 680 г. Для шиитов Йазид — символ жестокого и лицемерного человека.

Кааба — главное мусульманское святилище в Мекке: мечеть над священным камнем, к которой истинно верующим мусульманам рекомендуется ежегодно совершать паломничество.

Кади — судья в мусульманской общине, который, основываясь на коранической традиции, сунне и шариате, принимает решения как по религиозным вопросам, так и по гражданским и уголовным делам. Институт кади возник в VII в.

Казвин — город в Северо-Западном Иране, жителей которого фольклор Ирана наделяет тугодумием, отсутствием юмора и простодушием, граничащим с глупостью.

Кайс — см. Маджнун.

Калам — орудие письма, тростниковая палочка с косым расщепленным срезом на конце. Лучшими считались каламы, изготовленные из тростника, произрастающего в окрестностях г. Васита (Ирак).

Кафир — букв. «неверный», «неверующий». Так мусульмане называют всех иноверцев.

Лейли — девушка из племени Бану Амир, возлюбленная Маджнуна (см.).

Лукман — в мусульманской мифологии праведный мудрец, долгожитель, которому Аллах даровал жизнь, «равную жизни семи орлов», отмечен в Коране. В фольклоре с ним связано множество поговорок, изречений и притч.

Маджнун — букв. «одержимый», прозвание арабского юноши по имени Кайс из племени Бану Амир, который с детства полюбил свою сверстницу Лейли. Со временем любовь столь овладела им, что его поведение стало походить на безумие и Кайса прозвали Маджнуном. Легенда об их любви и страданиях (поскольку Лейли отдали за другого), возникавшая на арабской почве, послужила основой для многих романтических поэм в персидской, таджикской и прочих литературах, а сами имена Маджнуна и Лейли стали нарицательными для непорочных и несчастных влюбленных, которых разлучили люди, но соединила смерть. В суфийской символике образ Маджнуна аналогичен истинному суфию, идущему к богу, снедаемому всепоглощающей страстью к божеству.

Мазар — гробница или могила с возведенным над нею архитектурным сооружением (чаще купольного типа); место поклонения, почитаемое мусульманами как святыня.

Ман — мера веса (античная мина), которая колебалась в средние века на Среднем Востоке в зависимости от времени и места в пределах от 832 г до 6 кг. Наиболее был распространен «законный тебризский ман», равный 3 кг.

Махмуд Газнавид — правитель (998—1030) Газнавидского государства, сложившегося в X—XII вв. на территории современных Афганистана, Пакистана и Индии. Талантливый полководец и коварный политик, типичный восточный деспот. В 1000—1027 гг. совершил 17 грабительских похо-

дов в Индию. Награбленные богатства позволили ему поддерживать блеск и великолепие своего дворца. Согласно традиции, покровитель поэзии, наук и культуры, суровый правоверный мусульманин.

Мимбар — возвышение типа кафедры в мечети, с которого читаются проповеди.

Муаззин — служитель при мечети, в обязанности которого входит пять раз в сутки провозглашать с минарета мечети призыв к обязательной молитве (*азан*).

Муса — по коранической традиции, пророк и предшественник Мухаммада (библ. Моисей). Легенды и предания о нем, бытующие в мусульманской мифологии, незначительно отличаются от библейских.

Муфтий — должностное лицо в составе мусульманского религиозного суда, который имеет право выносить решения (*фетва*) по всему комплексу религиозно-правовых вопросов, опираясь на Коран, сунну и шариат и на прецеденты религиозно-юридической практики института *кади* (см.).

Намаз — персидское название мусульманской канонической молитвы (*салат*), как обязательной, так и добровольной. Обязательных молитв, исполняемых в течение суток, пять: между рассветом и восходом солнца, полуденная, предзакатная, послезакатная и перед отходом ко сну.

Огузы — объединение туркменских племен, известных мусульманам как гузы; в 1154 г. они вторглись в Хорасан и почти дотла разорили эту провинцию.

Омар — ближайший сподвижник Мухаммада, второй «праведный» халиф (634—644). Фактический основатель арабской империи, энергичный и талантливый государственный деятель. Герой многочисленных рассказов и преданий, в которых превозносятся его справедливость и верность слову.

Пери — один из духов иранской мифологии (в основном благосклонный к людям), может принимать различный облик, а также оставаться невидимым, но чаще является в виде красивой девушки или юноши, способных вселить в человека безумную страсть.

Рум, румийцы — арабское, позднее общемусульманское название Рима, а затем и Византии. К концу XI в. это название уже прилагалось к Малой Азии, входившей частично в состав Византийской империи. Первоначально под румийцами понимались не греки либо римляне, а христиане вообще, впоследствии же просто население Малой Азии, которая к XIII в. находилась под властью сельджукских султанов.

Рустам — герой иранского эпоса, богатырь, совершающий множество подвигов.

Сардар — предводитель, командир отряда, воинский начальник.

Сатир — от греч. *статир*, старинная мера веса, равная 1/40 мана (см.).

Сейид — почетное прозвание потомков Мухаммада по линиям, восходящим к его внукам Хасану и Хусейну. Составляя один из слоев в социальной структуре мусульманского общества, сейиды пользовались,

как правило, только моральным авторитетом и уважением, не обладая имущественными или государственными привилегиями.

Солейман (библ. Соломон) — согласно мусульманской традиции, сын Дауда, великий правитель, наделенный многими способностями и талантами: он понимал язык птиц и насекомых, ему служили джинны и подчинялся ветер. Особое место в преданиях о Солеймане занимают легенды о его волшебном перстне с печатью, а также о ковре-самолете, волшебном зеркале и пр.

Суфий — последователь мусульманского мистического учения, согласно которому человек может познать бога, духовно соединиться с ним и даже раствориться, исчезнуть в нем, опираясь на собственную всепоглощающую любовь к богу и психофизические упражнения.

Терьяк — опиум, наркотическое средство, получаемое из млечного сока, вытекающего из надрезов на незрелых коробочках опийного мака. Суфии использовали терьяк, равно как и другие наркотические средства и алкоголь, чтобы вызвать состояние экстаза либо погружения в медитацию. Эта практика одобрялась лишь частью суфийских братств.

Факих — знаток фикха, мусульманского религиозного права. Факих может заниматься разработкой различных аспектов религиозного права, преподавать его в мусульманских учебных заведениях, а также при наличии специальной подготовки выносить суждения и решения с точки зрения этого права по различным вопросам.

Фараон — титул правителей древнего Египта. В Коране — имя правителя, при котором жил пророк Муса. В мусульманском предании Фараон претендует на то, чтобы ему поклонялись как богу, преследует «истинно верующих» и пророка Мусу. Аллах наказал его за гордыню и сбросил в море.

Хаким — мудрец, ученый, иногда — правитель.

Халиф — букв. «заместитель», «преемник» (от араб. *халифат ар-расул аллахи* — «заместитель посланника Аллаха»). В раннем исламе — глава мусульманской общины, позднее — фактический государь халифата.

Хизр (ал-Хидр) — персонаж мусульманской мифологии, вобравший в себя черты различных героев мифов народов Ближнего Востока. Напившись «живой воды» из источника, он обрел бессмертие. Считается покровителем путешественников и странников. В суфийской литературе почитается выше прочих пророков и святых как идеальный суфийский наставник, обладающий тем внутренним знанием хода событий, в котором было отказано многим пророкам.

Хосров — имя собственное двух царей, — представителей иранской династии Сасанидов: Хосрова I Ануширвана (531—579) и Хосрова II Апарвиза (590—628); употребляется также как нарицательное в значении «государь», «царь».

Ходжа — «хозяин», «господин», иногда — «купец»; часто употребляется как обращение.

Хузайл — бедуинское кочевое племя Центральной Аравии.

Хума — вещая птица иранской мифологии; по преданию, тот, на кого падет тень от пролетающей птицы Хума, станет царем.

Хусейн — внук пророка Мухаммада, сын Али (см.) и дочери Пророка — Фатимы, убитый 10 октября 680 г. под Кербелой. Впоследствии был объявлен третьим шиитским имамом. День гибели Хусейна ежегодно отмечается у шиитов траурными церемониями.

Чанг — струнный ударный инструмент, распространенный в средневековом Иране: деревянный плоский ящик трапецевидной формы, на который натянуты струны; звук извлекался посредством удара двух палочек по струнам.

Шейх — букв: «старец», «старейшина»; в суфизме — наставник, руководитель неофитов на мистическом пути, глава суфийской обители (*ханака*, *рибат*), руководитель суфийского братства.

Шербет — прохладительный напиток из фруктового сока, сахара с добавлением холодной воды либо льда.

Шимр — Шимр ибн Зу-л-Джаушан, воин из отряда омеядского халифа Йазид I (см.), который, по преданию, уже после гибели Хусейна (см.) в сражении при Кербеле отрубил ему голову и доставил ее халифу Йазиду в Дамаск. Среди шиитов символ самого отвратительного и жестокого человека, упоминание имени которого следует сопровождать проклятием.

Эмир — командир отряда, вождь племени, князь. С VII по начало X в. эмир объединял в себе всю полноту власти в захваченных арабами областях, далее, по мере развития государственного аппарата, за ним сохранились в основном воинские функции.

Эсрафил — ангел-вестник Страшного суда; один из четырех главных ангелов, приближенных к Аллаху, который звуками своей трубы поднимает мертвых на Страшный суд.

Эфлатун — арабизованная форма имени знаменитого греческого философа Платона (428—347 гг. до н. э.). Согласно мусульманской средневековой традиции, Платон был не только философом, но и врачом, который сумел распознать заболевание любовью; для мистиков было важно его положение о божественной красоте как высшем объекте любви.

СОДЕРЖАНИЕ

из книги первой

Вступление. Песнь свирели	6
Притча о бакалейщике и попугае, пролившем благовонное масло	9
Рассказ о мастере и косоглазом подмастерье	11
Притча о том, как некий халиф задал вопрос Лейле и что она ему ответила	12
Рассказ об ослице и колючке	13
Рассказ о царе Солеймане и удоде	14
Притча о том, как помойная муха мнила себя кормчим	15
Притча о глупце, который убегал от смерти	16
История о купце, который отправился в Индостан, и о поручении, которое ему дал попугай	17
Рассказ о том, как некий житель города Казвина захотел украсить себе спину изображением льва	23
История о том, как волк и лисица отправились на охоту вместе со львом	25
Рассказ о том, что произошло на судне между его кормчим и ученым грамматистом	27
Притча о «моем» и «твоем»	28
О том, как некий глухой отправился навестить больного соседа	29
Рассказ о рабе Лукмане, о других рабах и об их владельце	31
Рассказ о том, как спорили румийцы с китайцами	32
Пожар	34

из книги второй

О том, как на постоялом дворе некий суфий наставлял слугу по части ухода за его ослом	36
Рассказ о том, как некоему человеку во времена Омара привиделся на небе молодой месяц	40

О том, как крестьянин гладил льва в темноте, полагая, что это бык	41
Притча о том, как суфии продали осла, принадлежавшего их собрату, чтобы однажды наесться всласть	42
История о несостоятельном должнике, который, сидя в темнице, объедал всех других узников	46
Рассказ о том, как некий человек искал жилище	50
Рассказ о том, как некий хозяин выяснял достоинства купленных им рабов	51
Рассказ о том, как человек, мучимый жаждой, бросал с высокой стены кирпичи в текущий поток	57
Рассказ о том, как сокол попал в развалины и оказался пленником сов	58
Рассказ о том, как некий человек посадил на дороге колючий кустарник	60
Правитель и наставник	61
Рассказ о том, как проявились мудрость и совершенство Лукмана	62
Рассказ о том, как ехавший верхом эмир привел в ярость спящего, которому в рот заползла змея	64
О том, как некий владелец сада внес разлад между суфием, факихом и потомком Али	67
Рассказ о глупце, который был ослеплен доброжелательством медведя	71
О том, как шут объяснял султану свою женитьбу	74
Собака и слепец	75
О том, как вор не попал в руки хозяина, потому что какой-то человек своим криком сбил догонявшего с толку	75
Рассказ о четырех индостанцах, которые перессорились между собой	77
Рассказ о старом человеке, который жаловался на свои болезни	78
О том, как разбойники-огузы собрались убить одного старика, чтоб испугать другого	79
История об отроке, который рыдал над мертвым отцом	80
История о том, как некий лучник испугался грозного вида всадника	81
Рассказ о том, как бедуин наполнял переметную суму песком	82
О том, как мышь украла верблюжий повод	84

Рассказ о поисках дерева, чьи плоды даруют бессмертие	85
Рассказ о том, как из-за винограда перессорились четыре человека	88
О том, как судья жаловался на свое назначенье	89

ИЗ КНИГИ ТРЕТЬЕЙ

История о том, как некий селянин обманул горожанина	92
Рассказ о том, как сокол уговаривал уток покинуть пруд и улететь в степь	101
Рассказ о том, как Маджнун ласкал собаку, которая обитала на улице Лейли	102
О том, как некто смазывал губы курдючной коркой, чтобы думали, будто он сытно ест	103
Рассказ о том, как шакал угодил в бадью с краской	104
О том, как горный козел теряет рассудок, завидя козу	106
Дерево и незрелые плоды	107
Притча о спорах по поводу облика слона	108
О том, как расстерянность, вызванная изумлением, мешает размышлению и рассуждению	109
Рассказ о ловце змей, который счел замерзшего дракона мертвым и приволок его в Багдад	110
Рассказ об учителе	112
О том, как ученики ввели в сомнение учителя	114
О том, как заболел учитель от своей мнительности	115
О том, как из-за своей мнительности слег учитель в постель	116
О том, как вторично ученики ввели в заблуждение учителя	117
О том, как ученики благодаря своей хитрости освободились от занятий	117
О том, как матери пошли навещать больного учителя	118
Притча о том, что ответил золотых дел мастер, предвидя конечный результат дела, соседу, пришедшему одолжить весы	119
Рассказ о дервише, который жил отшельником в горах и нарушил обет	120
Рассказ о том, как мул жаловался верблюду на то, что часто падает	122
Рассказ о терпеливости Лукмана	123
Рассказ о зайце, который обратился к царю слонов, выдавая себя за посланника луны	124
Притча о воре, который притворился барабанщиком	125
Рассказ о том, как собака каждую зиму давала клятву построить для себя дом, когда настанет лето	126
История о том, как суфий объяснялся в любви висящему на стене дорожному мешку	127

Рассказ об эмире и его рабе Сонкуре	128
Рассказ о том, как орел утащил и поднял ввысь сапог Пророка . . .	129
Рассказ о том, как любимая спросила у влюбленного, какое место в мире лучше всех других	130
Рассказ о пользе воспитания посредством битья	131
Рассказ о мальчике, который боем барабанчика отгонял от посевов птиц	131
Притча о горошине, которая прыгает в кипящем котле	132
Рассказ о том, как просил комар у царя Солеймана заступничества от ветра	133

ИЗ КНИГИ ЧЕТВЕРТОЙ

Рассказ о человеке, который молился во здравие грешников . . .	136
Рассказ о том, как Пророк (мир ему!) поставил во главе войска юношу из племени хузайл	137
Рассказ о дубильщике кожи, который потерял сознание на базаре	138
Рассказ о лавочнике, у которого были разновесы из глины . . .	139
Рассказ о суфии, который застал свою жену с чужим мужчиной у себя в доме	141
О том, что истинно верующий человек не отличается от дикобраза	144
Рассказ об одном факихе, который носил большую чалму	145
Рассказ о том, как шах пожаловал награду некоему поэту и как ве- зир по имени Хасан десятикратно ее увеличил	146
Рассказ о том, как известный нам поэт несколько лет спустя пре- поднес шаху хвалебные стихи	147
История о том, как птица, попавшая в сети, давала советы птицелову	150
Рассказ о том, как один человек обращался за советом	152
Рассказ об отшельнике, который веселился в голодный год . . .	153
История о водоеме, о рыболовах и о трех рыбах	154

ИЗ КНИГИ ПЯТОЙ

Рассказ о бедуине, чья собака умирала от голода	158
Рассказ о том, как продают лунное сияние, выдавая его за холст . .	159
Притча о еде и едоке	160
Рассказ о том, как некий ученик, придя к своему наставнику, застал того плачущим	160
Рассказ о том, как попугай учится говорить у своего отражения в зеркале	161
Маджнун	161

Рассказ про лису, льва и осла	162
Притча о том, как осел водовоза увидел в ханской конюшне сытых и довольных жизнью арабских скакунов	172
Притча о человеке, который был напуган тем, что на улице хватали ослов	174
Притча о христианском монахе	174
Рассказ о том, что ответил хозяин человеку, который утверждал, что все на свете предопределено	175
Рассказ о том, как люди уговаривали Маджнуна отказаться от своей любви к Лейли	176
Рассказ о муаззине, у которого был противный голос	177
Рассказ о женщине, которая сказала мужу, что мясо, принесенное им, съел кот	179
Рассказ о хозяине дома, его жене и совершенном гостеприимстве	180
Рассказ о том, как шахский шут во время игры в шахматы поставил мат шаху города Термеза	182
Рассказ о том, как султан Махмуд посредством жемчужины испытывал своих приближенных	183

из книги шестой

О том, как вор украл барана у некоего мужа	188
О том, как сторож, охранявший караван, начал кричать только тогда, когда воры утащили все богатства	189
Рассказ о влюбленном, которому назначили свидание	190
Рассказ о том, как пьяный тюркский сардар призвал к себе певца	191
Притча о муравье, который удовлетворяется одним-единственным зерном	192
Рассказ о том, как некий человек просил у эмира коня	193
Рассказ о нищем, просившем подаяния	193
Рассказ о некоем больном, на чье выздоровление лекарь не питал надежд	194
Поучительный рассказ о тюркском воине и вороватом портном	198
Притча в успокоение тех, кто страдает от гнета судьбы	202
Рассказ о жене и муже и о том, какой разговор произошел между ними	203
Рассказ о том, как спросили священника, что старше: он или его борода?	204
Притча об истинном благочестии и о зле, наряженном в одежды набожности	204

Рассказ о том, как баран, верблюд и бык нашли на дороге охапку сена	205
История о любви лягушки и хомяка	206
Рассказ о султани Махмуде Газнавиде и о том, как он стал сообщником ночных воров	209
О том, как некий шах заставил ревнителя закона принять участие в пиршестве, и о том, как правовед опьянел	211
<i>О. Ф. Акимушкин. Вдохновенный из Рума</i>	215
<i>О. Ф. Акимушкин. Комментарии</i>	232
Глоссарий	259

Руми Дж.

P181 Поэма о скрытом смысле. Избранные притчи. Пер. с перс. Н. Гребнева. Послел. О. Акимушкина. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

270 с.

Публикуемый новый перевод — самая полная выборка из грандиозной поэмы Руми (XIII в.), представляющей собой вершину суфийской поэзии.

Р 4703000000-098 Без объявления
013(02)-86

ББК84.4(0)9

Джалаладдин Руми

ПОЭМА
О СКРЫТОМ
СМЫСЛЕ

Избранные притчи

Редактор *Н. Б. Кондырева*

Младший редактор *М. А. Зонина*

Художник *В. Б. Переберин*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *М. В. Погоскина*

Корректор *Т. А. Алаева*

ИБ № 15283

Сдано в набор 07.08.85. Подписано к печати 08.04.86.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Фотонабор. Гарни-
тура таймс. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,28. Усл. кр.-
отт. 28,77. Уч.-изд. л. 13,56. Тираж 75 000 экз. Изд. № 5037.
Зак. 939. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
103473, Москва И-473, Краснопролетарская, 16

1 р. 10 к.

